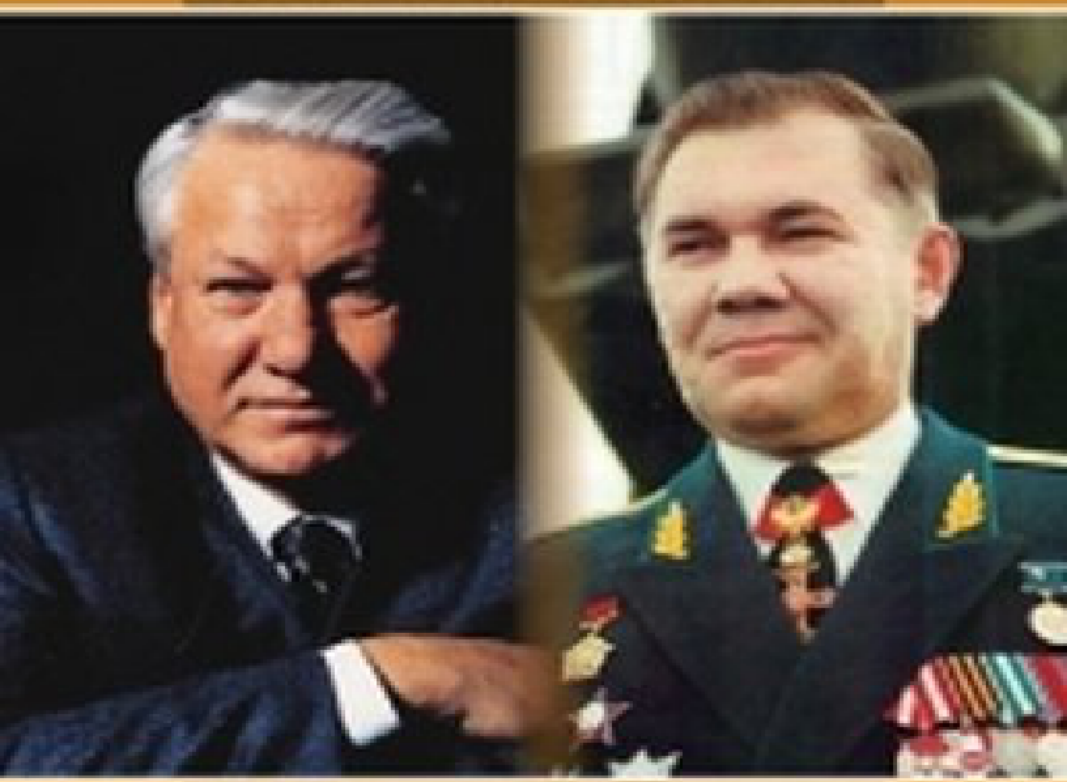
Олег Мороз



ЕЛЬЦИН ЛЕБЕДЬ ХАСАВЮРТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

8 декабря 1991 года подписанием Беловежского соглашения был оформлен распад Советского Союза. Пожалуй, одним из наиболее тяжелых последствий этого распада стала чеченская война. Она началась 11 декабря 1994 года после того, как президент Ельцин подписал указ «О мерах по обеспечению законности, правопорядка и общественной безопасности на территории Чеченской Республики», в соответствии с которым на территорию «взбунтовавшейся» северокавказской автономной республики вошли федеральные войска.

И полилась кровь. Стали превращаться в руины чеченские города и села. В обратном направлении, в Россию, пошел поток грузов с присвоенным каждому зловещим обозначением «груз 200». И чем больше было этих «грузов», тем мощнее поднималась общественная волна протестов, требований закончить эту кровавую войну.

Но всякую войну легче начать, чем закончить. Тем не менее, Борис Ельцин, приняв в начале 1996 года решение идти на второй президентский срок и понимая, что с тяжким чеченским бременем на плечах ему выборы не выиграть, пообещал народу положить конец бессмысленному кровопролитию. И выполнил обещание. В августе 1996 года были заключены Хасавюртовские соглашения, а затем, в мае 1997-го, Московский договор между Россией и Чечней.

Большую помощь в прекращении чеченской войны Ельцину оказал генерал Александр Лебедь, занимавший в ту пору должность помощника президента и секретаря Совета безопасности России.

Спустя три года Путин, воспользовавшись взрывами домов в Москве и Волгодонске, а также вторжением отряда Басаева в Дагестан, разорвал мирные договоренности между Москвой и Грозным, начал вторую чеченскую войну.

В основе этой книги — две другие работы автора: «Красные больше не вернутся (2007) и «Почему он выбрал Путина (2009).

- Олег Мороз
  - От автора
  - I. ЕЛЬЦИН ПРЕКРАЩАЕТ ВОЙНУ
    - ВСЕ НИЖЕ, И НИЖЕ, И НИЖЕ
      - Как падал ельцинский рейтинг
    - ЕЛЬЦИН ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ
      - Не позволить коммунистам вернуться к

власти!
- Война в Чечне на фоне предстоящих выборов
- ТРАГЕДИЯ ПЕРВОМАЙСКОГО
  - Нападение на Кизляр
  - Боевики уходят из города
  - Радуева не выпускают из Дагестана
  - Начало штурма
  - «Без устали молотят по селу»
  - Информационная блокада
  - Не захотели повторять Буденновск…
  - А сегодня в Дагестане гремят взрывы
  - Перед выборами Кремль меняет курс?
- ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ ПОТИХОНЬКУ РАСКРУЧИВАЕТСЯ
  - В угоду избирателю
  - Торжественный ритуал в Екатеринбурге
  - «Настроен я крепко»
  - Зюганов идет в «последний и решительный»
  - У Ельцина появились шансы на выход во второй тур
- ОСТАНОВИТЬ ВОЙНУ В ЧЕЧНЕ!
  - Главное условие победы на выборах
  - Люди требуют мира
  - Президент делает решающий шаг
  - «Мы трижды предлагали ему переговоры»
  - Гладко было на бумаге…
  - После мирного договора — бомбежка
  - Шаймиев почти встретился с Дудаевым
  - Разгром под Ярыш-Марды
  - Ельцин потихоньку догоняет Зюганова
  - Ельцин — кандидат
- ГИБЕЛЬ ДУДАЕВА
  - Жив он или мертв?
  - Все планы рушатся…
  - «Его убили свои»
  - Генерал-майор авиации
  - Вслед за Дудаевым — Яндарбиев
  - Слухи о смерти Яндарбиева оказались сильно преувеличены
  - Ельцин уже «дышит в затылок» Зюганову
- ПЕРЕГОВОРЫ С ЯНДАРБИЕВЫМ
  - Новое прозвище Ельцина — «волкодав»

- Главная задача — прекратить огонь
- Неожиданная поездка Ельцина в Чечню
- «Ястреб», ставший «голубем»
- Чинят помехи миру
- В соревновании с Зюгановым Ельцин выходит вперед

- ПЕРВЫЙ ТУР ВЫБОРОВ. НЕ СЛИШКОМ НАДЕЖНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО ЕЛЬЦИНА
  - Президент — впереди
  - Были ли они честными?
  - Ельцин недоволен
  - Выборы в Чечне
- ГЕНЕРАЛ ИДЕТ НА ПОМОЩЬ ПРЕЗИДЕНТУ
  - Лебедь обещает «сделать всем хорошо»
  - «Чеченская гангрена должна быть прооперирована»
  - Лебедь — преемник Ельцина?
  - «Я выбираю новую идею»
  - Назначение состоялось
  - «Спасти Россию от потрясений!»
  - Коммунисты пытаются перетянуть Лебедя на свою сторону
  - Роль генеральской личности в истории
  - Велик ли будет прибыток у Ельцина?
  - Короткий век «нерушимых» союзов
  - Лебедь разоблачает «ГКЧП-3»
  - Страна разбужена по тревоге
  - Ночь, исполненная напряжения
  - Лебедь грозит мятежникам карами
  - «Этих людей нужно уволить»
  - Заседание СБ было скоротечным
  - Чубайс направляется к Ельцину
  - Все обстояло несколько иначе
  - Пресс-конференция Чубайса
  - Лебедь отстраняется от Чубайса и от «коробки из-под ксерокса»
  - Расхождение было неизбежно
  - Дело о «генеральском заговоре» разваливается
  - Лебедь дает задний ход
- ВТОРОЙ ТУР ВЫБОРОВ. УБЕДИТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА ДЕЙСТВУЮЩЕГО ПРЕЗИДЕНТА
  - Разговоры о фальсификации тогда и сегодня

- Ельцин опять впереди
- Победа с привкусом лекарства
- Как ни странно, коммунисты довольны
- Наблюдатели ставят высший балл
- Прогнозы оказались точными
- Миф о победе Зюганова
- Выборы в Чечне

- И ВСЕ ЖЕ ЕЛЬЦИН ВЫПОЛНИЛ СВОЕ ПРЕДВЫБОРНОЕ ОБЕЩАНИЕ УСТАНОВИТЬ МИР В ЧЕЧНЕ
  - Перемирие, не продержавшееся ни дня
  - Мир почти сорван
  - В дело вступает Лебедь
  - Ультиматум Пуликовского
  - Люди с оружием уходят из Грозного
  - Точка поставлена в Хасавюрте
  - Бездарно упущенный шанс
  - И все-таки обещание Ельцина было выполнено
- СОГЛАШЕНИЯ СОБЛЮДАЮТСЯ. НА СЛОВАХ
  - «Военного решения там нет»
  - Примаков обещает…
  - «Ястребы» срывают мир
  - Ельцин и Масхадов, возможно, все-таки встретятся
  - «Ястребы» срывают переговоры
  - Президент называет преемника
  - Они «похожи характером» — оба жесткие

- II. ПУТИН ВОЗОБНОВЛЯЕТ ВОЙНУ
  - И ОПЯТЬ БОЙНЯ В ЧЕЧНЕ
    - «Попытка свержения конституционного строя»
    - Снова Басаев…
    - Версия «той» стороны
    - Двое в одной берлоге
    - Рейтинг Путина… один процент
    - Путин обещает…
  - КОНЕЦ ЕЛЬЦИНА-МИРОТВОРЦА
    - «Не спеша одолеем эту проблему»
    - Первая скрипка — в руках Путина
    - Ельцина призывают лично заняться проблемой Чечни
    - Ельцин дает команду «Огонь!»
  - ВЗРЫВЫ, ВЗРЫВЫ, ВЗРЫВЫ…

- Буйнакск, Москва, Волгодонск…
- Слухи о близкой отставке Путина
- Странное происшествие в Рязани

- ПУТИН РАЗЖИГАЕТ ВОЙНУ
  - «Хасавюрт был ошибкой»
  - Масхадов пытается предотвратить войну
  - «Они хотят разделить Россию на бантустаны»
  - На Чечню снова начинают падать бомбы и ракеты
  - «Будем мочить их в сортире!»
  - Аушев призывает Ельцина…
  - Популярность Путина растет благодаря войне
  - Хроника вторжения
  - В Чечне вводится военная цензура
  - «Обменяли хулигана на Луиса Корвалана»
  - Санитарная зона построена
  - Чечня — в экономической блокаде
  - Аушев по-прежнему против
  - На беженцев — наплевать!
  - Путин все более «любезен народу»
  - Ракетами — по мирным людям
  - Кто отдал приказ?
  - Бывшие премьеры призывают к переговорам
  - Запад пытается остановить Путина
  - Беженцы «получают помощь»
  - Владимир Рыжков одобряет…
- ЕЛЬЦИН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В СТАМБУЛ
  - «Бомбардировки безнравственны»
  - Ельцин показывает Западу «кузькину мать»
  - Чубайс советует…
  - «Особое мнение» Клинтона
  - И уехал, «хлопнув дверью»…
  - Ельцин пригрозил Клинтону ядерным оружием
  - Березовский предлагает план…
  - Большинство российских граждан — за то, чтобы «мочить их в сортире»
- КОГДА МИР НЕ НУЖЕН
  - Переговоры с Масхадовым, оказывается, ведутся
  - Путин предъявляет Масхадову

невыполнимые требования
- Москва упустила свой единственный шанс…
- ЕЛЬЦИН ПОКИДАЕТ КРЕМЛЬ
  - «Я не хочу ему мешать»
  - Почему он ушел
  - Реакция Путина
  - Отставка Ельцина добавила Путину очков
- А КРОВЬ ВСЕ ЛЬЕТСЯ И ЛЬЕТСЯ…
  - Продолжают «мочить их в сортире»
  - «Российские солдаты добивали больных, раненых, убивали мирных людей, стариков и женщин»
  - Концлагерь в Чернокозове
  - Западу неприятно на это смотреть
  - Путин — президент
  - Очередной трагический перелом в российской судьбе
  - Россия, что с тобой случилось?

Олег Мороз
ЕЛЬЦИН. ЛЕБЕДЬ. ХАСАВЮРТ

От автора

В истории крайне редко бывают случаи, чтобы война была остановлена по воле народа. Все решают высокопоставленные государственные деятели, военачальники. Первая чеченская война, начавшаяся в декабре 1994 года, тоже была прекращена в 1996 году президентом Ельциным. Однако прекращена — под мощным давлением общественного мнения: россияне требовали прекратить кровопролитие на Северном Кавказе. И глава

государства не мог проигнорировать это требование, тем паче, что приближались президентские выборы: не учитывать мнение значительной части избирателей означало бы для Ельцина понизить свои шансы на переизбрание, которые и без того были не высоки.

К сожалению, общественное мнение легко поддается манипуляциям. Мир в Чечне продержался лишь три года. Осенью 1999-го война вспыхнула вновь, с новой силы. Причем значительную роль в ее возобновлении опять-таки сыграло «мнение народа», требовавшего наказать чеченских «террористов», чеченских сепаратистов за взрывы домов, за вторжение в Дагестан, хотя истинные обстоятельства этих акций до сих пор до конца так и не прояснены.

Олег МОРОЗ

I. ЕЛЬЦИН ПРЕКРАЩАЕТ ВОЙНУ

ВСЕ НИЖЕ, И НИЖЕ, И НИЖЕ

Как падал ельцинский рейтинг

1996 год. Год президентских выборов. К началу этого года Ельцин, постоянно болеющий, утративший былую энергию, подошел почти с нулевым рейтингом. Это при том, что перед первым президентским сроком и в начале его популярность бывшего первого секретаря Свердловского обкома КПСС была весьма высока.

Впервые политиком номер один Ельцин стал в 1990 году. В ту пору три года подряд, ВЦИОМ распространял анкету, предлагавшую выбрать «человека года». Тогда подобные титулы входили у нас в моду. В 1988-м, согласно этой анкете, Ельцин занимал лишь третье место с четырьмя процентами (впереди Горбачев — 55 процентов и Рыжков — 13). В 1989-м он отодвинулся назад, стал четвертым, хотя в процентах прибавил — 16 (первые три места заняли: все тот же Горбачев — 46 процентов, ставший вторым Сахаров — 25, Рыжков — 17). Однако в 1990-м Ельцин вышел вперед с 32 процентами. Горбачев отъехал на вторую позицию — 19 процентов.

При «лобовой» постановке вопроса — «Кто вам больше нравится как политический деятель — Горбачев или Ельцин?» — разрыв оказался еще более впечатляющим: 52: 21 в пользу Ельцина (опрос проводился ВЦИОМом с 7 по 19 сентября 1990 года).

Так разрешилось соревнование в популярности между этими двумя ведущими в ту пору политиками. Бунтарь, бросивший вызов партийной верхушке, беспощадно наказанный ею за это, оказался более «сродни душе народной», чем лидер перестройки, который уже начал всем надоедать своими бесконечными обтекаемыми речами и отсутствием настоящего дела. За бунтарем маячила какая-то перспектива, освобождение от семидесятилетнего коммунистического ярма…

В дальнейшем, после некоторого падения зимой 1990-го — 1991 года, рейтинг Ельцина перед первыми российскими президентскими выборами набирает максимальную высоту. По опросу Фонда «Общественное мнение», проведенному 5–7 мая 1991 года, еще до официального выдвижения кандидатур на пост президента, 52 процента россиян желают видеть Ельцина на этом посту.

Непосредственно перед выборами коммунисты

предпринимают информационную атаку против наиболее реального кандидата в президенты, теперь самого лютого их врага, — в контролируемых ими газетах появляются сообщения о каких-то исследованиях общественного мнения, свидетельствующих будто бы о «резком падении» электоральной поддержки Ельцина — то ли до 36, то ли до 44 процентов. Однако опрос, проведенный 1–2 июня опять-таки ВЦИОМом — наиболее авторитетной в то время социологической службой, — показывает, что Бориса Николаевича поддерживают 60 процентов тех, кто решил участвовать в голосовании.

ЭТО ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС ЕЛЬЦИНА. Никогда — ни до, ни после — он не имел такой поддержки.

12 июня 1991 года, когда его выбрали президентом, за него проголосовали 57,3 процента пришедших на избирательные участки.

Увы, в дальнейшем происходила лишь растрата этих голосов.

Впрочем, какое-то время популярность Ельцина еще оставалась достаточно высокой. Спустя год после его избрания президентом, 20–21 июня 1992 года, Фонд «Общественное мнение» задал россиянам вопрос: «Если бы сегодня проводились выборы президента России, за кого вы отдали бы свой голос?» 30 процентов ответили: за Ельцина. У Руцкого, в то время вице-президента, затеявшего со своим шефом ожесточенную схватку, — лишь 13 процентов, у Хасбулатова, который, как и Руцкой, в эту пору ведет с президентом борьбу не на жизнь, а на смерть, — всего три…

В начале 1993-го, согласно данным ВЦИОМа, Ельцин как политик по-прежнему пользовался наибольшим доверием — 22 процента. В апреле он выигрывает всенародный референдум. Однако к концу лета из-за политической пассивности теряет своих сторонников, и в сентябре по рейтингу его впервые опережает Руцкой: у него 17 процентов, у Ельцина — 13.

События 3–4 октября, когда Ельцин решительно подавил реваншистский мятеж, ненадолго возвращают президенту его приверженцев, — о доверии ему заявляют 24 процента опрошенных ВЦИОМом.

Это был последний всплеск ельцинского рейтинга. В течение 1994 года он медленно, но неуклонно снижался.

Весьма заметно упала популярность Ельцина после начала чеченской войны (она не пользуется поддержкой народа). ВЦИОМ приводит такие данные. При ответе на вопрос «Если бы в ближайшее воскресенье состоялись досрочные президентские выборы, за кого бы вы отдали свой голос?» в сентябре 1994-го Ельцин еще получил наивысший среди ведущих политиков балл

— 15 процентов, но уже в январе 1995-го — лишь 6 процентов, в феврале — 7 и в марте — снова 6 (для сравнения, у Явлинского в марте было 10 процентов).

На протяжении 1995 года рейтинг Ельцина продолжал падать. Весь период перед выборами в Думу (они состоялись 17 декабря 1995 года) Ельцин провел либо в больнице, либо в санатории, либо в отпуске на юге. Такая «интенсивная работа», конечно, не могла не сказаться и на его собственном рейтинге, и на голосах, которые достались на думских выборах пропрезидентской партии «Наш дом — Россия» — она фактически потерпела провал, получив лишь 10 процентов голосов. Согласно опросу, который ВЦИОМ провел с 17 по 24 октября, наибольшим доверием Ельцин пользовался. лишь у трех процентов избирателей (Лебедю отдали предпочтение 13 процентов, Явлинскому — 12, Святославу Федорову — 10, Зюганову — 9, Черномырдину — 6, Жириновскому — 6; короче говоря, президент пропустил вперед всех своих основных политических соперников).

Вот на таком, почти нулевом, уровне популярности действующий президент находился в начале новой президентской предвыборной кампании — кампании 1996 года. Мало кто верил, что он может выиграть эту кампанию. Многие сомневались, стоит ли ему вообще вступать в нее — баллотироваться на второй президентский срок. Да и сам он колебался…

ЕЛЬЦИН ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

Не позволить коммунистам вернуться к власти!

Колебания у Ельцина, — идти или не идти на второй срок, — повторяю, были, серьезные колебания. Но в конце концов он их преодолел. К этому его понуждала ситуация: уступить власть коммунистам означало перечеркнуть главное дело своей жизни. По утверждению главного ельцинского охранника Коржакова, о своем намерении идти на выборы шеф приватно сообщил ему где-то в начале января. Сам Ельцин в «Президентском марафоне» пишет, что решение идти на выборы он принял чуть раньше — в конце декабря 1995-го и что решение это далось ему нелегко. Тем не менее, повествует он об этом весьма пафосно:

«… Я стоял перед жизнью, продуваемый всеми ветрами, сквозняками, стоял и почти падал от порывов ветра: крепкий организм подвел; „ближайшие друзья“ — уже нашли тебе замену, как стая, которая исподволь, постепенно намечает нового вожака; наконец, отвернулись от тебя и те, на кого ты всегда опирался, кто был твоим последним рубежом, резервом, — духовные лидеры нации. А народ. Народ не может простить ни „шоковой терапии“, ни позора в Буденновске и Грозном. Казалось бы, все проиграно.

В такие мгновения приходит прозрение. И вот с ясной головой я сказал себе: если иду на выборы — выигрываю их, вне всяких сомнений. Это я знаю точно. Несмотря на все прогнозы, несмотря на рейтинги, несмотря на политическую изоляцию. Но вот вопрос: иду ли? Может, действительно пора мне сойти с политической сцены?

НО МЫСЛЬ О ТОМ, ЧТО Я ТЕМ САМЫМ БУДУ СПОСОБСТВОВАТЬ ПРИХОДУ К ВЛАСТИ КОММУНИСТОВ, ПОКАЗАЛАСЬ НЕСТЕРПИМОЙ (выделено мной. — **О. М.**).

В конце декабря я свой выбор сделал…»

Война в Чечне на фоне предстоящих выборов

Как уже говорилось, одной из главных причин непопулярности Ельцина в ту пору была Чечня. Общество в большинстве своем реагировало на кровавую бойню совершенно здраво и адекватно — была против нее.

(Как подумаешь: что с ним, с обществом, случилось потом, при Путине, когда возобновленная им война получила почти

единодушное одобрение народных масс? Как быстро могут меняться преобладающие общественные настроения!)

Собственно говоря, никто «наверху» не предполагал, что война на Юге так затянется. Мы ведь помним хвастливые заявления Грачева после разгрома чеченской «оппозиции» (промосковской «оппозиции» режиму Дудаева): дескать, если бы дело чеченского умиротворения было поручено ему, он бы с ним справился за два часа с одним парашютно-десантным полком.

Вот ему и поручили…

Никто в ту пору не допускал даже мысли, что президентская предвыборная кампания 1996 года будет проходить на фоне войны — войны неправедной, несправедливой. Проигранной еще до того, как она началась. В декабре-то 1994-го, когда чиркнули спичкой, казалось: до очередных президентских выборов времени эвон еще сколько!

В последний раз перед началом выборной кампании наш великий полководец, он же министр обороны, попытался добиться стремительной победы в Чечне аккурат в новогоднюю ночь 1994–1995 года. Бросив на штурм Грозного мальчишек Майкопской мотострелковой бригады. То ли по пьянке (отмечал свой день рождения), то ли на трезвую голову, но при затуманенном рассудке послал их на верную смерть. Они и погибли почти все…

Отчего же не удалась скоропалительная виктория? Объяснения быстро отыскались: не учли то да сё, недооценили противника, разведка плохо сработала. Ну да, наверное, и это было. Однако главное, конечно, заключалось в ином. В несправедливости, а потому и непопулярности этой войны, единственная причина которой — бездарность, а может быть, и корыстная незаинтересованность высокопоставленных чиновников, не сумевших (или не захотевших) решить проблему мирным способом.

Была, впрочем, и еще одна причина.

В Афганистан мы впёрлись, не озаботившись тем, чтобы полистать историю этой страны, хотя бы малейше познакомиться с национальным характером его народов. Не удосужились узнать тот широко известный всему миру факт, что никому еще не удавалось поставить эти народы на колени (хотя желающих было немало). Точно так же и в Чечню полезли, ничего не зная (или начисто позабыв) о кровавой истории покорения этого края Россией.

Порой мне кажется, что наши политики и генералы не читали ни «Рубки леса» Толстого, ни его «Набега», ни тем более гениального «Хаджи-Мурата». Не читали Костомарова, других

русских историков. Если бы почитали, узнали бы, откуда есть пошла «конституционная законность», которую они взялись восстанавливать огнем и мечом. А пошла она двести с лишним лет назад из желания русских царей обрести вольготный доступ к своему стратегическому союзнику — Грузии, для чего требовался сущий пустяк — покорить «дикие» и «воинственные» горские племена. Вот, стало быть, при каких обстоятельствах начали «восстанавливать» ту самую «конституционную законность».

Короче, только при абсолютном невежестве можно было вести себя по отношению к чеченскому народу так, как повели себя эти деятели.

Даже советские энциклопедии и словари, при всей их лживости, не посмели написать про Чечню, что она добровольно вошла в состав России (как они написали, допустим, про Ингушетию). «БЫЛА ПРИСОЕДИНЕНА» — вот и все, что отважились процедить сквозь зубы.

В сущности, мы словно по мановению волшебной палочки вернулись к худшим временам коммунистического режима, когда наши правители знали только один способ решения любой «национальной проблемы» — при посредстве оружия.

Мы вернулись к временам безудержного вранья официальной пропаганды, когда казенные врали с утра до вечера слали и слали в эфир высосанную из пальца «информацию» о наших замечательных победах и ничтожных потерях…

Впрочем, если сравнивать очередной кровавый эпизод нашей истории, начавшийся 11 декабря 1994 года, с аналогичными случавшимися в прошлом, — а они, повторяются, увы, регулярно, — кое от чего нам все же удалось уйти, кое в чем, как это ни странно звучит, мы сумели хоть на миллиметр, но продвинуться вперед по цивилизованному пути.

Что я имею в виду? Какое продвижение вперед? Прежде всего, то, что в целом реакция российского общества на затеянную властями чеченскую войну, как уже сказано, была адекватной: общество не приняло, отвергло ее. Когда еще такое бывало? Во время позорной финской кампании 1939 года? Во время удушения Венгрии, Чехословакии? Во время войны в Афганистане? Конечно, и тогда было немало людей, отвергавших действия московских властей, но масштабы тогдашнего неприятия были, разумеется, несопоставимо малы. Более или менее адекватная реакция общества стала пробуждаться разве что во время тбилисских и вильнюсских событий. Но это было именно только пробуждение, только начало. После 11 декабря 1994-го реакция обрела черты зрелости. Уже через несколько дней после ввода войск в Чечню 64 процента опрошенных Фондом

«Общественное мнение» заявили, что они против этого ввода. Такие же цифры сохранились и в дальнейшем. По данным ВЦИОМа, в октябре 1995-го за вывод войск были 40 процентов опрошенных и плюс к этому за то, чтобы добиваться мирного решения проблемы, — 25. То есть те же шестьдесят с лишним процентов выступали против войны.

Вполне адекватной была и реакция основных политических сил на развязанную чеченскую бойню. Открытую поддержку ей оказали лишь крайне правые — фашисты, ультра-националисты, националисты-державники. В оппозиции же оказались, прежде всего, демократы…

Все это было признаком того, что в России, худо ли бедно, образовался живой политический организм, который не только ориентируется на имена политических вождей, но и реально следует определенным принципам, с ними соразмеряет происходящие события и принимаемые решения.

Далее. Когда раньше бывало, чтобы безумная военная авантюра встречала такой дружный афронт со стороны прессы (под прессой я разумею не только газеты, но и все, что нынче называется средствами массовой информации — не люблю это словесное нагромождение)? В сущности, команде лжецов под руководством первого вице-премьера Олега Сосковца и других поставленных на это чиновников уже на первых порах удалось придушить только останкинские «Новости» и специально для такого случая вытащенное из нафталина «Время». Ну, частью еще некоторые радиоканалы. В основном же вся информация, какую удавалось добыть (тут, разумеется, тоже чинились всяческие препоны), передавалась и печаталась свободно. Не говоря уж о комментариях.

Можете ли вы себе представить опять-таки, чтобы Хрущеву в 1956-м во время венгерских событий или Брежневу в 1968-м при вторжении в Чехословакию кто-то хотя бы одной печатной строкой резанул бы правду-матку в глаза, как в 1994-м — 1995-м резали Ельцину?

Несмотря на фактическое военное положение, сохранилась и свобода социологических опросов. А также открытой публикации их результатов. Такого ведь тоже в подобные моменты отродясь не было. Как можно! Там ведь такого навыспрашивают! О процентах несогласия с вторжением в Чечню я уже говорил. Общественное мнение, опять-таки по данным ФОМ, так же четко назвало и виновников чеченской трагедии. На первом месте здесь стоял Ельцин (40 процентов опрошенных) и только на втором, с весьма заметным отрывом, — чеченский президент Дудаев (27 процентов).

Еще раз назову цифры ельцинского рейтинга того времени. Он, рейтинг, падал весь 1995 год, причем самым заметным его падение оказалось как раз после ввода войск в Чечню. Если в сентябре 1994-го у президента еще был наивысший среди ведущих политиков балл — 15, то в январе 1995-го — только 6. К концу этого года — началу следующего его рейтинг составлял лишь 2–3 процента…

Но, несмотря на протесты, война разгорелась, полыхнула широким пламенем. Своим разрушительным влиянием затронула не только крохотную частицу России. В общем, сейчас уже вполне ясно: РОССИЙСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ СПОТКНУЛАСЬ О ЧЕЧНЮ. Великая либеральная революция, свершившаяся в нашем отечестве в конце XX века, понесла огромный урон из-за войны, развязанной тогда, в середине девяностых, на Северном Кавказе. Все последующие годы имперская, милитаристская, военно-полицейская психология расползалась, как чума, по российским городам и весям и, в конце концов, сделалась одним из главных компонентов психологии правящей бюрократии. Соответственно, в значительной степени ею оказались пропитаны клеточки и поры всей нашей жизни. Именно война в Чечне — как главенствующий, хотя и не единственный фактор — в дальнейшем открыла дорогу установлению в России авторитарного режима.

ТРАГЕДИЯ ПЕРВОМАЙСКОГО

Нападение на Кизляр

В начале января 1996 года произошел один из самых нелепых и кровавых эпизодов первой чеченской войны, наложивший отпечаток на всю президентскую предвыборную кампанию. Благодаря этому эпизоду Ельцин как кандидат на второй срок стартовал из самой невыгодной позиции, какую только можно было придумать.

Весьма странным кажется, что он допустил подобный откат: и так-то рейтинг у него всего несколько процентов, но вот — позволить ему съезжать еще ниже…

Рано утром 9 января в дагестанский город Кизляр проник вооруженный отряд чеченских боевиков во главе с родственником Дудаева Салманом Радуевым. Численность отряда называлась разная — от 50 до 450 человек. В конце событий вроде бы утвердилась цифра 350.

В городе начались бои. Как позже выяснилось, основной целью нападавших был захват и уничтожение военных вертолетов, находившихся на специальной площадке в аэропорту. Однако решить эту задачу им не удалось. В их руках оказались центральная городская больница, родильный дом, железнодорожный вокзал.

В больницу и роддом радуевцы согнали множество местных жителей (назывались цифры от двух до пяти тысяч), объявив их заложниками. Был выдвинут ряд политических требований. Главное: Ельцин должен вступить в переговоры с Джохаром Дудаевым и вывести из Чечни федеральные войска, признать незаконными состоявшиеся незадолго перед тем, в декабре, выборы нового чеченского «президента» (как известно, им стал бывший республиканский коммунистический вождь Доку Завгаев).

Однако к вечеру, в результате переговоров с дагестанским руководством, Радуев отказался от своих требований, согласившись покинуть республику, если ему предоставят транспорт (десять автобусов и два грузовика) и гарантируют безопасность передвижения. Руководство Дагестана готово было выполнить эти условия.

Боевики уходят из города

Надо сказать, вообще, с самого начала кизлярских событий из уст многих известных деятелей зазвучали слова о том, что первейшей целью неизбежной в таких случаях силовой операции должно стать спасение ни в чем не повинных людей, оказавшихся в руках террористов. «Сейчас в Кизляре необходимы переговоры — жизнь заложников превыше всех амбиций и чести мундира руководителей силовых структур», — заявил, например, генерал Лебедь, в ту пору депутат Госдумы, готовившийся стать кандидатом в президенты России.

И вначале все вроде бы указывало на то, что именно это — спасение человеческих жизней — станет приоритетом для власти. Председатель Госсовета Дагестана Магомедали Магомадов связался с Черномырдиным. Очень важный момент: как сообщил журналистам депутат Госдумы Гамид Гамидов, ЧЕРНОМЫРДИН ДАЛ ДАГЕСТАНСКОМУ ЛИДЕРУ ГАРАНТИИ, ЧТО ТЕРРОРИСТЫ СМОГУТ БЕСПРЕПЯТСТВЕННО ПОКИНУТЬ ПРЕДЕЛЫ РЕСПУБЛИКИ.

Утром 10-го боевики вместе с заложниками выехали из Кизляра на предоставленном им транспорте и двинулись в сторону чеченской границы. Помимо рядовых жителей города (сообщалось, что таковых 165 человек), среди заложников находился ряд высокопоставленных дагестанских чиновников, добровольно сдавшихся боевикам в обмен на освобождение женщин и детей, — министр по делам национальностей, первый зам главы МВД, министр мелиорации и водного хозяйства, первый зам председателя Народного собрания, — а также депутат российской Госдумы и двое журналистов…

Вообще-то, как позднее утверждал дагестанский лидер Магомадов, согласно договоренности с боевиками, сопровождать их до блокпоста у села Первомайское на границе с Чечней должны были только заложники-добровольцы, однако вопреки соглашению радуевцы увезли с собой еще и те самые полторы с лишним сотни обычных горожан.

По разным подсчетам, приводившимся на тот момент, в Кизляре в результате радуевского нападения погибли от 20 до 33 человек. В их числе военные, милиционеры, мирные жители. В итоге всех событий была названа окончательная цифра — 35 погибших.

Если отвлечься от всего остального, сам факт беспрепятственного проникновения чеченских террористов в мирный дагестанский город — свидетельство вопиющей беспечности и разгильдяйства, царивших во властных и силовых структурах, местных и федеральных. Как сообщалось в прессе, еще 25 декабря в МВД Чечни была получена и документально

зафиксирована «оперативная информация о том, что группа лиц из бандформирований, участвовавших в захвате Гудермеса (случившегося незадолго перед этим. — **О. М.**), намерена совершить налет на Кизляр. Об этом тут же были извещены подразделения ФСБ в Чечне, милиция в Кизляре, а через них представители военной разведки». И вот, несмотря на это предупреждение, отряд Радуева сумел спокойно попасть в город, хотя на пути его следования, как сказал потом Ельцин, распекая силовиков, были дислоцированы в разных местах несколько тысяч военнослужащих федеральных сил.

Как бы то ни было, до момента, когда налетчики покинули Кизляр, все вроде бы шло по буденновскому сценарию. Недаром же к этому делу подключился Черномырдин.

Тут надо напомнить читателю, что случилось в Буденновске летом 1995 год и какова была роль премьера Черномырдина в относительно мирном разрешении возникшей тогда трагической ситуации. Отряд чеченских боевиков под командованием Басаева на трех «КамАЗах» в сопровождении «легковушки», перекрашенной под милицейский автомобиль, каким-то непонятным образом миновав многочисленные посты федеральных войск и милиции, проник в город Буденновск, что на Ставрополье, расстрелял множество милиционеров и простых горожан. Боевики захватили сотни заложников и забаррикадировались в городской больнице. Спецназ попытался взять больницу штурмом, но потерпел неудачу. Что было делать? Следуя обычной практике российских властей, — любой ценой, не считаясь ни с какими жертвами, добиться уничтожения боевиков. Так они, власти, действовали потом на Дубровке, в Беслане… Но на этот раз главную роль взял на себя премьер Черномырдин. В качестве приоритета он тогда принял спасение заложников, ради этого, после телефонных переговоров с Басаевым, позволив боевикам уйти в Чечню. Разумеется, будучи осторожным чиновником, Черномырдин наверняка согласовал свои действия с Ельциным, не мог не согласовать, однако народная молва прочно связала этот благородный и гуманный вариант разрешения буденновской драмы именно с личностью премьера.

Радуева не выпускают из Дагестана

В Первомайском, однако, продолжение было иным, чем в Буденновске. Когда голова колонны пересекла дагестанско-чеченскую границу, по ней неожиданно был открыт огонь с вертолета. Автобусы сразу же повернули назад и остановились в

расположенном неподалеку от границы дагестанском селе Первомайское. Здесь боевики разоружили и захватили 37 милиционеров новосибирского УВД, находившихся на блокпосту возле села.

В развитии событий наступил резкий перелом. Как заявили корреспонденту «Интерфакса» в руководстве Дагестана, в Кизляре им удалось достичь уникального успеха: «в течение суток договориться с террористами и освободить три тысячи заложников», — и вот эти результаты «оказались сведены на нет усилиями российских военных», «своими маневрами они сорвали достигнутые договоренности».

В действительности дело, конечно, было не в военных: соответствующие распоряжения, несомненно, исходили с самого верха. Но критиковать Кремль республиканское начальство, естественно, не осмелилось.

Все говорило о том, что в Москве решили не допустить повторения Буденновска. В общем-то, почти всякий раз, оказываясь перед выбором — уничтожить террористов или спасти заложников? — наша власть отдавала предпочтение первому. Человеческая жизнь, как известно, у нас мало что стоит. Буденновск тут стал исключением. Теперь вот опять возвращались к правилу…

К тому же Буденновск, мы знаем, оказался связан с именем Черномырдина. После него популярность премьера подскочила. Начинающаяся предвыборная кампания и скрытое соперничество между ним и президентом требовали эту популярность понизить…

Начались затяжные, длившиеся несколько дней, переговоры боевиков с властями. Власти настаивали на полном освобождении всех заложников — это будто бы было оговорено еще в Кизляре: на границе заложники должны быть отпущены. Думаю, в действительности вряд ли боевики могли согласиться на такое условие, хоть в Кизляре, хоть где: со стороны Чечни приграничная территория представляла собой открытую местность — уничтожить здесь колонну, оставшуюся без заложников, не составляло никакого труда…

Кстати, после начала этого нового этапа радуевской эпопеи в СМИ появилось уточненное число пленников, находившихся в руках боевиков. Оно оказалось несколько меньше, чем считали ранее: 67 (а не 165) жителей Кизляра и 13 высокопоставленных добровольцев и журналистов. Плюс к этому — уже упомянутые 37 новосибирских милиционеров.

Против задержания колонны на границе тогда протестовали многие. Всем было ясно: это неминуемо приведет к большой

крови. Особенно решительно были настроены дагестанские власти, республиканские силовые структуры, местное население. Сообщалось, например, что, согласно общему мнению работников управления ФСБ Дагестана, Салман Радуев и его сообщники должны быть без промедления выпущены вместе с заложниками на территорию Чечни, не следует доводить дело до силового решения.

«Если боевиков будут атаковать до того, как освободят заложников, и кто-либо из гражданских лиц пострадает, мы не отпустим российские войска из Дагестана», — заявил 12 января лидер Союза мусульман России Надир Хачилаев, прибывший в район осажденного села.

Все эти дни отчаянные попытки не допустить штурма Первомайского предпринимал заместитель председателя Совета Федерации Рамазан Абдулатипов. Уже 11 января в середине дня информагентства распространили его слова: «До сих пор никто не может объяснить причины блокирования группы вооруженных боевиков с заложниками в Первомайском, несмотря на то, что была достигнута договоренность с руководством Дагестана об их беспрепятственном продвижении в направлении к Чечне». 13 января Абдулатипов обратился к Ельцину и Черномырдину с настоятельной просьбой лично вмешаться в разрешение ситуации. В своем обращении он вновь отметил, что в результате переговоров руководства Дагестана с террористами «были освобождены более трех тысяч заложников и сам город Кизляр. Но достигнутые договоренности сорваны провокационными действиями федеральных силовых структур. В результате селение Первомайское и оставшиеся заложники блокированы вот уже несколько дней». Продолжение блокады, по словам Абдулатипова, «становится опасным фактором, который может породить несвойственные для дагестанцев антироссийские настроения… Развитие событий в этом направлении недопустимо. Уничтожение террористов необходимо — это бесспорно, но не за счет жизней заложников». Зампред Совета Федерации настаивал на том, чтобы «довести до конца» вариант освобождения заложников, «предложенный руководителем Дагестана Магомадовым», то есть предоставить боевикам возможность вернуться в Чечню.

В этот же день несколько тысяч жителей Махачкалы, Кизляра, Хасавюрта и других расположенных неподалеку населенных пунктов направились в сторону Первомайского, чтобы потребовать выполнения достигнутого в Кизляре соглашения о пропуске террористов в Чечню.

Однако федеральные власти пренебрегли всеми этими

требованиями. Толпа дагестанцев числом около трех тысяч человек, пытавшаяся прорваться в Первомайское, уперлась в выставленные вокруг него войсковые кордоны…

Вечером переговоры с Радуевым и его боевиками были прерваны. Им предъявили «жесткие требования, носящие характер ультиматума».

14-го числа развернулась почти уже нескрываемая подготовка к штурму.

Начало штурма

Штурм начался 15 января в 9—00 вертолетной атакой на село. В результате артобстрела было подожжено несколько домов. Бои завязались непосредственно в Первомайском…

Накануне, как стало известно, состоялось экстренное заседание руководства Дагестана. Республиканский лидер Магомедали Магомадов сообщил, что его предложение отпустить боевиков в Чечню, к сожалению, не было поддержано на федеральном уровне, так как российские власти считают, что «нельзя каждый раз прощать террористов, нельзя, чтобы они ушли безнаказанно…».

Как мы помним, ранее у Черномырдина была другая позиция — он гарантировал, что боевики, отказавшиеся от своих политических требований, будут отпущены с миром.

Иными словами, МОСКВА ВЫСТАВИЛА РЕСПУБЛИКАНСКОЕ РУКОВОДСТВО ДАГЕСТАНА В РОЛИ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ НЕ ДЕРЖАТ СВОЕГО СЛОВА, что на Кавказе считается одним из самых тяжких грехов. Но что было делать? «Не воевать же нам из-за этого с Россией», — растерянно говорил Магомадов.

Вскоре после начала штурма Первомайского в Москве произошла знаменитая сцена, накрепко врезавшаяся в память всех, кто ее видел (а видели ее многие — она транслировалась по телевизору). Объясняя, как здорово подготовлена операция, Ельцин сказал журналистам: «Там 38 снайперов, и у каждого своя цель». При этом «в лицах» изобразил, как цепко каждый снайпер держит эту свою цель на мушке, отслеживая все ее передвижения. Эта глупенькая детская притча про 38 снайперов навсегда прилипнет к Ельцину — так же, как случай с берлинским полицейским оркестром, которым наш президент по пьяной лавочке взялся дирижировать, и происшествие в Шенноне, когда, «нагрузившись» перед этим в Америке, он не смог выйти из самолета…

[Кстати, Егор Тимурович Гайдар мне как-то сказал, что именно нелепые слова Ельцина о 38 снайперах,

свидетельствовавшие, что глава государства плохо себе представляет ситуацию в Первомайском, побудили тогда его, Гайдара, во всеуслышание заявить о разрыве отношений с президентом. Многие, и я в том числе, полагали, что причиной разрыва (который, впрочем, продолжался недолго) было увольнение Чубайса].

Позже, когда по Первомайскому лупили «Грады» и «Шилки», сметая и сжигая всех без разбора, этот наивно-нелепый рассказ про снайперов, предполагающий «точечную» операцию, наверное, многим вспоминался.

Из сообщений информагентств:

«15 января, 10–00. Несколько групп боевых вертолетов федеральных сил подвергли обстрелу неуправляемыми реактивными снарядами позиции боевиков, окопавшихся в пределах села…».

«15 января, 13–00. Ситуация в районе села Перво — майское не меняется, работают вертолеты и боевые самолеты федеральных сил… Журналисты, находящиеся в полутора километрах от села, сообщают, что отчетливо видно, как оно пылает… После того, как штурмовые группы спецподразделений вошли в Пер — вомайское, огонь из тяжелых вооружений по селу стих. Из самого села, окутанного плотными клубами дыма, доносится автоматно-пулеметная стрельба. Изредка бьют крупнокалиберные орудия. В небе над Первомайским постоянно находятся 10–12 вертолетов огневой поддержки Ми-26… Разрывы видны в районе школы, где до сих пор удерживались заложники».

Как же так? Разве летчикам не известно, кто там удерживается (или, по крайней мере, удерживался «до сих пор»)?

«Без устали молотят по селу»

В интервью «Известиям», которое он дал через несколько часов после начала штурма Первомайского, министр по делам национальностей Дагестана Магомед-Салих Гусаев высказал принципиальную позицию руководства республики: крупномасштабную войсковую операцию в Первомайском проводить было нельзя. С боевиками, сказал министр, надо воевать, когда они только еще врываются в республику, в ее города, а не в тот момент, когда в их руках уже оказалось огромное число мирных граждан. В последнем случае война с ними неминуемо заканчивается большими жертвами. Министр вновь высказал сожаление, что полномочия по освобождению заложников, которые президент России передал руководству Дагестана, были прерваны вертолетной атакой в окрестностях

Первомайского.

Протесты раздавались и в самой России. Остановить начавшиеся боевые действия призвал президента известный правозащитник депутат Госдумы Сергей Ковалев. «Борис Николаевич, — заявил он, — так называемая операция по освобождению заложников с огромной вероятностью превращается в операцию по уничтожению заложников. Только вы можете сейчас остановить бессмысленное уничтожение всего живого в Первомайском».

Между тем, несмотря ни на какие протесты, штурм Первомайского продолжался. Из сообщений СМИ:

«17 января. Третьи сутки авиация, артиллерия и остальные огневые средства войск без устали молотят по взятому в кольцо селу».

«17 января. Федеральные войска продолжают операцию… Утром по селу Первомайское велся непрерывный артиллерийский и ракетный огонь».

«17 января, 17–00… Примерно в 14 часов по московскому времени начался массированный обстрел села из ракетных установок „Град“. Корреспондент Франс Пресс, находящийся вблизи Первомайского, зафиксировал восемь залпов из этих установок в течение пяти минут. По селу, представляющему собой дымящиеся руины, наносят также ракетные удары российские вертолеты, слышна артиллерийская канонада».

«18 января, 13–30. Со стороны села Первомайское доносится сильная артиллерийская канонада…».

Вот такая ювелирная, «точечная» операция. Вот такие 38 снайперов. Как писали «Известия» 19 января, несколько дней «из всех видов оружия громили поселок на мирной дагестанской земле, мешая с камнем и землей тела террористов и заложников, женщин, детей и мужчин, имевших святое право на жизнь».

Информационным апофеозом всей операции в Первомайском, по-видимому, стало заявление, сделанное начальником Центра общественных связей ФСБ генералом Михайловым 17 января где-то около семи вечера. Он сказал журналистам, что в данный момент завершается последний этап войсковой операции по овладению селом, что подразделения федеральных войск при мощной артиллерийской и авиационной поддержке подавляют оставшиеся огневые точки боевиков, но… надежды на освобождение каких-либо новых заложников уже нет — таковых просто не осталось в живых.

Эти слова генерала еще раз удостоверили всех, что в Первомайском была проведена не операция по спасению заложников, а обычная войсковая операция, при которой спасение

невинных человеческих жизней — на двадцать пятом месте.

Кстати, возможно, именно это неосмотрительное заявление Михайлова, широко растиражированное средствами массовой информации, стоило ему должности — он лишился ее вскоре после Первомайского.

18 января днем, когда со стороны села еще доносилась сильная артиллерийская канонада, тот же генерал Михайлов сообщил журналистам, что операция по освобождению Первомайского «практически завершена»…

Что самое поразительное: несмотря на весь этот огненный кошмар, устроенный федеральными войсками, Радуев с большой группой сообщников в ночь с 17-го на 18-е сумел-таки вырваться из окружения. Более того, чеченцы увели с собой часть заложников — тех самых, которых накануне «похоронил» генерал Михайлов. В числе этих заложников — жители Кизляра, Первомайского, новосибирские милиционеры, захваченные в момент входа радуевцев в село, — всего 66 человек.

Информационная блокада

«По своей бездарности операция в Первомайском сравнима со штурмом Грозного и штурмом больницы в Буденновске, — писали „Известия“ 19 января. — По количеству пролитой крови Грозный, конечно, на первом месте, но, будь в Первомайском столько жителей, сколько в чеченской столице, убили бы больше. Впрочем, до сих пор неизвестно, сколько людей погибло в Грозном. Постараются скрыть и размер трагедии в Первомайском. Не привыкать врать».

При освещении событий в дагестанском селе действительно была установлена жесткая цензура. Журналисты в основном вынуждены были пересказывать все со слов генералов и пресс-секретарей МВД, ФСБ и прочих спецслужб. Отсюда бесконечные противоречия в приводимых цифрах, фактах, замалчивание неприятного, не соответствующего официальной версии событий, выдумывание того, чего на самом деле нет.

Обо всем этом возмущенные журналисты говорили на специально созванной 19 января пресс-конференции. Главная ее тема — почему нам опять врут? — неизменно присутствовала во всех выступлениях. По словам участников пресс-конференции, все официальные источники так или иначе искажают информацию, достоверные сведения поступают лишь от независимых журналистов, сумевших самостоятельно проникнуть на место событий. «Искажение фактов о событиях в Первомайском — намеренная и продуманная информационная политика

государства» — это слова главного редактора «Известий» Игоря Голембиовского. Общий вывод: вся государственная политика в целом строится сегодня на дезинформации; но управлять Россией, основываясь на лжи, — нельзя, тем более в нынешних чрезвычайных условиях.

Если бы тогдашние ораторы смогли заглянуть на несколько лет вперед, разглядеть, какой станет «информационная политика» государства во время второй чеченской войны, когда единственным «журналистом», освещающим ход тамошних событий, окажется пухлощекий генерал Шабалкин — он будет вещать по всем каналам, сообщая строго дозированную информацию, на фоне неизменной маскировочной сетки!

Что касается журналистов, которые сумели на свой страх и риск проникнуть в Первомайское, одним из них был корреспондент тех же «Известий» Валерий Яков. Он находился в селе во время штурма. Его свидетельства напрочь опровергают многие заявления властей, и гражданских, и военных. Так, по утверждению журналиста, решение уничтожить отряд Радуева было принято не после провала переговоров в Первомайском, а еще до того, как автобусы с заложниками доехали до села. Десантные подразделения, дислоцированные в Чечне, получили приказ блокировать и уничтожить колонну, как только она покинет Дагестан. При этом предполагалось, правда, что заложники будут отпущены на дагестанской территории. Так что радуевцы правильно предугадали опасность. В какой-то момент, однако, судьба заложников, по словам Валерия Якова, вообще перестала волновать генералов, руководивших операцией: любой ценой уничтожить боевиков и представить наверх победный рапорт — вот что стало для них главной целью.

Журналист опроверг и еще один нелепый миф, за который, помимо мифа о «38 снайперах», охотно ухватился Ельцин, — миф о хорошо оснащенном подземном «опорном пункте», будто бы заранее, «причем уже давно», устроенном боевиками в Первомайском. У людей, знающих истинное положение дел, ничего, кроме усмешки, разговоры об «опорной базе дудаевцев с бункерами, подземными ходами и арсеналами» не вызывали. Валерий Яков: «Понятно, что Ельцину об этой „базе“ доложили Барсуков с Куликовым (директор ФСБ и глава МВД, командовавшие операцией. — **О. М.**). Если бы они побывали в Первомайском или хотя бы в соседнем селе, они бы элементарно могли узнать, что в этих селах вообще нет подвалов». Весь свой арсенал боевики везли с собой на двух грузовиках, а подвалы там никто не копает: очень близко подходят грунтовые воды.

Одним словом, введенная властями цензура, как в

большинстве случаев, оказалась малоэффективной: люди узнали то, что от них пытались скрыть. «Бездарность российской военно-полицейской машины, — писали „Известия“, — не могла скрыться за бездарной ложью официальной пропаганды. Отсутствие военных и прочих необходимых к данному случаю талантов требовало жестокости, жестокости, жестокости. К числу полководцев, прославивших русское оружие, теперь можно отнести Ерина, Степашина, Грачева, Егорова, Барсукова…»

Каков же был итог «хорошо подготовленного» штурма и действий пресловутых «38 снайперов?» По свидетельству тогдашней прессы, это не только уничтожение боевиков (вернее, лишь части их), но и «убийство заложников, в том числе малолетних детей и женщин, разрушение школы, мечети, трехсот домов с хозяйственными постройками, имущества и скота жителей поселка, полное уничтожение всей инфраструктуры и лишение оставшихся в живых жителей всех средств к существованию».

Не захотели повторять Буденновск…

Одним из главных последствий бездарной операции, проведенной в Дагестане, стала волна всеобщего возмущения, поднявшаяся в этой республике. Обстановка здесь оказалась на грани взрыва. Характерные заголовки центральных газет той поры: «В Дагестане все громче звучат антироссийские лозунги», «Дагестанцы вооружаются и клеймят Москву», «Дагестан в трауре после „успешной операции“»…

Еще свежа была в памяти история с нападением на Буденновск, закончившаяся совсем по-другому. Люди сравнивали ту историю с только что случившейся и недоумевали: чем объяснить, что здесь власти действовали так безжалостно по отношению к мирному населению?

Лидер Аварского народного фронта Гаджи Махачев:

«Почему в Буденновске не стали применять силу, а в Дагестане сочли это возможным? Теперь мы не можем считать себя гражданами России, поскольку ее руководство нас забыло. Если так будет продолжаться и дальше, мы поднимемся с оружием в руках вместе с Дудаевым против российской армии. После того, что произошло, российская армия должна немедленно покинуть республику».

Председатель Кумыкского совета Хасавюртовского района Абдулазим Хасбулатов:

«Почему в Буденновске в переговоры с террористами вступил сам Черномырдин, а в Дагестане Москва просто решила стереть с

лица земли наше село, убить ни в чем не повинных людей? Я ездил по кумыкским селам, говорил с народом. После того, что сделала здесь Москва, удержать людей от стихийных выступлений будет очень трудно».

Лидер Лакского народного движения Магомет Хачилаев:

«Если российские войска и дальше так будут поступать на нашей территории, новый вооруженный конфликт будет фактически неизбежен!»

А действительно, почему в Кизляре и Первомайском решили не повторять сценарий Буденновска, почему выбрали самый жесткий вариант выхода из ситуации? Помимо прочего, это, по-видимому, объяснялось желанием Кремля не допустить, чтобы в преддверии президентских выборов вырос авторитет Черномырдина — общепризнанного героя буденновской эпопеи и одного из потенциальных претендентов на высший государственный пост. В общественное сознание следовало внедрить мысль, что буденновский сценарий, главным автором и исполнителем которого считался премьер, был ошибкой (то, что Черномырдин действовал там, конечно, не без одобрения президента, как бы предлагалось забыть). Подобное желание четко ощущалось в тогдашних выступлениях «ястребиной» части ельцинского окружения, да и в собственных выступлениях президента.

Так, ярым сторонником силового решения проблемы Первомайского был руководитель Администрации президента Николай Егоров, недавно назначенный на эту должность. На своей первой пресс-конференции 16 января он назвал «вполне оправданным» применение силы в Первомайском. При этом обрушился на тот способ выхода из тяжелой ситуации, к которому прибегли в Буденновске: по его мнению, Кизляр и Первомайское — это как раз последствия политики «ни войны, ни мира», сформировавшейся после Буденновска. Как это часто бывает с деятелями такого рода, для обоснования своей позиции Егоров широко использовал философские, нравственные, психологические категории: мол, события в Буденновске, Кизляре, Первомайском «выходят за рамки понятий добра и зла» — это просто некая «патология». По словам Егорова, если бы федеральные власти поддались на «кровавый шантаж», предпринятый дудаевцами, у людей была бы потеряна вера в справедливость.

Нетрудно догадаться, чьи слова повторял потом Ельцин, публично прибегнув к аналогичной переоценке летних событий 1995 года на Ставрополье. Уже после завершения операции в Первомайском он открыто заявил, что тактика, примененная в

Буденновске, была неправильной:

— Упустили тогда Басаева — большая часть этой банды пришла с Радуевым сюда, в Кизляр и Первомайское. Вот что мы сделали прошлым решением.

А сегодня в Дагестане гремят взрывы

Сегодня в Дагестане чуть ли не каждый день гремят взрывы, раздаются автоматные очереди. Гибнут люди. Некогда спокойная республика уже мало чем отличается от Чечни дудаевско-басаевской поры. Кто знает, может быть, истоки этого неспокойствия в значительной степени — как раз в той нелепой операции по захвату Первомайского. Спрашивается, ради чего было восстанавливать против себя население целой республики? То, что республика не поддерживает эту операцию, было вполне очевидно. Люди требовали спасти заложников. Нет, надо было, упершись рогами, стоять на своем: у нас, дескать, первейшая задача — дать урок боевикам, чтоб неповадно было. Вот и дали урок…

Вообще российские власти действовали и действуют на Северном Кавказе, как слон в посудной лавке. Первомайское, Беслан. Похищения и бессудные казни, происходящие там во многих местах доныне. Я уж не говорю о двух чеченских войнах. Будто бы специально наращивается заряд в пороховой бочке, подложенной под тамошние долины и горы. Возможно, до того, как во всю силу рванет, не так уж и много времени осталось…

Но никто вроде бы не задумывается об этих сроках (если б задумывались, наверное, действовали бы как-то иначе). Каждый живет одним днем.

Оно и понятно: за то, что будет завтра, никто с тебя не спросит — спросят за сегодня. Завтра будут совсем другие люди — им и разгребать доставшиеся от тебя завалы. Где сегодня все эти Барсуковы, Куликовы, Михайловы?.. Вряд ли кому в голову придет спрашивать с них (не только с них, конечно) за нынешнюю «чеченизацию» Северного Кавказа. За то, что до самой малости уже сократились шансы удержать его в российской орбите.

И так всякий раз. Виноватых нет. За какие-то частные ошибки еще могут спросить. Но за стратегические промахи — никогда. Отсюда и происходит психология временщиков, безраздельно властвующая над всеми российскими деятелями, кто так или иначе прикасается к проблемам этого кусочка земли: после нас — хоть потоп.

Перед выборами Кремль меняет курс?

Еще не начинался штурм Первомайского, а генерал Лебедь уже высказал опасение, что трагические события в Кизляре могут негативно повлиять на июньские выборы: кивая на эти события, Кремль может попытаться «ввести чрезвычайное положение по всей стране и даже ликвидировать остатки демократии».

После штурма такого рода опасения еще более усилились. Жестокие и малоосмысленные действия федеральных властей в Первомайском многих навели на мысль, что, ориентируясь на 16 июня, президент решил довольно круто изменить свою политику — наладить что-то вроде компромисса с коммунистами и националистами. Такого рода подозрения укрепляло и то обстоятельство, что в это же время он произвел ряд замен в правительстве и своей администрации, усилив в них, так сказать, консервативную составляющую. Самым большим страхом в среде демократов было — как бы он не покусился на курс либеральных экономических реформ, которые худо ли бедно, но проводились до сих пор.

Вряд ли, однако, самим коммунистам в тот момент нужен был какой-то компромисс с предельно ослабленным и непопулярным президентом: перед ними открывались совсем другие перспективы, реальные перспективы возвращения к власти.

Естественно, они не преминули воспользоваться топорными действиями Кремля в Первомайском. 16 января, в разгар дагестанских событий, имея эти события в виду, Зюганов заявил: для всей страны будет лучше, если Борис Ельцин на выдвинет свою кандидатуру на предстоящих президентских выборах. Впрочем, добавил коммунистический вождь, события в Первомайском уже никак не повлияют на отношение народа к президенту, так как его политика давно обанкротилась и провалилась.

Как мы помним, осенью 1999-го — зимой 2000-го жесткая чеченская политика Путина, как раз напротив, стала для него трамплином, стремительно вознесшим его на президентский пост: к тому времени общественное мнение России было развернуто на 180 градусов, подготовлено таким образом, что жаждало этой жесткости и безжалостности. Однако в 1996-м наблюдалась совсем иная картина: люди требовали мира, и ни один из кандидатов в президенты не мог с этим не считаться.

Вскоре осознал это и Ельцин. Шарахнувшись в Перво — майском в сторону ужесточения действий на Северном Кавказе, он затем двинулся в обратную сторону. Вынужден был двинуться: впереди были президентские выборы.

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ ПОТИХОНЬКУ РАСКРУЧИВАЕТСЯ

В угоду избирателю

Несмотря на то, что официально о своем намерении баллотироваться на второй срок Ельцин не объявлял, его избирательная кампания потихоньку разворачивалась. Началась она довольно странным и неожиданным образом. 16 января ушел со своего поста первый вице-премьер Анатолий Чубайс. С одной стороны, отставка произошла как бы добровольно — он сам подал соответствующее заявление. Однако с другой — решение его подать было принято после того, как Черномырдин, вернувшись из Кремля, сообщил своему первому заму, что президент весьма негативно оценивает его работу. То есть фактически в отставку Чубайса отправил Ельцин. Более того, в сообщении кремлевской пресс-службы прямо указывались названные самим Ельциным причины отставки: «низкая требовательность Анатолия Чубайса к подведомственным федеральным ведомствам, невыполнение ряда поручений президента».

Забавно, конечно: «низкая требовательность».

Кто знаком хотя бы отчасти со стилем работы «железного дровосека», как иногда называют Анатолия Борисовича, знает, насколько в действительности он требователен и к себе, и к другим. В то же время опровергнуть подобные формулировки невозможно: если в каком-нибудь министерстве кого-нибудь уличат в разгильдяйстве, куратора этого министерства — первого вице-премьера — всегда можно обвинить в низкой требовательности.

Между тем, в уходящем, 1995-м, году, не в последнюю очередь благодаря Чубайсу, были достигнуты весьма важные конкретные результаты в экономике, впервые был остановлен спад производства, инфляцию удалось снизить до трех процентов в месяц, валютные резервы превысили 12 миллиардов долларов, опять-таки впервые страна вошла в новый год с утвержденным бюджетом.

В таком случае откуда взялась негативная оценка, которую Ельцин дал работе Чубайса, почему он отправил его в отставку? Главная причина была, конечно, связана с этими самыми предстоящими президентскими выборами. Противники Чубайса из коммунистического, национал-патриотического лагеря, просто из среды консервативного чиновничества и директорского

корпуса давно уже сумели сформировать в глазах людей соответствующий образ «отца приватизации», — представить его этаким пугалом, главным виновником всех народных бед. Если раньше Ельцин еще мог закрывать на это глаза, то теперь — по существу, в катастрофической предвыборной ситуации, когда его рейтинг упал почти до нуля, — какие-то шансы на июньских выборах могли дать лишь некие решительные, обращенные к широкому кругу избирателей шаги. Одним из таких шагов и было сочтено удаление Чубайса из правительства, хотя оправданность этого шага была совсем не очевидна. Ситуация в экономике страны оставалась тяжелейшей, ряд вопросов требовали срочного решения, и решить их мог только Чубайс. Уход главного борца с инфляцией грозил ее ростом, общим экономическим хаосом, что вполне могло привести к еще большему падению популярности самого Ельцина накануне выборов, то есть к прямо противоположному результату, нежели тот, который пытались достичь увольнением Чубайса. Вообще найти ему эквивалентную замену было практически невозможно. Однако на все это Ельцин закрыл глаза — ради того самого избирателя, одураченного чубайсовскими ненавистниками. Тем паче что этих ненавистников было достаточно и в ближнем круге президента — главный ельцинский охранник Коржаков, еще один первый вице-премьер Сосковец… Если у Ельцина и были какие-то сомнения по поводу целесообразности отстранения Чубайса от должности, с помощью этих деятелей он их преодолел.

К счастью, президент вовремя осознал свою ошибку, касающуюся Чубайса, и быстро вернул его в свою команду, хотя сделал это достаточно «конспиративно». Фактически, через некоторое время, Чубайс возглавил избирательную кампанию Ельцина.

15 января Ельцин сообщил корреспонденту ИТАР-ТАСС, что он создал Общероссийский штаб по выборам президента во главе с Сосковцом. Однако сразу же возник вопрос: а чей, собственно говоря, это штаб? Ельцина? Нет, в этот раз, публично, президент не сказал, что это ЕГО предвыборный штаб, заявил, что «пока штаб занят подготовительной работой и не привязан к какой-то конкретной фамилии», сам же он, Ельцин, «продолжает размышлять», баллотироваться ли ему на второй срок: «Я все еще думаю и выскажу свое мнение примерно 12–15 февраля». Тем не менее, всем было ясно, что штаб создан «под Ельцина».

27 января президент уже уверенно сообщил, что о своем решении — идти или не идти на выборы — он объявит 15 февраля. Каким будет это решение, нетрудно было догадаться…

Каков был в этот момент, к концу января, «расклад» между

главными претендентами на президентский пост? По оценке социологических служб, в частности ВЦИОМа, «бесспорным фаворитом» в начинающейся президентской гонке был Зюганов. За него, по данным на 26 января, высказались 11,3 процента опрошенных. Явлинский получил 7,7 процента голосов, Жириновский — 7,1, Лебедь — 5,5, Ельцин — 5,4, Черномырдин — 4,2, Святослав Федоров — 3,6.

Если же исчислять проценты от тех, кто решил участвовать в выборах, Зюганов, по подсчетам ВЦИОМа, мог получить 20 процентов голосов, Явлинский — 13, Ельцин — 8, Черномырдин — 7.

Торжественный ритуал в Екатеринбурге

О своем вступлении в избирательную кампанию Ельцин решил оповестить мир из Екатеринбурга. Так сказать, из родных пенат. Снова трогательная приверженность патриотическим символам.

15 февраля Ельцин выступил в екатеринбургском Дворце молодежи.

— Я решил баллотироваться на пост президента России, — сказал он, — и объявляю об этом здесь, в дорогом для меня зале, родном городе, вам, моим землякам, всем гражданам России, для сведения всего мира.

Ельцин подчеркнул, что 16 июня состоятся не просто выборы президента — в этот день россиянам предстоит определить судьбу России, свою собственную жизнь. Стране грозит опасность возврата в исходное коммунистическое состояние.

— Столько пережить, стоять на пороге цивилизованной жизни и снова откатиться назад? — воскликнул Ельцин. — Это будет нашим общим поражением и позором. Можно ли мне в этой ситуации не участвовать в президентских выборах? Пока есть угроза столкновения «красных» и «белых», мой человеческий, гражданский долг, мой долг политика, стоявшего у истока реформ, — добиться консолидации всех здоровых сил общества и предотвратить возможные потрясения, вплоть до гражданской войны.

Как видим, позиция Ельцина противоречива: с одной стороны, он идет на выборы, чтобы не допустить возврата «в исходное коммунистическое состояние», а с другой — на этот раз как бы не принимает твердо сторону «белых», на которой стоял еще недавно, а выбирает для себя роль миротворца, консолидатора нации, возвышающегося над схваткой.

С начала реформ прошло уже четыре года. Жизнь людей по-

прежнему тяжела. Полностью отождествлять себя с реформаторами в этой ситуации опасно.

Поэтому Ельцин растолковывает слушателям, что он «за реформы, но не любой ценой», он «за коррекцию курса, но не за возврат назад».

Вновь и вновь Ельцин провозглашает: «Нам надо сделать все возможное, чтобы и мы, россияне, и наша страна не погибли под красным колесом прошлого».

Главная задача следующих пятилетий, по Ельцину, — «добиться, чтобы свобода стала достоянием всех граждан, чтобы она обернулась справедливостью, демократией и достатком, прежде всего для всех немощных и слабых». Однако на этом пути опять-таки встала угроза коммунистического реванша: уже три месяца, как иностранцы практически перестали инвестировать, вкладывать свои капиталы в Россию. Почему? Ждут президентских выборов. Хотят убедиться, останутся ли реформы или пойдут вспять. Сохранятся ли результаты приватизации или их уничтожат.

Говорил, естественно, Ельцин и о том, что «необходимо покончить с позорной практикой задержек заработной платы и пенсий». Пообещал, что все долги по зарплате будут выплачены уже в марте. При этом дал слово, что ни одного «деревянного», то есть не обеспеченного, рубля напечатано не будет.

Пообещал усилить борьбу с коррупцией. При этом сослался на уголовные дела, возбужденные против бывшего и. о. генпрокурора Ильюшенко, председателя Роскомдрагмета Бычкова и главы администрации Вологодской области Подгорнова.

О Чечне сказал обтекаемо, но твердо: ЭТОТ КРИЗИС ДОЛЖЕН БЫТЬ РАЗРЕШЕН В МАКСИМАЛЬНО КОРОТКИЙ СРОК, В БЛИЖАЙШИЕ МЕСЯЦЫ.

«Настроен я крепко»

После выступления в Екатеринбурге Ельцин совершил короткую предвыборную поездку по Уралу. Опять-таки делал бодрые заявления по волнующим людей социальным проблемам, по Чечне, по укрощению нерадивых и нечистых на руку чиновников.

— Настроен я крепко, — уверял он рабочих Челябинско — го трубопрокатного завода, выступая перед ними прямо в цехе. — Сейчас нескольких министров снял за то, что не выполняют указы, несколько глав администраций снял за то, что не выполняют указы и законы. И будем так же действовать. Должны быть дисциплина и порядок, как у металлургов. Любая

неточность — и уже авария. Так и у нас. Любая ошибка — и уже авария.

Пообещал, что в ближайшую неделю будет подписан указ о помощи обманутым вкладчикам, а с марта, повторил, наступит полный порядок с выплатой зарплаты.

О Чечне на этот раз сказал кое-что конкретное:

— Если только оттуда армию вывести, перережут они друг друга. НО И НЕ ВЫВОДИТЬ ТОЖЕ НЕЛЬЗЯ (выделено мной. — **О. М.**) Поэтому мы хотим постепенно на край границы чеченской вывести, чтобы если они будут баловаться опять, мы опять их прихватим.

Было видно, что в голове президента зреют какие-то конкретные решения.

Зюганов идет в «последний и решительный»

В тот же самый день, 15 февраля, когда Ельцин объявил, что включается в избирательную кампанию, конференция КПРФ приняла решение поддержать выдвижение Зюганова единым кандидатом в президенты от коммунистов и народно-патриотических сил (само его выдвижение — от имени «инициативной группы граждан» — произошло еще 9 января, так что Зюганов тут более чем на месяц опередил Ельцина).

Как писали газеты, коммунисты четко осознают значение предстоящих выборов для собственного будущего. Они понимают, что президентская кампания 1996 года — их «последний и решительный бой». Другого такого шанса у них уже не будет.

У Ельцина появились шансы на выход во второй тур

В конце февраля ВЦИОМ по заказу телепрограммы «Итоги» канала НТВ провел очередной опрос на тему «Если бы президентские выборы состоялись сегодня.» Они были опубликованы 25 февраля. На первом месте по-прежнему Зюганов — 18 процентов голосов опрошенных. 10 процентов — у Жириновского. На третье место поднялся Ельцин — 8 процентов. Столько же — у Явлинского. У Лебедя — 7 процентов. Далее идут: Святослав Федоров (6), Черномырдин (4), Гайдар (3), Горбачев (0,5).

В пересчете на тех, кто решил участвовать в выборах (их 63 процента), цифры получаются такие: Зюганов — 24 процента, Жириновский — 12, Ельцин — 11, Явлинский — 9, Лебедь — 8, Святослав Федоров — 7, Черномырдин — 5, Гайдар — 4, Горбачев — 0,6.

По мнению ВЦИОМа, шансы Ельцина на выход во второй тур теперь можно считать реальными, хотя в самом этом туре он пока не сможет выиграть у Зюганова.

Что касается деятельности на посту президента, НАИБОЛЕЕ РЕЗКУЮ НЕГАТИВНУЮ ОЦЕНКУ ВЫЗЫВАЕТ ЕГО ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К ЧЕЧНЕ.

ОСТАНОВИТЬ ВОЙНУ В ЧЕЧНЕ!

Главное условие победы на выборах

Как уже говорилось, преобладающее общественное настроение относительно президентских выборов в ту пору было вполне определенное: Ельцину нечего и думать об успехе на этих выборах, если он не предпримет каких-то решительных шагов по прекращению чеченской войны. Как мы знаем, Путин спустя всего лишь три года, напротив, стал президентом именно благодаря возобновлению этой войны. Главным образом благодаря ей же долгое время поддерживался его высокий рейтинг. В 1996-м все было в точности наоборот. Требование установить мир в Чечне считалось как бы само собой разумеющимся. Даже такие острожные политики, как президент Татарстана Шаймиев, высказывали его едва ли не в каждом своем публичном выступлении.

Уже 2 февраля 1996-го после первой встречи с Ельциным недавно избранный спикер Госдумы Геннадий Селезнев сообщил, что президент на днях «предложит свой вариант по разрешению чеченского кризиса», причем, как он, Селезнев, понял, «во главу угла будет поставлено мирное решение проблемы».

17 февраля на встрече с редакторами центральных СМИ, состоявшейся в ИТАР-ТАСС, Ельцин представил семь (!) вариантов урегулирования конфликта в Чечне. Впрочем, все это были наметки одного плана, который мало-помалу вызревал в головах различных групп экспертов.

7 марта состоялось заседание Совета безопасности, на котором, по словам Ельцина, стоял один вопрос — утверждение программы урегулирования чеченского кризиса. Программа была составлена с учетом предложений двух комиссий — правительственной во главе с Черномырдиным и Президентского совета под руководством политолога Эмиля Паина, а также «предложений президентских структур». Однако окончательное политическое решение и на этот раз не приняли. Как сказал Ельцин, договорились «в общем одобрить программу», но за неделю ее «подкорректировать», после чего окончательно утвердить на Совете безопасности.

По-видимому, дело осложнилось еще и тем, что как раз накануне, 6 марта, дудаевцы предприняли штурм Грозного. Именно в то время, когда в Москве заседал Совет безопасности, в разных районах чеченской столицы развернулись ожесточенные

бои. Атакующих было, по разным оценкам, от семисот до полутора тысяч. Они вывели из строя крупнейшие теплоэлектроцентрали, нефтеперерабатывающий завод, насосную станцию водоснабжения. Боевикам удалось подойти почти вплотную к комплексу правительственных зданий. Их натиск был настолько мощным, что на помощь внутренним войскам и чеченской милиции, явно «проседавшим» под этим натиском, в город пришлось ввести подразделения Минобороны. Тем не менее, к вечеру дудаевцы контролировали уже третью часть территории города.

Было очевидно, что штурм, предпринятый боевиками, привязан по времени к заседанию Совета безопасности в Москве. Но что именно Дудаев хотел продемонстрировать этим штурмом? Показать свою силу, так чтобы авторы составляемой в российской столице программы примирения пошли на более серьезные уступки? Если такие соображения действительно были, вряд ли их можно считать оправданными. Эти демонстративные действия скорее добавляли аргументов московским «ястребам», осложняли задачу российского президента.

Не исключено и то, что Дудаев сознательно стремился усложнить задачу вторичного избрания Ельцина: как известно, его симпатии были на стороне коммунистов.

В самом ельцинском штабе вряд ли кто-то всерьез рассчитывал, что чеченскую проблему удастся решить достаточно скоро, даже если президент по-настоящему проявит тут волю. Во всяком случае, было ясно, что до выборов это сделать уже не удастся: слишком мало остается времени. Так, 18 марта на пресс-конференции в Калуге Сергей Филатов определенно заявил: «война не будет завершена до выборов, так как там очень много проблем». Вместе с тем это по-прежнему одна из важнейших целей президента. По словам Филатова, в ближайшее время Ельцин огласит решение Совета безопасности по чеченской проблеме, которое предусматривает «комбинированный путь» ее решения.

Люди требуют мира

И вновь о тогдашнем общественном мнении. В двадцатых числах марта ВЦИОМ провел опрос по поводу Чечни. На вопрос «Какой путь решения чеченской проблемы Вам кажется правильным?», 46 процентов (самая большая цифра) выбрали ответ — нужно «как можно скорее вывести федеральные войска, а потом решать вопросы отношений Чечни с Россией». На вопрос «одобрили бы Вы в сложившейся ситуации прямые переговоры

Ельцина с Дудаевым?» «безусловно да» ответили 34 процента, «скорее да» — 23, «скорее нет» — 13, «безусловно нет» — 15.

Большинство по-прежнему желало скорейшего заключения мира через переговоры и вывод войск из Чечни.

В принципе не очень верилось, что Ельцин всерьез начнет движение к миру в этой северокавказской республике. Соответствующие громогласные заявления он делал уже неоднократно, и всегда они кончались ничем. Однако на этот раз острая предвыборная ситуация побудила президента более серьезно отнестись к делу. Ясно было, что пустыми «миролюбивыми» декларациями избирателей не привлечешь. Требовалось реальное движение к миру, реальные шаги к прекращению бессмысленной бойни.

Президент делает решающий шаг

31 марта Ельцин выступил по телевидению с обращением к гражданам России. Он сказал, что выполняет свое обещание познакомить всех с программой урегулирования кризиса в Чеченской Республике. По его словам, чеченский кризис — «это самая тяжелая проблема России; простого пути разрешения этого конфликта нет и быть не может». Тем не менее, программа урегулирования кризиса в ЧР после двукратного обсуждения на Совете безопасности и доработки принята и вступает в действие.

— В соответствии с программой, — сказал Ельцин, — с 24 часов 31 марта этого года войсковые операции на территории Чечни прекращаются… Начинается поэтапный вывод федеральных сил из спокойных районов Чечни на ее административные границы… Параллельно чеченское руководство будет вести работу по расширению зон согласия, безопасности и мира в Чеченской Республике. Сегодня они составляют почти две трети ее территории.

Ельцин предупредил, что федеральные власти не станут мириться с террористическими акциями — ответы на них будут адекватными, но эти ответы «не могут и не будут подменять собой политических решений, которые предусмотрены программой урегулирования кризиса».

— Вторая задача, — продолжал президент, — проведение на всей территории свободных демократических выборов в парламент республики, в котором должны быть представлены интересы всего населения Чечни… Избрание парламента будет важным шагом в воссоздании в Чеченской Республике государственных органов власти. По мере укрепления системы власти в Чечне ответственность и полномочия по окончательному

урегулированию ситуации переходят от правительства Российской Федерации к главе, правительству и парламенту Чеченской Республики. Этот процесс должен быть закреплен договором о разграничении предметов ведения и полномочий между органами власти Российской Федерации и Чеченской Республики.

Главный камень преткновения, конечно, — это вопрос о государственном статусе Чечни. Он выносится за рамки принятой программы. По словам Ельцина, к его решению предстоит приступить в ближайшие месяцы. Президент напомнил: «Конституция России допускает, что статус может быть изменен по взаимному согласованию между Россией и самими субъектами Федерации». Как уверен Ельцин, главное условие, при котором может начаться согласование вопроса о статусе Чечни, — это «нормализация обстановки в республике, установление здесь мира, спокойствия и стабильности».

— Ради этого, — сказал Ельцин, — мы готовы пойти на переговоры с дудаевской стороной через посредников.

Очень важный момент. Тут впервые с начала чеченской войны открывается — официально открывается! — возможность, хоть и через посредников, но вести переговоры с людьми, контакты с которыми до той поры допускались только через мушку прицела.

Еще шаг навстречу сепаратистам. Госдуме предлагается объявить амнистию участникам вооруженных действий в Чечне, кроме тех, кто совершил тяжкие уголовные преступления.

— Предстоит большая работа по реализации этой программы, — сказал в заключение Ельцин, — но я верю, что она увенчается успехом. И прежде всего потому, что мир, спокойствие и безопасность нужны чеченскому народу, всем народам России.

Знаменательна самая последняя фраза ельцинского выступления:

— Мы с военными твердо настроены на мирное решение этого вопроса.

«Мы трижды предлагали ему переговоры»

Конечно, согласие Ельцина начать переговоры с Дудаевым прозвучало как сенсация. Однако вскоре выяснилось, что переговоры предлагались Дудаеву уже не однажды.

— Мы три раза делали попытку склонить его на мирные переговоры, — сказал Ельцин на пресс-конференции сразу после своего телевыступления, — и три раза ничего не получилось. Три раза он отказывался от этих переговоров. Это сейчас он согласен, как нам говорят посредники…

Журналисты поинтересовались, кто эти посредники. Ельцин сказал, что свои услуги предлагают разные люди: бывший советский диссидент Юрий Орлов, казахский президент Нурсултан Назарбаев и даже некий арабский шейх…

— В общем посредники эти достаточно серьезные, — сказал Ельцин.

Коснулся он и вопроса о будущем статусе Чечни:

— Самое главное, через что мы не можем переступить и с чем не можем согласиться: то, что Чечня — независимая, вне России. Это уже нарушение целостности России. Это уже нарушение Конституции. На это мы пойти не можем.

Ельцин выразил надежду, что переговоры с Дудаевым приведут «к какому-то более мягкому варианту» — скажем, к такому уровню самостоятельности Чечни, каким довольствуется Татарстан.

На пресс-конференции Ельцин сообщил, что собирается посетить воинские части, расквартированные в Чечне, «в энное время».

В конце он еще раз подчеркнул, каковы должны быть главные шаги по урегулированию чеченского кризиса: первое — это прекращение боевых действий, второе — создание условий для формирования парламента Чеченской Республики.

— Наши усилия должны предотвратить дальнейшую гибель людей, — сказал Ельцин.

Если бы такая цель всегда ставилась российскими правителями на первое место!

Гладко было на бумаге…

Вскоре, однако, в очередной раз выяснилось, что войну на Северном Кавказе, как и любую другую, гораздо легче начать, чем кончить. Формально все вроде бы делалось для скорейшего ее прекращения, как и предписывалось президентом. Так, уже 1 апреля командующий Объединенной группировкой федеральных сил в Чечне Вячеслав Тихомиров заявил, что «сегодня» с ноля часов подчиненные ему войска прекратили все войсковые операции на территории республики, что военные поддерживают мирные инициативы президента и намерены «неукоснительно проводить в жизнь» все его планы по прекращению вооруженного конфликта. В то же время, по словам генерала, это не означает отказа федеральных сил от проведения «специальных операций против бандформирований и террористов».

Уже из этих слов было ясно, что никакого прекращения бойни в реальности не случится — произойдут лишь перемены в

терминологии: не будет войсковых операций, но будут операции «специальные».

Так оно и вышло. Тогда же, 1 апреля, генерал Тихомиров обвинил противоположную сторону в продолжающихся провокациях: дескать, за прошедшую ночь боевики 11 раз обстреливали позиции федеральных сил. Понятное дело, тем приходилось отвечать.

Такое же «примирение» продолжалось и в следующие дни.

А «на бумаге» все вроде бы двигалось к миру. Тихомиров сообщил, что уже готова «схема передислокации войск и их вывода из спокойных районов Чечни» — она будет реализовываться «по мере развития оперативной обстановки». Еще до провозглашения ельцинского плана примирения по всей республике начали подписывать тройственные мирные соглашения — между представителями федеральных войск, промосковского завгаевского правительства и местных администраций. По этим соглашениям военные брали на себя обязательства не обстреливать соответствующие населенные пункты, проводить разминирование, а местные жители — не пускать к себе боевиков. Таких соглашений становилось все больше и больше: уже к 5 апреля их набралось 156 (всего в Чечне — 365 городов и сел). Ясно было, однако, что все это филькины грамоты: ни федеральные военные, ни боевики ни у кого не спрашивали разрешения, где и когда им появляться и по каким целям вести огонь.

После мирного договора — бомбежка

Чего стоили все эти мирные договоры, говорит хотя бы случай с селом Шалажи. Поселок сугубо мирный. За весь период боевых действий его жители, по их утверждению, ни разу не допустили к себе ни одного боевика. 2 апреля они по собственной инициативе, в присутствии высокого гражданского и военного начальства подписали этот самый договор о мире и согласии. А ночью на 3-е по селу был нанесен мощный ракетно-бомбовый удар с воздуха…

Воинские чины, естественно, открещивались, что отдавали приказ о бомбардировке.

Конечно, можно было бы сослаться на то, что все произошло случайно. Обычно в подобных случаях так и утверждается: дескать, какой-то пьяный наводчик установил не тот прицел. Но здесь, повторяю, была бомбардировка с воздуха. По рассказам очевидцев, самолеты попарно около семи раз заходили на село. Какая уж тут случайность!

В результате бомбежки было разрушено семнадцать домов, около трехсот повреждено.

Но и на этом дело не кончилось. 4-го вечером Шалажи вновь подверглось бомбардировке. На этот раз на село заходили по четыре самолета. Было уничтожено еще несколько домов. Ранения получили более тридцати жителей, один погиб.

Корреспондент ИТАР-ТАСС, пройдя часть села, насчитал и сфотографировал по меньшей мере шесть воронок глубиной около четырех и диаметром около девяти метров, более десятка воронок меньшей глубины и диаметра.

В общем-то эта двукратная бомбардировка мирного села имела некий символический смысл. Ее зачинщики как бы показывали, что плевать они хотели на все эти мирные договоры, на разглагольствования о прекращении боевых действий, что у них собственные планы насчет «мирного урегулирования» в Чечне, отличающиеся от ельцинских. Утверждение Дудаева, что в Москве существует мощная «партия войны», словно бы получало наглядное подтверждение.

Свое возмущение по поводу этих инцидентов осмелилось высказать даже кормящееся с руки Кремля завгаевское правительство. «Это провокация, направленная на срыв мирного процесса в Чечне», — заявил пресс-секретарь Завгаева Руслан Мартагов. По его словам, если расследование этих бомбардировок не будет доведено до конца и виновные не понесут наказание, «народ полностью перестанет верить российскому руководству».

С еще более мощным протестом выступили Президиум Верховного Совета и Комитет национального согласия Чеченской Республики. 6 апреля они приняли совместное заявление, адресованное российской Госдуме. В нем, в частности, говорилось:

«Народ Чечни и вся прогрессивная Россия с большой надеждой восприняли обращение президента России с изложением программ урегулирования кризиса в Чеченской Республике и поверили, что действительно прекратятся военные действия и перестанут гибнуть мирные люди. Однако военные действия и крупномасштабные войсковые операции не только не прекращены, а продолжается нанесение ударов по тем населенным пунктам, которые сделали шаг к миру, подписали соглашение или изъявили желание скрепить его подписями. Так было в Новогрозненском, Катыр-Юрте, теперь это Шалажи — поселок, который традиционно находился в оппозиции к власти Дудаева».

В заявлении выражалась просьба к Госдуме «принять меры по

прекращению гибели мирных жителей Чечни и военнослужащих российской армии». Если же Госдума не в состоянии оказать воздействие на исполнительную власть, авторы просили ее «обратиться к мировому сообществу, к руководителям международных организаций с призывом обратить внимание на трагедию чеченского народа и сделать все от них зависящее, чтобы прекратить кровавую бойню».

Увы, об истинных виновниках авианалетов на Шалажи мы так ничего и не узнали. Зато в оборот была запущена версия, будто село бомбили некие неизвестные самолеты, взлетевшие с территории Азербайджана.

Как видим, не прошло и недели с момента обнародования ельцинской программы мирного урегулирования в Чечне, а ее реальность уже была поставлена под большое сомнение.

Тем не менее, миролюбивые заверения высокопоставленных российских чиновников, поддакивающих Ельцину, продолжали журчать, как и прежде. Будто мирная ельцинская программа не поставлена под угрозу срыва, будто в Чечне не продолжает реками литься кровь. «Выполняя указ президента, мы не проводим в Чечне войсковые операции», — успокаивал журналистов 3 апреля министр обороны Павел Грачев. «Приказ президента России Бориса Ельцина о прекращении военных действий в Чечне будет неукоснительно выполняться», — заверял 7 апреля в программе «Итоги» премьер Виктор Черномырдин.

Шаймиев почти встретился с Дудаевым

Как мы видели, в числе посредников на переговорах с Дудаевым Ельцин назвал татарского президента Минтимера Шаймиева. Однако к моменту, когда переговоры должны были вроде бы начаться, он находился на отдыхе в дальних краях — в Объединенных Арабских Эмиратах. В прессе появились сообщения, что ввиду важности возложенной на него миссии он готов прервать отпуск и отправиться в мятежную республику. Однако 12 апреля эта информация была опровергнута: Шаймиев остается в Эмиратах, а вместо него в контакт с чеченским лидером вступит советник татарского президента Рафаил Хакимов — он-де уже находится в Чечне «неподалеку от ставки Джохара Дудаева».

Впрочем, в тот же день, 12-го, Хакимов прилетел в Москву и сообщил, что встретиться с Дудаевым ему так и не удалось: помешали боевые действия и дожди, сделавшие чеченские дороги непроходимыми. Тем не менее, по его словам, он провел переговоры с представителями Дудаева. «Говорить с ними

непросто, — сказал Хакимов, — есть ряд проблем, однако я вижу перспективы». «При благоприятном стечении обстоятельств, — считает он, — встреча Минтимера Шаймиева с Джохаром Дудаевым возможна 20–25 апреля».

Увы, эта встреча так и не состоялась.

Разгром под Ярыш-Марды

15 апреля начался первый этап вывода федеральных войск из Чечни. А 16-го случился один из самых трагических для российской стороны эпизодов первой чеченской войны.

В этот день на горной дороге между населенными пунктами Дачу-Борзой и Ярыш-Марды в засаду попала колонна федеральных войск. Как почти всегда бывает в таких случаях, армейское начальство попыталось замазать истинную картину случившегося, приуменьшить истинные масштабы трагедии. Некий «официальный представитель командования федеральной группировки» 17 апреля (то есть на следующий день после случившегося) сообщил по телефону из Грозного в ИТАР-ТАСС, что группа боевиков, проникшая на территорию Шатойского района, который подписал мирный договор, «предприняла безуспешную попытку» нападения на армейскую колонну с целью захвата перевозимого продовольствия. По словам этого официального представителя, «ответным огнем противник был рассеян, при этом часть боевиков уничтожена».

Однако уже вскоре в этот же день стало ясно, что все это сплошное вранье. Одному из корреспондентов ИТАР-ТАСС удалось самому проникнуть в зону произошедшего накануне боя. Он сообщил (впрочем, сообщение тоже, наверное, было подвергнуто цензуре), что «насчитал еще дымящиеся остовы 37 единиц военной техники, включая один танк и несколько БМП. Многие из них сброшены в реку Аргун. Дорога в этом месте усеяна гильзами от снарядов и патронов, валяются сапоги, шапки и каски… Узнать объективную картину происшедшего и количество потерь с обеих сторон не удалось, так как военные в разговоры не вступают».

Такая вот «безуспешная попытка» и «ответным огнем рассеяны…».

Позднее цифры человеческих потерь и уничтоженной техники приводились разные, меняясь в зависимости от степени осведомленности и честности источника. РИА «Новости», ссылаясь на «источник, близкий к штабу 58-й армии», сообщила 19 апреля, что колонна, которую атаковали не менее сотни боевиков, была уничтожена «практически за несколько минут».

Погибли 92, ранены 56 военнослужащих (целыми и невредимыми остались лишь 12 солдат). Уничтожена 21 единица бронетехники.

В общем, скрыть правду на этот раз не удалось. Более того, по поводу разгрома под Ярыш-Марды министру обороны пришлось объясняться с депутатами Госдумы. Он рассказал о подробностях случившегося и привел свои цифры потерь, несколько меньшие, чем приводило РИА «Новости». По словам министра, всего в составе колонны 245-го стрелкового полка, которая вышла 16 апреля в 12 часов из Ханкалы, было три танка, пять БМП, КамАЗ, боевая машина для разминирования, боевая разведдесантная машина и 199 военнослужащих. В 13–30 колонна пришла в базовый центр 324-го полка, где к ней присоединилась еще одна мотострелковая рота. В 14–30 в полутора километрах южнее селения Ярыш-Марды на российских военных напали около двухсот боевиков, на вооружении которых было стрелковое оружие, гранатометы, минометы и крупнокалиберные пулеметы.

Министр обороны, естественно, не мог себе позволить признать, что столь мощную армаду федеральных войск боевики разгромили всего за несколько минут. По его версии, бой продолжался с 14–30 до 17–30. В результате погибло 53 российских военнослужащих, 52 были ранены, выведена из строя 21 единица техники.

С этого момента с бодрческой риторикой, которой высокопоставленные российские чиновники старались придерживаться после выступления Ельцина 31 марта (дескать, все хорошо, все прекрасно, замирение идет по плану), было покончено. В своем выступлении Грачев сделал особый акцент на том, что после принятия президентского плана урегулирования чеченского конфликта люди продолжают гибнуть: «Со времени его опубликования уже убито 122 российских военнослужащих, причем 104 „армейских“, а остальные — из состава внутренних войск». Министр обороны прямо заявил, что «никакие действия не принесут желаемого результата, если армия будет находиться в состоянии „ни мира, ни войны“».

О том, что он потрясен случившимся, заявил и Ельцин. «Теперь ясно, кто хочет мира, а кто войны», — сказал он, заметив, что трагедия произошла в спокойном, мирном районе Чечни, соглашение с которым было подписано одним из первых.

Как будто не ясно было, чего стоят все эти соглашения.

Тем не менее, по словам Ельцина, несмотря на эту трагедию, он за то, чтобы продолжать план мирного урегулирования.

Если оценивать в целом события, последовавшие после ельцинского выступления 31 марта, — они в самом деле показали, что мощные «партии войны» имеются на обеих

сторонах конфликта. Соответственно и сопротивление на пути к миру придется преодолевать с обеих сторон.

Ельцин потихоньку догоняет Зюганова

Здесь стоить проследить, как менялись в эту пору, в марте — апреле, рейтинги основных кандидатов в президенты.

9 — 10 марта независимый институт Российского общественного мнения и исследования рынка (РОМИР) по заказу «Итогов» провел опрос на тему «За кого вы отдали бы голос, если бы выборы президента были сегодня?». По данным института, опубликованным 17 марта, Зюганов получил бы 26 процентов активной части электората (то есть тех, кто собирается участвовать в выборах), Ельцин — 17, Явлинский — 9, Жириновский — 7, Лебедь — 6, Святослав Федоров — 5, Черномырдин — 4, Гайдар — 3, Руцкой — 2, Горбачев — менее одного процента.

Примерно такие же цифры получил и ВЦИОМ, проведший аналогичный опрос 13 марта: Зюганов — 25 процентов, Ельцин — 15, Явлинский — 11, Жириновский — 9, Лебедь — 8, Святослав Федоров — 7, Черномырдин — 4, Гайдар — 3, Горбачев — 1.

Социологи отмечают: у Зюганова рейтинг уже не растет так быстро, в то время как у Ельцина он увеличивается довольно значительными темпами. Как считает директор ВЦИОМа Юрий Левада, рейтинг Зюганова, «почти подошел к своему пределу», тогда как у нынешнего президента «еще есть возможности, и его предел — около 30 процентов». Однако, несмотря на разницу в темпах роста, к середине июня рейтинг Зюганова, по прогнозу ВЦИОМа, все же будет опережать рейтинг Ельцина на 3–5 процентов. Вообще позиции Зюганова пока весьма прочны. Если бы второй тур президентских выборов проводился сейчас, он, по опросу РОМИРа, победил бы любого из потенциальных соперников: Жириновского — с соотношением голосов 44: 13, Лебедя — 40: 22, Явлинского — 38: 29, Ельцина — 40: 31.

По словам Левады, главное, чего население по-прежнему ждет от Ельцина и чего требует от него, — ПОКОНЧИТЬ С ВОЙНОЙ В ЧЕЧНЕ. Нерешенность этой проблемы социологи, как и раньше, считают самым большим препятствием для победы Ельцина на выборах.

* * *

Еще один опрос, проведенный в конце марта ВЦИОМом по

заказу «Итогов» (его результаты были опубликованы 31 марта): Зюганов — 25 процентов тех, кто твердо решил идти на выборы, Ельцин — 18, Лебедь — 10, Явлинский и Жириновский — по 9, Черномырдин и Гайдар — по 3, Горбачев — 1.

Социологи отмечают ту же тенденцию: рейтинг Зюганова застыл на месте, у Ельцина он продолжает расти.

Результаты, полученные в этот же период РОМИРом: Зюганов — 27, Ельцин — 19, Лебедь — 9, Явлинский — 8, Жириновский — 7, Святослав Федоров — 7, Черномырдин — 3, Гайдар — 2, Руцкой — 1, Горбачев — 1.

По данным РОМИРа, Зюганов по-прежнему побеждает во втором туре всех своих возможных соперников: Жириновского — 45: 12, Лебедя — 38: 24, Явлинского — 38: 29, Ельцина — 40: 30.

Однако у ВЦИОМа на этот счет другие данные: если в январе Зюганов победил бы Ельцина во втором туре с разрывом в 20 процентов голосов, в феврале — с разрывом в 12 процентов, в первой половине марта — 8, то во второй половине этого месяца такой разрыв составил бы лишь 3 процента (36: 33). По словам руководителя ВЦИОМа Юрия Левады, учитывая статистическую погрешность результатов опросов, у обоих претендентов «практически равные шансы» на победу во втором туре.

Трудно сказать, чем объяснялась такая разница в данных, полученных двумя разными группами социологов.

По данным ВЦИОМа, в конце марта 35 процентов опрошенных высказали мнение, что президентом станет все-таки Ельцин, 28 — что им будет Зюганов. По мнению социологов, наиболее существенный вывод, который можно было сделать из этого: шансы Ельцина остаться президентом на второй срок в результате законных конкурентных выборов, которые казались призрачными в конце 1995 года и сомнительными в январе 1996-го, уже в феврале стали реальными, а к концу марта — весьма серьезными.

* * *

Очередной опрос, проведенный ВЦИОМом по заказу «Итогов» с 4 по 10 апреля (публикация — 14 апреля), дал такие результаты. На выборы собираются пойти 68 процентов опрошенных. 26 процентов из их числа готовы проголосовать за Зюганова, 18 — за Ельцина, по 10 — за Явлинского и Лебедя, по 8 — за Жириновского и Святослава Федорова, 4 — за Черномырдина, 3 — за Гайдара, 1 — за Горбачева.

Согласно опросу РОМИРа (6–7 апреля), у Зюганова 27

процентов потенциальных голосов, у Ельцина — 22, у Лебедя — 8, у Явлинского — 7, у Жириновского и Святослава Федорова — по 6, у Руцкого — 2, у Черномырдина, Гайдара и Горбачева — по одному.

Во втором туре выборов, если бы он состоялся в начале апреля, согласно опросу РОМИРа, Зюганов победил бы Ельцина с соотношением голосов 40: 34 (две недели назад это соотношение, напомню, составляло 40: 30).

Ельцин — кандидат

3 апреля Ельцин был официально зарегистрирован кандидатом на пост президента, вторым после Зюганова.

Спустя три дня, 6 апреля, Ельцин выступил на съезде Общероссийского движения общественной поддержки президента (ОДОПП) — детища Сергея Филатова. Он откровенно заявил, что не удовлетворен тем, что сделал за время руководства страной: «Почти половина населения живет плохо, а десять процентов — очень хорошо. Начал образовываться паразитический капитал и раздел национального богатства вместо его приумножения». Впрочем, за этим признанием последовала обычная обтекаемая формула, к которой Ельцин постоянно прибегал с самого начала реформ, с 1992 года, — необходимо «несколько скорректировать» курс, не менять его, а внести лишь некоторые поправки.

Увы, обещанное тогда Ельциным до сих пор не реализовано. Вопиющий разрыв между бедным большинством и богатым меньшинством не только не сократился, но продолжает разрастаться.

Вновь остановился Ельцин и на Чечне. Опять сказал, что видит свой долг в том, чтобы сдвинуть этот кризис с мертвой точки. Напомнил: он предложил Дудаеву начать переговоры через посредников. Посредники — Минтимер Шаймиев и Нурсултан Назарбаев — «уже начали свою деятельность».

В целом, завершая выступление, Ельцин выделил десять главных направлений предстоящей работы: борьба с бедностью на основе экономического роста; защита семьи, материнства и детства; развитие культуры, образования и науки; борьба с преступностью и коррупцией; правовая реформа; МИР В ЧЕЧНЕ; военная реформа; отстаивание российских интересов за рубежом; интеграция с соседями по СНГ; установление гражданского мира в России.

В тот же день, несколько позже, беседуя с журналистами, Ельцин объявил, что именно сегодня «дан старт предвыборной кампании и с настоящего момента начинается вся

пропагандистская работа». Через своих собеседников президент призвал россиян голосовать на выборах за него, — «чтобы не было смены курса, не было революций». «Россия сыта революциями», — сказал он. При этом напомнил, что «ни в одном веке ни одни реформы» в России не были доведены до конца. «Поэтому дайте довести реформу до конца тому, кто ее начал! И тогда будет все в порядке — и экономика, и уровень жизни, как в цивилизованных странах. Возможность для этого есть, так как самый тяжелый период в реформировании мы прошли».

Увы, «довести реформу до конца» и на этот раз не удалось. По крайней мере, самому Ельцину. Сил не хватило. Так и смотрим, облизываясь, оставаясь далеко позади, на уровень жизни «как в цивилизованных странах». Всерьез наша правящая бюрократия озабочена только собственным уровнем жизни. Там дела обстоят по-другому. Там большого разрыва с цивилизованными странами давно уже нет. Напротив, по сравнению с их средней отметкой уже вырвались далеко вперед.

ГИБЕЛЬ ДУДАЕВА

Жив он или мертв?

Поздно вечером 23 апреля 1996 года известный чеченский полевой командир Шамиль Басаев выступил по подпольному телеканалу боевиков и сообщил, что в ночь с 21 на 22-е погиб президент Чеченской Республики Ичкерия Джохар Дудаев. Басаев сообщил также, что в Чечне объявляется трехдневный траур по погибшему лидеру, и заверил: несмотря на его гибель сторонники Дудаева будут бороться за свободу, сколько бы времени ни понадобилось для ее обретения — «хоть пятьдесят, хоть сто лет». Исполнение обязанностей президента, по словам Басаева, принял на себя вицепрезидент Зелимхан Яндарбиев.

Вскоре стали известны некоторые подробности случившегося. Утверждалось, что Дудаев и несколько его спутников попали под ракетный обстрел возле села Гехи-Чу в тридцати километрах от Грозного, где чеченский лидер проводил сеанс космической связи с кем-то в российской столице (позже известный московский бизнесмен и политик Константин Боровой станет утверждать, что Дудаев говорил именно с ним).

Сразу же объявились люди, которые уверяли, что своими глазами видели тело погибшего чеченского лидера.

Несмотря на это реакция Москвы была недоверчивой: уж слишком неожиданной оказалась весть. Так, в середине дня 24 апреля некий источник во внутренних войсках МВД сообщил корреспонденту РИА «Новости», что силовые структуры России «пока не располагают никакой достоверной информацией о гибели Джохара Дудаева». По его словам, эксперты не исключают, что сообщения о гибели Дудаева — просто-напросто провокация, призванная «замаскировать» «отъезд мятежного генерала в Турцию или другую мусульманскую страну». Как считают эти эксперты, «понимая неизбежность военного поражения в столкновениях с федеральными войсками», Дудаев, мол, собирался сформировать где-нибудь за границей «правительство Ичкерии в изгнании».

Примерно такого же мнения были многие политические деятели в России. Председатель думского Комитета по безопасности Виктор Илюхин заявил: с его точки зрения, известие о гибели Дудаева может быть дезинформацией, имеющей целью уклониться от переговоров по мирному урегулированию. «Я смогу поверить в смерть Дудаева только после того, как будет

произведена эксгумация его предполагаемого трупа», — сказал Илюхин.

Председатель Госдумы Геннадий Селезнев также заявил, что считает информацию о смерти Дудаева не соответствующей действительности: «Это уже третья смерть Дудаева в текущем году».

Неверие российских официальных лиц продолжалось довольно долго. Еще и вечером 26 апреля, то есть спустя трое суток после первых сообщений о гибели Дудаева, министр по делам национальностей и федеративным отношениям Вячеслав Михайлов говорил журналистам, что у него «нет твердой уверенности», что Джохар Дудаев действительно погиб.

Между тем подтверждений факта этой гибели становилось все больше и больше. Впрочем, строго говоря, их было вполне достаточно уже 24 апреля. В этот день утром «по месту жительства» ичкерийского президента стали собираться его родственники с выражением соболезнования. Учитывая местные нравы — доказательство достоверности случившегося, не менее убедительное, чем акты эксгумации и судебно-медицинские заключения. А 24-го вечером, следуя чеченским традициям, о кончине Джохара Дудаева объявили старейшины. Это уж и вовсе было, по существу, окончательным официальным признанием факта смерти человека.

Все планы рушатся…

Казалось бы, ликвидация Дудаева должна быть однозначно воспринята российскими властями как крупный успех, крупная победа. Однако в тех конкретных обстоятельствах для такого восприятия были кое-какие препятствия. В Кремле настроились на замирение с Дудаевым, это сделалось одним из центральных пунктов предвыборной ельцинской программы — и вот тебе на! Все планы рушились. Все надо было отстраивать заново. Как уже сообщалось, исполнение обязанностей президента Ичкерии принял на себя вице-президент Зелимхан Яндарбиев. Он считался еще более решительным сторонником чеченской независимости, чем Дудаев. Более непримиримым по отношению к России. Да и вообще было не очень понятно, насколько тверда только что обретенная им власть. Насколько весома эта фигура на фоне других чеченских лидеров. Не заменит ли в ближайшее время Яндарбиева на президентском посту тот же Шамиль Басаев (уж его-то авторитет среди полевых командиров непререкаем)? Тогда на переговорах и на достижении мира вообще можно будет поставить крест. Лучшим вариантом для Москвы был бы

начальник штаба ичкерийских боевиков Аслан Масхадов, однако его выход на первые роли представлялся пока что маловероятным. В любом случае, несравненно легче иметь дело с одним признанным лидером, чем с несколькими соперничающими друг с другом претендентами на освободившийся трон.

В общем, все говорило о том, что в данной политической ситуации гибель Дудаева — это для Москвы скорее минус, чем плюс. Собственно говоря, тут особенно и рассуждать было нечего: уже 23 апреля по каналам ИТАР-ТАСС было распространено заявление правительства Ичкерии: в связи с гибелью Дудаева оно отвергает план мирного урегулирования в Чечне, предложенный Ельциным.

В этом заявлении были отражены преобладающие настроения, установившиеся в те дни среди чеченских полевых командиров. Зелимхан Яндарбиев на своей первой, тайной пресс-конференции, проведенной 25 апреля в одном из чеченских сел, прямо сказал об этом: полевые командиры оказывают на него давление, требуя отомстить за смерть Дудаева. По словам Яндарбиева, мирные переговоры с Москвой откладываются до тех пор, пока не будут найдены виновники гибели его предшественника.

То же самое подтвердил известный дагестанский политик председатель Союза мусульман России Надир Хачилаев, совершивший тогда поездку в Чечню: «После предполагаемой гибели Дудаева настроения в среде полевых командиров относительно переговоров с Россией изменились. Может быть, мне показалось и это чисто эмоциональная реакция, но настроение такое — никаких переговоров».

«Его убили свои»

В качестве реакции на заявление ичкерийского правительства и на соответствующие настроения чеченских полевых командиров последовали твердые заверения российского президента и других представителей Кремля: мир в Чечне будет достигнут в любом случае — «с Дудаевым или без него».

Одновременно, чтобы снять ответственность с российской стороны, ее функционеры принялись открещиваться от этого подвига. Как заявил руководитель Рабочей группы при президенте по урегулированию ситуации в Чечне Эмиль Паин, «задача физического уничтожения Дудаева российскими властями никогда не ставилась». Словно бы подтверждая этот тезис, командующий Объединенной группировкой федеральных

сил в Чечне генерал-лейтенант Вячеслав Тихомиров уже 24 апреля сообщил корреспонденту ИТАР-ТАСС по телефону из Ханкалы (на ленте агентства эта информация появилась в 16–00), что «федеральные войска никакого отношения к гибели Джохара Дудаева не имеют». По словам генерала, «ни авиация, ни артиллерия в ночь с 21 на 22 апреля в районе села Гехи-Чу боевых действий не проводили».

Наиболее весомыми в ряду подобных утверждений стали, пожалуй, слова председателя российского правительства Виктора Черномырдина, сказанные им на пресс-конференции вечером 25 апреля: «Министры обороны и внутренних дел заявили, что никаких активных действий в районе гибели Дудаева их войска не проводили».

Спрашивается, кто же тогда убил Дудаева? Вроде бы остается один-единственный вариант — убили свои же, друзья и соратники ичкерийского лидера. На это как будто и решила нажимать кремлевская контрпропаганда. 25 апреля в середине дня РИА «Новости», со ссылкой на «хорошо информированные круги российских спецслужб», открытым текстом сообщило, что Джохар Дудаев был убит «членами своего ближайшего окружения». Убийство было совершено скорее всего с помощью мощного взрывного устройства. По мнению российских спецслужб, говорилось в сообщении, главный мотив убийства Дудаева заключался в том, чтобы не допустить каких-либо уступок с его стороны на переговорах по урегулированию в Чечне. В последнее время Дудаев давал понять о своей готовности к таким уступкам. Что касается версии, будто Дудаев был уничтожен с помощью ракеты, наведенной по радиолучу, то один из специалистов-электронщиков пояснил корреспонденту РИА «Новости»: пеленг и тем более перехват спутниковой радиосвязи, которой пользовался Дудаев, практически невозможен.

Несколько позже в этот же день опять-таки РИА «Новости», ссылаясь уже на «высокопоставленный военный источник», вновь распространило версию об убийстве Дудаева «людьми из его ближайшего окружения». На этот раз предполагаемые мотивы убийства выдвигались несколько иные: мол, с некоторых пор у Дудаева «возникли серьезные финансовые разногласия с полевыми командирами» — в последнее время, по данным военных, лидер чеченских сепаратистов сократил выдачу валюты наемникам за их услуги, а также стал нерегулярно выплачивать причитающиеся деньги полевым командирам, что не могло не вызвать недовольства с их стороны. Готовность Дудаева приступить к мирным переговорам с руководством России также подрывали его позиции среди «непримиримых». Уже к апрелю

Дудаев, мол, «стал терять контроль над обстановкой». В этих условиях, как считал военный источник, «не исключено, что близкие к Дудаеву лица решили избавиться от него». Они организовали дистанционный взрыв фугаса, от которого, очевидно, и погиб лидер мятежников. Заодно таким способом был инсценирован «ракетно-бомбовый налет со стороны федеральных сил».

Странность подобных сообщений заключалось в том, что еще рано утром 24 апреля «Радио России» процитировало слова министра обороны Павла Грачева: «Разведывательные подразделения федеральных войск уточняют результаты ударов, нанесенных по предполагаемому месту нахождения Джохара Дудаева». В этот же день, согласно утверждению «Независимой газеты», некий «высокопоставленный сотрудник российского

Генерального штаба» также заявил, что по месту расположения Дудаева был нанесен ракетный удар с воздуха. Так что говорить о какой-то инсценировке вроде бы не приходилось. Правда, в дальнейшем эти заявления министра и анонимного генштабиста на какое-то время постарались забыть, замолчать. В прессе развернулась полемика между специалистами, часть из которых с упоением доказывала, что у российских Вооруженных Сил, в частности у авиации, нет таких ракет, которые могли бы нанести столь точный удар.

Но Министерство обороны упорно не желало, чтобы у него так запросто отобрали этот подвиг — уничтожение главного врага: ведь именно военнослужащие этого министерства сделали то, чего никак не могли сделать спецслужбы (вечное соперничество между армией и спецслужбами тут снова дало о себе знать). И в конце концов разговоры о том, что Дудаева убили свои, сошли на нет. Хотя и вокруг версии, что это все-таки акция федеральных сил, оставалось достаточно тумана.

Была ли эта акция чем-то сверхординарным (запеленгован телефонный разговор Дудаева, по радиосигналу этого телефона была наведена какая-то особая сверхточная ракета и т. д.)? Опять-таки из Ханкалы, в противовес тому, что говорил генерал Тихомиров, пришла несколько иная информация: в ночь с 21 на 22 апреля в районе села Гехи-Чу авиация все-таки «работала», но «работала» «в режиме свободного поиска»; такой режим не был чем-то необычным, характерным лишь для той ночи, — он применяется военными периодически, «в зависимости от оперативной обстановки — в местах скопления боевиков».

В общем, мало-помалу истинная картина гибели Дудаева делалась ясна. Все очевиднее становилось: он действительно погиб в результате ракетного удара с воздуха. Однако никакого

сверхточного оружия при этом, скорее всего, не применялось. По-видимому, ликвидация ичкерийского лидера произошла достаточно случайно, в ходе обычной, рутинной операции, какие федеральная авиация проводила регулярно, без какой-либо особой надежды на столь ошеломительный успех.

Как бы то ни было, дело было сделано. Соответствующие награды — в обстановке секретности — надо полагать, вручены. Поводов для гордости имелось более чем достаточно. «Армия наглядно продемонстрировала, что при необходимости она способна самостоятельно решать любые нестандартные задачи в условиях, когда предназначенные для этого спецслужбы оказываются бессильны», — писал в те дни один из авторов «Независимой газеты».

Генерал-майор авиации

С Дудаевым мы встретились в грозненском президентском дворце (после он был полностью разрушен) в июле 1992-го. Обстоятельства этой встречи были довольно забавны. Чеченскому президенту меня рекомендовал его хороший московский знакомый, а потому встречать меня в Грозном, по всем приметам, должны были «на высшем уровне», в соответствии со всеми канонами знаменитого кавказского гостеприимства.

И в самом деле, в грозненском аэропорту прямо к трапу — самолет прилетел поздно ночью — подкатила шикарная БМВ, машина, и в России тогда не часто встречавшаяся. Двое чеченцев — сотрудники аппарата Дудаева — доставили меня в гостиницу «Кавказ», прямо в центре города, напротив президентского дворца. Заехать за мной пообещали в восемь утра. День должен был начаться с «культурной программы» (все как у людей).

И тут дернула меня нелегкая сказать дудаевским помощникам, что я еще должен связаться со Звиадом Гамсахурдиа и выяснить, когда он меня примет (едучи в Грозный, я решил совместить два дела — побеседовать и с чеченским президентом, и с грузинским экс-президентом, который в качестве изгнанника жил в то время в чеченской столице). Трудно описать, какое впечатление произвело на встречающих меня чеченцев мое сообщение насчет Гамсахурдиа. Это был настоящий шок. «Как Гамсахурдиа? — бормотали они в растерянности. — Здесь один хозяин — чеченский президент». Они не в состоянии были допустить даже мысли, что, приехав на встречу с президентом Дудаевым, я мог себе позволить одновременно думать еще о чем-то другом — о встрече с каким-то Гамсахурдиа.

Естественно, ни в восемь, ни позже никто за мной не приехал.

Никто даже не позвонил. Ни о какой «культурной программе» уже не было и речи. Поговорил довольно подробно с бывшим грузинским президентом о случившемся в его республике (он принял меня без промедления). После сам себе организовал «культурную программу» — погулял по городу, тогда еще целому, не разрушенному.

На следующее утро стал названивать помощнику Дудаева Мовлену Саламову. Звонил из автомата (в гостинице телефон не работал, мобильников тогда не было). Около двенадцати явился в дудаевскую приемную на один из верхних этажей президентского дворца и прождал там. до десяти вечера. Мимо меня в кабинет Дудаева проходили все кому не лень, все, кто только появлялся в приемной, а меня он все не принимал и не принимал: слишком сильно я перед ним провинился — не ограничился встречей с ним, встретился еще и с его грузинским гостем (вроде бы отношения между ними были нормальные, но вот. какой-то их чеченский этикет и «протокол» я нарушил).

Наконец около десяти я вошел в обширный кабинет чеченского руководителя. Дудаев сидел в левом углу на диване, а напротив справа, отдельной группой, располагались человек двадцать его приближенных. Как я понимаю, все — или почти все — будущие полевые командиры будущего чеченского сопротивления. Жаль, что в ту пору я никого из них не знал в лицо, а то, не исключено, разглядел бы и Басаева, и Масхадова, и Яндарбиева. Все два часа (около того), что мы разговаривали с Дудаевым, они молча, терпеливо слушали наш разговор. Лишь к концу его стали проявлять некоторое нетерпение, так что Мовлен Саламов подскочил ко мне и прошипел злобно: «Вы опоздаете на самолет!» Но Дудаев жестом отстранил его: дескать, ничего, дай поговорить. Видно, наш разговор был ему небезынтересен.

А начал он его с нескрываемым злорадством: «Ну что, устали ждать?» Стало окончательно ясно, что инициатор ожидательной экзекуции, которой я подвергся, — именно он. Я ответил, что ожидание для меня дело привычное, такова моя профессия. И в самом деле, помнится, в Вильнюсе беседы с Ландсбергисом мне пришлось дожидаться примерно столько же. Правда, тогда у литовского руководителя были извиняющие обстоятельства. Это была мартовская ночь 1990 года, на Вильнюс, принявший незадолго перед этим акт о независимости Литвы, со стороны Каунаса двигался российский механизированный полк — несколько десятков то ли танков, то ли БТРов или БМП (вся информация поступала в республиканский Верховный Совет от людей, не очень разбирающихся в военной технике). Все были уверены, что Кремль решил скинуть своевольную литовскую

власть.

Я спросил Дудаева, как он считает, действительно ли Чечня созрела, чтобы существовать независимо, отдельно от России. Ни малейших сомнений на этот счет у моего собеседника не было:

— Безусловно. Прежде всего, она достигла зрелости по состоянию своего человеческого потенциала, уровню его развития. Главное, что характерно для нашего народа, — осознание того, что самостоятельность является единственным приемлемым вариантом его будущего. Ни один народ на земле не прошел такую проверку на зрелость, как чеченский народ. Природные ресурсы, научно-технический потенциал, производственный потенциал, географическое положение, особенности исторического развития — все это в совокупности также создает предпосылки для нашей независимости. Если нам не будут мешать, наша республика, без сомнения, в ближайшем будущем совершит мощный скачок и в области экономики, и в области гражданского строительства, обеспечения демократических и правовых норм жизни.

— К сожалению, — добавил Дудаев, — метрополия не только не осознала своей ответственности за все, что сотворено с этим народом, но и делает все, чтобы усугубить тяжесть его положения после выпавших на его долю испытаний.

На вопрос, когда у него впервые возникла мысль заняться той деятельностью, которой он теперь занимается, Дудаев ответил, что готовился к ней всю свою сознательную жизнь.

— Несправедливость насилия, его тягостный пресс, давящий на мою душу, на душу моего народа, да и не только моего, я осознал еще у ту пору, когда рос в землянке с рождения, в сибирских условиях, в голоде, в нужде, в репрессиях. Самое страшное было — это ощущение полного бесправия и незащищенности ни со стороны закона, ни со стороны государства. Наоборот, твое уничтожение как человека, как личности ставилось целью.

До новой чеченской войны оставалось более двух лет. Что Дудаев думал в тот момент по поводу возможного вооруженного конфликта с Россией? Как собирался действовать в случае, если он возникнет?

— Сколько можно! — воскликнул чеченский президент, отвечая на соответствующий мой вопрос. — За триста лет Россия уже столько навязала нам военных конфликтов! Чего только мы не натерпелись от нее! И чего только не продолжаем терпеть! Сюда вводились войска. Осуществлялась прямая агрессия. Наши сыновья гибли и гибли. Наш народ был поставлен на грань физического уничтожения. Но в дальнейшем любое вооруженное

вмешательство России в дела Чечни будет означать новую кавказскую войну, смею вас заверить. Причем войну жестокую, учитывая наличие современного оружия и фактор колоссального перемешивания населения на огромных территориях бывшего Союза, в том числе и чеченцев, их нахождения во всех концах земного шара. За последние триста лет нас научили выживать. Причем выживать не индивидуально, а в качестве единой нации. Да и другие кавказские народы готовы вспыхнуть, как порох. Кавказ своеобразен. И стоит начать с Чечни, как вспыхнет сильнейший пожар. Соседние народы не останутся в стороне. А ведь есть безмозглые головы, которые усиленно провоцируют эту войну.

Предсказание Дудаева насчет широкого распространения войны по кавказской территории, которое тогда казалось не очень обоснованным, сегодня, при Путине, похоже, начинает сбываться. Помимо Чечни, стрельба, взрывы слышны уже в Ингушетии, Дагестане, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии.

Еще один дудаевский прогноз, тоже тогда казавшийся довольно странным:

— На своей территории мы воевать не собираемся. Хватит трехсот лет кровопролития на этой земле. Нас хорошо научили переносить эти войны туда, откуда они исходят. Это будет война без правил.

Тогда это обещание представлялось неким хвастовством. Но сегодня, вспоминая многочисленные теракты едва ли не по всей России, — взрывы в метро, в поездах, в самолетах, на рынках, в жилых домах, на улицах российских городов, Норд-Ост, Беслан, — понимаешь, что именно подразумевал чеченский лидер под войной без правил и за пределами чеченской территории (хотя ее-то собственную территорию, ее народ огонь войны обуглил и опалил в первую очередь).

Острый вопрос — о роли ислама в Чечне. Его главенствующая роль в этой республике при Дудаеве, а особенно после него, общеизвестна. Однако сам он, судя по его ответу, относился к исламу довольно сдержанно.

— Я бы хотел, — сказал он мне тогда, — чтобы Чеченская Республика была конституционным светским государством. К этому мы стремимся, этот идеал преследуем. Религия как духовная среда должна играть исключительно важную роль в духовном обогащении народа, в развитии морали и человечности. Если же религия берет верх над светским конституционным устройством — появляется испанская инквизиция, исламский фундаментализм в ярко выраженном виде. Ни одной религии,

оказавшейся во главе государственных структур, не удается выдерживать чисто религиозную целевую программу, вытекающую из ее существа. Неизбежно возникает противостояние, противоборство.

Чувствует ли он себя продолжателем дела Шамиля? Ответ лапидарно-отрицательный:

— Я не чувствую себя продолжателем дела кого-либо.

Не боится ли Дудаев за свою безопасность? В его ответе слышна бравада:

— Говоря честно, ничего я не боюсь. И никого, кроме Всевышнего. От всего не перестрахуешься. И если какому-то дураку вздумается выстрелить, от этого тоже не уйдешь. Это все ерунда — охрана, защита, бронированные машины, спецаппаратура. Все это ерунда. Шлепали и президентов Соединенных Штатов.

По словам Дудаева, его охрану составляют четверо парней-добровольцев, не получающих за это никаких денег (дескать, озаботиться зарплатой своих охранников ему, президенту, как-то неловко).

У меня самого сложилось несколько иное впечатление о президентской охране. Пока я дожидался приема, имел возможность наблюдать за работой дудаевской службы безопасности. Множество людей, вооруженных пистолетами и автоматами, постоянно ходили туда-сюда. Когда Дудаеву потребовалось перейти из кабинета в зал совещаний — это рядом, — они заставили всех посетителей выйти из приемной в вестибюль, там оттеснили всех к стенке, образовав живой коридор, и только после этого провели президента по нему. Меня несколько раз подозрительно спрашивали, почему я так долго сижу в приемной, хотя, как уже говорилось, это совсем не от меня зависело. Наконец, непосредственно перед дверью дудаевского кабинета попросили открыть «дипломат» и тщательно осмотрели его.

На все это Дудаев возражал, что, должно быть, я принял за его охрану кого-то из комендантского взвода или из других подразделений.

Так или иначе, все эти охранники не уберегли авиационного генерала от авиационной ракеты.

Вслед за Дудаевым — Яндарбиев

На убийстве Дудаева, однако, «чеченские» сенсации не закончились. 29 апреля где-то около часа дня ИТАР-ТАСС передало сообщение, что вслед за Дудаевым убит и его преемник

на посту президента Ичкерии Зелимхан Яндарбиев.

В течение дня приходили все новые и новые известия о деталях случившегося. Наконец, к вечеру сложилась более или менее полная картина. Утверждалось, что накануне в Урус-Мартановском районе, в том самом селе Шалажи, где прежде, как утверждалось, не ступала нога боевика, состоялось совещание полевых командиров, на котором командующим всеми боевыми отрядами был избран Шамиль Басаев. Не вполне ясно, означал ли этот шаг, что свежеиспеченному президенту Чечни Зелимхану Яндарбиеву оказано недоверие, но сразу после окончания совещания по дороге из Шалажи в Урус-Мартан он был убит.

Правда, вся эта информация исходила от промосковского правительства Чечни, возглавляемого Доку Завгаевым. Источник, прямо скажем, не очень надежный, далеко небеспристрастный, но тем не менее.

Всеми овладела какая-то растерянность и недоумение: за одну неделю убиты два главных ичкерийских лидера; ничего даже отдаленно похожего федералы не могли добиться за все предыдущие полтора года войны. Создавалось ощущение, что кто-то неведомый, действуя весьма энергично и целенаправленно, стремится во что бы то ни стало сорвать мирные переговоры по Чечне и тем самым нанести ощутимый удар по избирательной кампании Ельцина.

Слухи о смерти Яндарбиева оказались сильно преувеличены

Однако уже на следующий день сообщения о гибели Яндарбиева были опровергнуты. Один из лидеров чеченской диаспоры президент благотворительного фонда «Единение» Хож-Ахмед Яриханов сообщил «Интерфаксу», что преемник Джохара Дудаева жив и здоров. По его словам, в ночь на 29-е машина с Яндарбиевым действительно попала в засаду в Урус-Мартановском районе, при этом погиб один из его охранников, но сам он не пострадал.

В ночь на 1 мая Яндарбиев предстал уже собственной персоной на подпольном чеченском телеканале. Он вновь заявил, что борьба за независимость будет продолжаться «до последнего чеченца».

А днем 1 мая новый ичкерийский президент появился перед журналистами на пресс-конференции, которую он провел вместе с Асланом Масхадовым где-то на юге Чечни. Среди прочего здесь было заявлено, что ни о каком расколе в рядах чеченской оппозиции нет и речи — все это, как сказал Яндарбиев,

«стопроцентная выдумка российских спецслужб, направленная на то, чтобы расшатать монолит наших рядов».

Что касается перспективы мирных переговоров с российским руководством, новый чеченский лидер подтвердил свою крайне жесткую позицию: «Их условием должен быть полный вывод войск. Без решения этого вопроса встреча, может быть, и состоится, но переговоры могут не состояться».

Так что гибель чеченского писателя и политика откладывалась. Смерть от руки киллеров, — по-видимому, российского происхождения, — настигнет его лишь восемь лет спустя, в феврале 2004-го в Катаре.

Реакция Москвы на жесткие заявления воскресшего Яндарбиева была достаточно спокойной. «Чтобы по достоинству оценить слова Зелимхана Яндарбиева по поводу переговоров, надо знать — это его личная точка зрения или консолидированная позиция сепаратистов», — заявил 2 мая пресс-секретарь Ельцина Сергей Медведев. Он заметил, что со стороны дудаевцев было много высказываний ультимативного характера, так что очередной ультиматум ни у кого не должен вызывать удивления. «В любом случае урегулировать обстановку в Чечне можно только путем переговоров. Так считает президент, и он будет придерживаться своего плана урегулирования в Чеченской Республике, одобренного Советом безопасности», — заверил пресс-секретарь.

Ельцин уже «дышит в затылок» Зюганову

Между тем, президентская избирательная кампания в России продолжается, набирает обороты. Вот данные опроса, проведенного ВЦИОМом с 17 по 24 апреля по заказу «Итогов» и опубликованные 28 апреля.

Если бы выборы состоялись «сегодня», за Зюганова проголосовали бы 27 процентов собирающихся участвовать в голосовании, за Ельцина — 21, за Явлинского — 11, за Жириновского — 9, за Лебедя — 8, за Святослава Федорова — 4, за Горбачева — 2.

На выборы предполагают пойти 70 процентов опрошенных.

Почти такие же данные получены в результате опроса, проведенного РОМИРом 20–21 апреля (также по заказу «Итогов»): Зюганов — 28 процентов, Ельцин — 22, Явлинский и Лебедь — по 8, Жириновский и Святослав Федоров — по 6, Горбачев — 2.

Во втором туре Зюганов по-прежнему побеждает Ельцина, но уже с менее убедительным, чем прежде, результатом — 40: 36 (прежние результаты, по данным РОМИРа, напомню: в конце

марта — 40: 30, в начале апреля — 40: 34).

ПЕРЕГОВОРЫ С ЯНДАРБИЕВЫМ

Новое прозвище Ельцина — «волкодав»

Несмотря на «рокировку» ичкерийских лидеров и неутихающие разговоры о непримиримости Яндарбиева Ельцин упорно шел к намеченной цели — переговорам. 23 мая в Вене было распространено заявление главы миссии ОБСЕ в Чечне Тима Гульдиманна: в ближайшее время в Москве планируется провести встречу президента России Бориса Ельцина и лидера чеченских сепаратистов Зелимхана Яндарбиева.

Синхронно, в этот же день, пресс-секретарь Ельцина Сергей Медведев сообщил, что президент «ведет интенсивную подготовку» к переговорам с чеченцами и «настроен на то, чтобы они начались как можно быстрее». Пресс-секретарь пообещал, что всем участникам переговоров, где бы они ни проводились, будет гарантирована безопасность.

Наконец опять-таки 23 мая о готовящихся переговорах сказал и сам Ельцин, находившийся в тот момент в Архангельске. Свое сообщение он сопроводил словами: «Лед тронулся — достигнуто согласие».

Встреча состоялась 27 мая в банкетном зале кремлевской резиденции президента. Проходила она в закрытом режиме, без журналистов. В чеченской делегации — пять человек. Сам Яндарбиев одет в полевую форму защитного цвета, на голове — каракулевая папаха, неизменная деталь национального облачения. Его спутники — в обычных европейских костюмах.

Еще не начавшись, переговоры едва не оказались сорваны. Яндарбиев потребовал такой рассадки за столом переговоров, чтобы она соответствовала его представлению о собственном статусе — статусе главы независимого государства: руководители делегаций, как равные, сидят по бокам стола друг напротив друга. Ельцин, уже занявший было привычное место в торце стола, в конце концов, после некоторого обмена раздраженными репликами, вынужден был уступить.

В целом разговаривал он с «посланцами гор» довольно жестко, причем выдержал эту жесткость до конца встречи, заслужив от своего визави вроде бы лестную в устах чеченца характеристику: «волкодав».

Отчитал чеченцев за более чем двухчасовое опоздание: когда президент приглашает, опаздывать не может никто.

Забавно, не правда ли: будто и нет войны, не проливается

реками кровь, будто Яндарбиев не предводитель мятежных сил, а обычный региональный российский чиновник (его вызвали на ковер к президенту, а он позволил себе опоздать)?

Ельцин отмел попытку ичкерийского лидера не допустить, чтобы в переговорах участвовал глава промосковского правительства Чечни Доку Завгаев (это было изначальное требование Яндарбиева, выдвинутое им еще на дальних подступах к переговорам). Завгаев ока-зался-таки за переговорным столом, правда, не вполне ясно, в каком именно качестве — то ли как руководитель не признаваемого сепаратистами грозненского кабинета, то ли просто как член российской делегации (на это Яндарбиев еще соглашался). В ходе переговоров лидер чеченской оппозиции попросил Ельцина о встрече наедине, но тот отказал ему и в этом: дескать, нам нечего скрывать от присутствующих. Угадал, зачем Яндарбиеву понадобилось это уединение: опять-таки, хотя бы на время, оставить Завгаева за бортом переговоров.

В подписанных сторонами документах вообще не упоминалась Ичкерия, хотя чеченцы пытались ее туда вставить, будь то в названиях своих должностей или еще как. Под основным документом — достигнутой на встрече договоренностью — оказались две подписи: просто Черномырдина и просто Яндарбиева, без указания титулов.

Главная задача — прекратить огонь

На переговорах обе делегации, по их утверждению, исходили из одной главной задачи — прекратить боевые действия в Чечне.

Вскоре после начала встречи чеченцы попросили предоставить им минут двадцать, чтобы они могли сформулировать свои предложения. Ельцин согласился, и российская делегация покинула зал. Затем переговоры возобновились. В итоговом документе оказалось три пункта: первый — с ноля часов 1 июня (вот еще одна, новая дата) в Чечне полностью прекращается огонь и боевые действия; второй — в течение двух недель освобождаются все, кто «насильственно удерживается» в этой северокавказской республике; третий — переговоры не исчерпываются данной встречей, а продолжаются на уровне специальных комиссий, созданных той и другой стороной. Предполагалось, что эти комиссии должны выработать конкретные механизмы прекращения боевых действий, обмена пленными и т. д.

Эту работу намечалось начать уже во второй день московских переговоров, 28-го, с участием силовых ведомств, Министерства

по делам национальностей и федеративным отношениям, членов Госкомиссии по контролю за урегулированием в Чечне.

Разговор о статусе Чечни, как заранее было условлено, на переговорах не поднимался, оставлялся на потом.

Естественно, сразу же возник вопрос, будет ли выполняться достигнутая договоренность. Такой вопрос первым задал Яндарбиев. Ельцин заверил его: «У нас единовластие». И в свою очередь поинтересовался: «А будет ли исполнять договоренность чеченская сторона?» — «У нас единовластия еще больше», — в тон ему отвечал Яндарбиев. Он твердо заявил, что гарантирует: «огонь в Чечне вестись не будет», все полевые командиры будут выполнять его приказы.

Выступая с кратким словом на церемонии подписания, Ельцин — надо полагать, с великим облегчением, — заявил: «Главный вопрос о мире в Чечне мы решили». Он сказал, что министерства внутренних дел и обороны — Анатолий Куликов и Павел Грачев — получат официальные приказы в соответствии с только что подписанной договоренностью. «Посмотрим, как будет реализовываться договоренность на самом деле. В случае, если она будет нарушена, то найдем потом каждого.» — пригрозил президент.

Этот день — 27 мая 1996 года — Ельцин назвал «историческим днем, историческим моментом», поскольку мир в Чечне достигнут.

В действительности, как мы знаем, настоящего мира там нет и поныне.

Неожиданная поездка Ельцина в Чечню

28 мая Ельцин удивил всех. В этот день утром он неожиданно вылетел в Чечню. Президент, правда, и раньше говорил, что собирается посетить северокавказскую республику, но так вот сорваться вроде бы в самый неподходящий момент. Чеченская делегация, прибывшая в Москву на переговоры с ним, оказалась в довольно нелепом положении. Не очень-то вежливым показал себя хозяин Кремля. Но чего не сделаешь ради успеха избирательной кампании.

В 11 утра президентский самолет приземлился в Моздоке. Здесь Ельцин объяснил цель своей неожиданной поездки:

— Надо продемонстрировать, что Чеченская Республика — в составе Российской Федерации, и нигде более.

В самом деле, слова словами, но когда президент вдруг появляется посреди мятежной республики собственной персоной — это, наверное, убедительнее слов: он и не думает уступать

сепаратистам, переговоры в Москве совсем не о том.

Из Моздока Ельцин отправился в направлении Грозного. Меры безопасности — неслыханные (Басаев давно угрожал, что в случае приезда Ельцина в Чечню, он «там и останется»). В президентском кортеже — около десятка вертолетов. Определить, в каком именно находится президент, невозможно. Параллельным курсом на предельно малых высотах летят штурмовые «вертушки», которым отдан приказ уничтожать все, что вызывает подозрения, в радиусе нескольких километров.

Слава Богу, все обошлось.

Первая остановка — в одном из сел неподалеку от чеченской столицы. Здесь, прямо на публике, как он это нередко делал, в данном случае даже более картинно — на броне БТРа, — Ельцин подписал указ о повсеместном переходе военных на контрактную службу с 2000 года.

2000-й год позади, но повсеместной контрактной службы, мы знаем, как не было, так и нет. Так что этот ельцинский широкий жест остался предвыборным жестом.

Далее последовал перелет ельцинской армады в аэропорт Северный, расположенный на окраине Грозного.

В чеченской столице Ельцин встретился с «общественностью» и военными. «Общественность» — «представителей чеченского народа» — подвезли около полудня к блокпосту перед аэропортом. Здесь она прождала более часа, после чего ей позволили выехать на встречу с президентом.

Ельцин рассказал о договоренности, достигнутой накануне на переговорах с Яндарбиевым и предусматривающей прекращение огня, другие меры по урегулированию вооруженного конфликта в Чечне. Солдат и офицеров он поблагодарил за мужество и героизм, сообщил, что подписал указ о досрочной демобилизации «срочников» — тех, кто прослужил полтора года, из которых полгода провел в горячих точках. Согласно другому подписанному им указу, к 1 июня должен быть опубликован проект договора между федеральными властями и Чеченской Республикой. По словам Ельцина, этим договором Чечне предоставляется максимальная самостоятельность: в ведении Москвы остается лишь армия, внешняя политика и некоторые другие вопросы. На обсуждение этого документа в Чечне отводился месяц.

Примерно в половине шестого Ельцин вылетел обратно в Москву.

Из простых жителей Грозного его пребывание в городе мало кто заметил. Большинство узнавало о нем разве что из теленовостей. Даже солдаты, проводившие накануне ночью

тщательную уборку в аэропорту Северном, понятия не имели, по случаю чего они это делают.

«Ястреб», ставший «голубем»

Хотя было очевидно, что с помощью этой двухходовой комбинации — приглашения чеченской делегации в Москву и собственной внезапной поездки в Чечню — Ельцин переиграл Яндарбиева, чеченцы были вполне удовлетворены переговорами. Или делали вид, что удовлетворены. А что им еще оставалось делать?..

В целом эти переговоры и в самом деле стали явным прорывом. Все убедились: с «бандитами», «террористами», «преступниками» можно встречаться и договариваться.

Многие тогда задавали себе вопрос: чем объяснить столь стремительную метаморфозу, случившуюся с Зелимханом Яндарбиевым? Человек считался крайне непокладистым, непримиримым, не идущим ни на какие компромиссы. Достаточно вспомнить его заявление сразу после гибели Дудаева: он не будет вести с Москвой никаких переговоров до тех пор, пока не выяснит, кто несет ответственность за смерть Джохара, война будет продолжаться, пока Чечня не станет свободной. И вот не прошло и сорока дней с момента гибели президента-генерала, а Яндарбиев уже в Кремле, как ни в чем не бывало беседует со своими злейшим врагом. Что, он уже нашел виноватых? Нет, конечно.

Непосредственные организаторы и исполнители убийства Дудаева не названы до сих пор. Дело независимости Чечни не продвинулось ни на миллиметр.

Думаю, столь разительная перемена в настроении нового ичкерийского лидера вполне обычна для подобных ситуаций: приходя к власти (пусть, как в данном случае, — к власти внутри оппозиции), осознавая связанную с ней ответственность, человек становится более умеренным и осмотрительным, смягчает свой радикализм.

Чинят помехи миру

В прессе отмечалось: поскольку подписанная договоренность значительно повышает предвыборные шансы Ельцина, нет никаких гарантий, что кто-то, не заинтересованный в таком повышении, не попытается эту договоренность сорвать. Или, по крайней мере, осложнить ее выполнение.

В этом направлении, в частности, явно действовала

российская контрпропаганда, находящаяся в руках спецслужб. Уже во время переговоров в прессе появились сообщения, будто среди лидеров чеченской оппозиции существуют острые разногласия по поводу их целесообразности. Произошел-де даже раскол. Так, по информации РИА «Новости» от 28 мая, «чеченский террорист» Шамиль Басаев заявил о том, что «по возвращении из Москвы Зелимхан Яндарбиев понесет ответственность, так как ему никто не давал полномочий вести переговоры с Россией». При этом агентство ссылалось на «источник в российских силовых структурах». Спрашивается, что, нет других источников? В ту пору, в отличие от второй, путинской, чеченской войны, в республике было полно обычных журналистов, не в погонах, напрямую общавшихся и с Басаевым и с другими полевыми командирами.

Как бы в подкрепление этой басаевской угрозы, ИТАР-ТАСС через два дня сообщило:

«На участке дороги Новые Атаги — Шали, по которому возвращалась из Москвы делегация во главе с Яндарбиевым, был обнаружен и обезврежен саперами федеральных сил самодельный фугас большой мощности. Инцидент произошел 29 мая за полчаса до прохождения колонны. В присутствии членов делегации взрывное устройство было уничтожено путем подрыва. Военные источники (опять они! — **О**. **М**.) считают, что данный факт является свидетельством обострения разногласий между лидерами чеченских сепаратистов после подписания в Москве соглашения об окончании боевых действий».

Поди проверь, кто заложил этот «самодельный фугас». Уж больно ловко все получилось: «за полчаса до прохождения колонны.»

Могут сказать, что таким нехитрым способом, такими вот сообщениями и, возможно, инсценировками российские спецслужбы просто пытались посеять распри в рядах противника, по одной и той же схеме, без особой фантазии преследовали эту цель и до переговоров, и во время них, и после. Может, и так. Однако, на мой взгляд, более вероятно другое. Эти сообщения были явно ориентированы на российского обывателя (противник, если даже они попадались ему на глаза, пропускал их мимо ушей, хорошо зная приемы российской контрпропаганды). Из них выходило: никакого мира Ельцин в Чечне не добился, поскольку Яндарбиев, заключивший этот мир, не пользуется у боевиков никаким авторитетом; они, боевики, будут действовать так, как действовали до сих пор, несмотря ни на какие договоренности.

Так или иначе, решающий шаг в сторону мира был сделан. 3 июня на встрече с главами государств Закавказья и

руководителями автономных республик, краев и областей Северного Кавказа Ельцин подтвердил, что российские федеральные власти будут неукоснительно соблюдать договоренность с руководителями вооруженных формирований Чечни.

В соревновании с Зюгановым Ельцин выходит вперед

Избирательная кампания Ельцина становится все активнее, раскручивается «по всем направлениям». Сам он много ездит по стране, словно бы никаких проблем со здоровьем нет. Главный результат опроса, проведенного ВЦИОМом по заказу «Итогов» с 26 апреля по 5 мая (публикация — 12 мая): ВПЕРВЫЕ НА ПЕРВОЕ МЕСТО ВЫШЕЛ ЕЛЬЦИН — «сегодня» за него проголосовали бы 28 процентов тех, кто собирается пойти на выборы. За Зюганова — 27 процентов, за Явлинского — 9, за Жириновского и Святослава Федорова — по 7, за Лебедя — 6, за Тулеева — 2, за Горбачева — 1.

11 процентов пока не решили, за кого будут голосовать.

В выборах намерены принять участие 73 процента опрошенных.

Схожие результаты получил РОМИР (опрос был проведен 4–5 мая, также по заказу «Итогов»):

Ельцин — 29 процентов, Зюганов — 25, Явлинский — 8, Жириновский и Лебедь — по 6, Святослав Федоров — 4, Горбачев и Тулеев — по одному.

18 процентов собирающихся участвовать в выборах пока не решили, за кого будут голосовать. Вот за эти-то 11–18 процентов (по данным ВЦИОМа — 11) и предстоит бороться кандидатам.

По опросам, ЕЛЬЦИН ВЫХОДИТ ВПЕРЕД И ВО ВТОРОМ ТУРЕ. Согласно РОМИРу, он побеждает Зюганова с соотношением голосов 41: 33. По данным ВЦИОМа, это соотношение — 37: 31 в пользу Ельцина.

* * *

Очередной опрос по заказу «Итогов» ВЦИОМ провел 21–22 мая. Его результаты были опубликованы 26 мая. На вопрос «За кого из кандидатов вы проголосуете на выборах президента 16 июня?» 33 процента намеревающихся прийти к избирательным урнам ответили — за Ельцина, 26 — за Зюганова, 9 — за Явлинского, 7 — за Жириновского и Лебедя, 4 — за Святослава Федорова, по одному проценту — за Горбачева, Тулеева и

Шаккума.

В выборах собираются участвовать 73 процента опрошенных.

Результаты опроса, проведенного 18–19 мая РОМИ-Ром: Ельцин — 31 процент, Зюганов — 27, Явлинский — 7, Жириновский и Святослав Федоров — по 5, Лебедь — 4, Горбачев и Тулеев — по одному проценту.

17 процентов, согласно РОМИРу, хоть и собираются участвовать в выборах, но пока не решили, за кого голосовать.

В телепрограмме «Итоги» оглашены также данные, которые получены Франкфуртским институтом социальных исследований. Согласно этим данным, Ельцин наберет в первом туре 34 процента голосов, Зюганов — 30.

Данные, касающиеся второго тура: РОМИР — 43:32 (с таким перевесом Ельцин выигрывает у Зюганова), ВЦИОМ — 50:37 в пользу Ельцина.

Как видим, электорат Ельцина продолжает расти. Директор ВЦИОМа Юрий Левада отмечает, что это происходит за счет противников Зюганова и вообще тех, кто не приемлет коммунистов. В последнем опросе социологов выяснилось, что из числа собирающихся голосовать за Ельцина во втором туре чуть более половины (53 процента) поступят так, потому что они его поддерживают, а 42 — потому что не хотят видеть президентом Зюганова.

* * *

Итак, Ельцин впереди. Хоть и ненамного. Эту лидирующую позицию он сохраняет уже месяц. Отпали все разговоры. что его рейтинг безнадежно низок. Ясно, что он выходит вместе с Зюгановым во второй тур. Займет ли он в первом туре первое или второе место, не так уж важно. Важно лишь с символической точки зрения. И еще психологически важно: если он окажется впереди, это прибавит вдохновения и ему самому, и его сторонникам…

Непосредственно перед выборами опросы проводятся все чаще. Публикация 9 июня, до выборов — неделя. Результаты опроса, проведенного ВЦИОМом по заказу «Итогов» с 31 мая по 5 июня: Ельцин —37 процентов так называемых активных избирателей, то есть тех, кто решил участвовать в выборах, Зюганов — 26 процентов, Лебедь и Явлинский — по 7, Жириновский — 5, Святослав Федоров — 3, Горбачев и Тулеев — по одному проценту, Брынцалов, Власов, Шаккум — ноль.

В выборах собираются принять участие 76 процентов

опрошенных.

Данные РОМИРа (опрос проводился 2–3 июня) почти такие же: Ельцин — 35 процентов, Зюганов — 23, Лебедь и Явлинский — по 7, Жириновский — 4, Святослав Федоров — 2, Тулеев — 1, Брынцалов, Горбачев, Власов, Шаккум — 0.

В выборах, согласно РОМИРу, будут участвовать 87 процентов опрошенных.

17 процентов пока не решили, за кого будут голосовать.

Во втором туре верх одерживает Ельцин: согласно РОМИРу — 49:31, согласно ВЦИОМу — 52:36.

* * *

Наконец публикация 12 нюня. 5 — 11 нюня ВЦИОМ по заказу НТВ провел последний перед выборами опрос на тему «За кого из кандидатов вы проголосуете на выборах президента 16 нюня?». Голоса распределились так: Ельцин — 36 процентов из числа тех, кто решил участвовать в выборах (таких — 8о процентов), Зюганов — 24 процента. Лебедь — ю, Явлинский — 8, Жириновский — 6, Святослав Федоров — 3, Тулеев — 1, Брынцалов, Власов, Горбачев, Шаккум — 0.

9 процентов еще не решили, за кого будут голосовать.

Исходя из некоторых своих соображений, — в чью сторону в конце концов склонятся колеблющиеся, — сотрудники ВЦИОМа прогнозируют, что Ельцин в первом туре наберет 36 процентов голосов (плюс-минус 2), Зюганов — 29 (опять-таки плюс-минус 2).

Как отметил директор ВЦИОМа Юрий Левада, электорат Зюганова определился почти сразу — уже в январе-феврале — и все последующие месяцы оставался примерно на одном уровне. Что касается Ельцина, его рейтинг постоянно рос — с 8 процентов в январе до 37 процентов в начале июня. Как полагают социологи, в значительной мере это связано с тем, что в марте за него решили проголосовать те, кто собирался отдать свои голоса Черномырдину и Гайдару, отказавшимся баллотироваться, а в мае — кто надеялся на появление «третьей силы» во главе с Явлинским, так и не сложившейся.

Как и в предыдущих опросах, почти такую же картину, как ВЦИОМ, дает РОМИР (опрос проводился 8 — 10 июня): Ельцин — 34 процента, Зюганов — 23, Лебедь — 8, Явлинский — 7, Жириновский — 5, Святослав Федоров — 2, Горбачев, Власов, Шаккум — по одному проценту, Брынцалов — ноль.

Согласно РОМИРу, в выборах собираются участвовать 85 процентов опрошенных. 18 процентов участников опроса пока не

решили, кому отдадут предпочтение. По мнению сотрудников ВЦИОМа, до 5 процентов опрошенных, затруднившихся с ответом, могут склониться к голосованию за Зюганова, так что в итоге он может набрать в первом туре до 28 процентов голосов.

Во втором туре, по данным РОМИРа, Ельцин может выиграть у Зюганова с раскладом голосов 46:30, по данным ВЦИОМа — 53:36.

По мнению директора Института социологии парламентаризма Нугзара Бетанели, Ельцин получит в первом туре 40 процентов голосов, Зюганов — 31, Явлинский — 11, Лебедь — 9, Жириновский — 5, Святослав Федоров — 3. Остальные претенденты не наберут и одного процента.

Служба «Vox Populi» опубликовала так называемый «экспертный прогноз», составленный по итогам опроса политиков, руководителей властных структур, главных редакторов СМИ. Согласно этому опросу, Ельцин и Зюганов могут набрать примерно равное число голосов — в пределах от 25 до 35 процентов, Жириновский и Явлинский — от 5 до 15, Лебедь может получить 5–7 процентов, Федоров — 3, Горбачев — 1,5.

Как считает Бетанели, в промежутке между первым и вторым будут иметь место «жесткая борьба и удивительное сочетание коалиций».

ПЕРВЫЙ ТУР ВЫБОРОВ. НЕ СЛИШКОМ НАДЕЖНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО ЕЛЬЦИНА

Президент — впереди

Как мы видели, по последнему перед выборами опросу ВЦИОМа, за Ельцина 16 июня собирались проголосовать 36 процентов опрошенных, за Зюганова — 24. Разрыв довольно внушительный. В самом ельцинском штабе в него не очень верили. По словам помощника президента Георгия Сатарова, исходили из более скромного прогноза: действующий президент в первом туре получит 35 процентов, вождь коммунистов — 30.

В действительности разница в голосах с самого начала наметилась еще меньшая. По данным Центризбиркома, на половину первого ночи 17 июня у Ельцина было 34,4, у Зюганова — 31,38 процента.

Этот наметившийся с самого начала разрыв — примерно в три процента — сохранялся и в дальнейшем, то несколько сокращаясь, то вновь увеличиваясь. Три часа утра: Ельцин — 34,35, Зюганов — 31,97. Пять утра: Ельцин — 34,69, Зюганов — 31,92. Семь утра: Ельцин — 34,27, Зюганов — 32,45. Восемь утра: Ельцин — 34,3, Зюганов — 32,5. Десять утра: Ельцин — 35,02, Зюганов — 31,53. Двенадцать дня: Ельцин — 34,8, Зюганов — 32,31. Шесть вечера (представлены данные по 88 субъектам Федерации из 89): Ельцин — 34,82, Зюганов — 32,13.

На 11 утра 18 июня разрыв между двумя главными конкурентами снова несколько увеличился: Ельцин — 35 процентов, Зюганов — 31,96.

Вечером Центризбирком опубликовал предварительные результаты первого тура: Ельцин — 35,06 процента голосов, Зюганов — 31,96.

Окончательные итоги были объявлены 20 июня. У Ельцина — 35,28 процента, у Зюганова — 32,03. В общем-то, разница пустяковая. Почти полное равенство. Но все-таки. Ельцин впереди. Для его сторонников это важно.

Три следующих места распределились так: Лебедь — 14,52 (довольно неожиданно для многих), Явлинский — 7,34, Жириновский — 5,7. Из прочих кандидатов — Святослав Федоров, Горбачев, Шаккум, Власов, Брынцалов — ни один не набрал более процента.

Всего в выборах приняли участие 69,81 процента избирателей, внесенных в списки. Процент довольно высокий.

Особенно это важно для сторонников Ельцина: считается, что именно высокая явка может обеспечить ему победу: такая явка достигается за счет молодежи, а она в основном за действующего президента.

Были ли они честными?

Были ли выборы честными? Это центральный вопрос. Сегодня, спустя годы, людям старательно вдалбливается, что итоги голосования были фальсифицированы в пользу Ельцина: дескать, при таком низком, почти нулевом, рейтинге, да к тому же будучи разбитым болезнью, он никак не мог победить. Те, кто это утверждает, надеются, что никто уже не помнит: низкий, околонулевой, рейтинг у Ельцина был лишь в начале избирательной кампании, в дальнейшем он мало-помалу поднимался и уже к первому туру догнал и превзошел рейтинг Зюганова.

Конечно, нарушения в первом туре были. Без них не обходятся ни одни выборы. Но были они с обеих сторон. Во всяком случае, каждая из противоборствующих команд обвиняла в них другую.

Уже днем 16 июня заместитель думской фракции проправительственного «Нашего дома — России» Владимир Рыжков заявил на брифинге: хотя в основном выборы идут нормально и говорить о массовых фальсификациях нет никаких оснований, тем не менее, нарушений довольно много, причем по большей части — со стороны приверженцев КПРФ. Самые типичные: в день выборов ведется открытая агитация за Зюганова; многие избиркомы состоят в основном из коммунистов (по некоторым данным, они и их единомышленники контролируют 60 процентов избирательных участков), даже зюгановские избирательные штабы подчас располагаются в кабинетах членов избирательных комиссий; наблюдатели от КПРФ нередко заполняют бюллетени от имени тех, кто не пришел на выборы, в то время как наблюдатели от Бориса Ельцина на избирательные участки просто не допускаются; на некоторых участках обнаружены изготовленные на ксероксе и заверенные печатями и подписями членов избиркома бюллетени с проставленной галочкой «за Зюганова»…

Со своей стороны, и коммунисты не скупились на обвинения. Один из лидеров КПРФ, председатель думского Комитета по безопасности Виктор Илюхин заявил в интервью «Эху Москвы»: дескать, из регионов поступают сведения о «попытках» фальсификации в пользу Ельцина; так, в Ростовской области на

некоторых избирательных участках «пытались» бросать в урны целые пачки бюллетеней «за Ельцина», а бюллетени, поданные за других кандидатов, напротив, изымались.

Впрочем, главное, о чем, по мнению Илюхина, надо говорить, — еще до голосования претенденты на президентский пост были поставлены в неравные условия: «60 процентов телевизионного времени, 60 процентов на радио были отданы в пользу Ельцина. Вся исполнительная вертикаль власти, по сути, была включена в избирательную кампанию. Многие штабы по переизбранию Ельцина возглавлялись главами администраций краев, областей, руководителями республик. На места спускались директивы и указания, как голосовать, как вести агитационную кампанию. Шло откровенное злоупотребление служебным положением в интересах именно Ельцина».

И еще. Как сказал Илюхин, «надо ставить перед Центризбиркомом вопрос о сокращении числа голосов, поданных за Ельцина, так как в Вооруженные Силы РФ и МВД шли непрямые указания и распоряжения голосовать именно за Ельцина».

В общем-то, это было похоже на правду. Так называемым административным ресурсом ельцинская сторона пользовалась на полную катушку. Хотя в «красном поясе» то же самое делали и коммунисты (а «пояс» этот простирался ни много ни мало едва ли не на полстраны; забегая вперед, скажу, что Зюганов одержал победу в 42 регионах страны из 88 — Чечню в расчет брать не будем). Что касается армии, МВД, других силовых структур, им никаких особенных директив от Зюганова и не требовалось: коммунистических приверженцев в них всегда было предостаточно.

Илюхину, на том же радио, ответил Константин Боровой. По его словам, «данные, которые начали поступать из регионов, где победу одержал Геннадий Зюганов (таковых, еще раз скажу, в конечном счете оказалось 42 из 88. — **О. М.**), позволяют предположить, что там имела место массовая фальсификация»: прямо перед выборами из избирательных комиссий были удалены многие люди с «нормальными» политическими взглядами или аполитичные, и во многие комиссии введены сторонники коммунистов; в результате эти комиссии «дают очень высокий процент голосов, поданный за Зюганова, — до 80 процентов»; такой аномально высокий процент явно свидетельствует о фальсификации.

Любопытное свидетельство того, как в некоторых местах удавалась предотвращать фальсификацию, планируемую коммунистами, приводят бывшие помощники президента в книге

«Эпоха Ельцина»:

«Еще до первого тура группа аналитиков во главе с Л. Смирнягиным вычислила, в каких районах можно ожидать наибольшее число нарушений в пользу КПРФ. Оказалось, что это, в первую очередь, сельская местность так называемого „красного пояса“. Чтобы не дать противнику воспользоваться привычными приемами „заполучения“ там голосов, была задумана и реализована операция „Молодежный десант“. В ночь перед первым туром из центра Москвы отправилась колонна автобусов со студентами московских вузов в качестве общественных наблюдателей… Маршруты молодежных бригад пролегали по глухим дорогам центральных областей, где в сельских участках привыкли набивать урны лишними бюллетенями, объяснять старушкам, где надо ставить галочки, и делать многое другое, что позволяло затем гордо отчитываться перед вышестоящей партийной организацией. Подобные колонны выезжали и из некоторых областных центров. Акция оказалась успешной, и во время второго тура ее размах был удвоен».

Всего за время предвыборной кампании в Генпрокуратуру поступило свыше 130 сигналов о различных нарушениях (не все из них, конечно, подтвердились). Непосредственно 16 июня специально созданная Генпрокуратурой рабочая группа зафиксировала 20 нарушений. При этом, однако, прокурорские работники уверяли, что массовой фальсификации не было.

Тем не менее, по трем грубым нарушениям (одно в Ростовской области, два — в Москве) были заведены уголовные дела.

Коммунисты оспорили в Верховном суде результаты первого тура выборов в Татарии. По их утверждению, в пяти районах Казани их наблюдатели обнаружили несоответствия в протоколах избиркомов, так что Ельцину будто бы приписали более 45 тысяч лишних голосов, а у Зюганова отняли более девяти тысяч (потери понесли также Лебедь, Явлинский, Жириновский). Представители КПРФ потребовали внести изменения в официальные результаты первого тура.

Никаких последствий этот иск не имел. Впрочем, если бы даже суд удовлетворил его, это лишь в малой степени повлияло бы на общий исход голосования.

Один из признаков того, что серьезных фальсификаций в первом туре не было, — обнаружившаяся после голосования достаточная точность предшествовавших ему прогнозов. Близкими к итоговым результатам первого тура оказались многие из них. Наиболее точным было признано предсказание Центра стратегического анализа и прогноза Дмитрия Ольшанского: он

прогнозировал, что Ельцин получит 36 процентов голосов, Зюганов — 33. Напомню: в реальности у первого оказалось 35,28, у второго — 32,03. Как видим, по крайней мере, разница между голосами соперников угадана почти идеально — те самые три процента. Как в аптеке. Если результаты подтасовываются, такого не бывает.

Ельцин недоволен

Президентская команда, естественно, могла быть довольна итогами первого тура. Все понимали: при тех обстоятельствах, которые сложились к моменту выборов, на большее рассчитывать было трудно. Однако сам Ельцин демонстрировал недовольство. Он и раньше, к удивлению окружающих, невзирая на все рейтинги, безапелляционно утверждал, что выиграет выборы уже в первом туре, а теперь, соответственно, сокрушался — он, дескать, не удовлетворен его итогами: блиц-крига не получилось. Об этом он начал говорить уже утром 17-го на совещании с членами аналитической группы своего избирательного штаба, возглавляемой Чубайсом. Тем, кто оценивал ситуацию более трезво, оставалось лишь пожимать плечами.

В этот же день, не дожидаясь окончательных результатов голосования, президент выступил с телеобращением по итогам первого тура. Он призвал сторонников Лебедя, Явлинского и Святослава Федорова объединиться с его, Ельцина, избирателями. По словам президента, после первого тура «выбор предельно ясен»: «либо назад — к революциям и потрясениям, либо вперед — к стабильности и благополучию».

В штабе Ельцина были уверены: при явке порядка 70 процентов у Зюганова во втором туре нет шансов на победу. И напротив, по расчетам Вячеслава Никонова, при явке ниже 60 процентов возникает вполне осязаемая вероятность победы коммунистов.

Между тем, мы видели, как раз та самая достаточно высокая явка, почти такая — 69,81 процента — уже была достигнута в первом туре, но при этом победа Ельцина оказалась не так чтобы уж слишком убедительной. Ко второму туру требовалось приготовить что-то еще, помимо семидесятипроцентной явки…

Что касается коммунистов, их отношения к результатам первого тура, — они тоже, как и окружение Ельцина (исключая его самого), вроде бы были довольны, не особенно шумели по поводу «сфальсифицированных» выборов. Их протесты против «подтасовок» носили в основном ритуальный характер, обычный для поведения проигравшей стороны. Уже 17 июня в конце дня,

выступая на пресс-конференции в московской мэрии, Зюганов «выразил удовлетворение» итогами выборов (в тот момент — предварительными, но в дальнейшем они мало изменились). В целом, сказал он, выборы прошли «нормально», хотя «есть некоторые факты, свидетельствующие о попытках фальсификации на некоторых избирательных участках». Народно-патриотический блок, по словам Зюганова, получил в первом туре «солидную» поддержку (словечко «солидный» — вообще одно из любимых зюгановских словечек; он и сам во всех своих действиях всегда старается выглядеть жутко солидным, в отличие от какого-нибудь суетливо-крикливого Анпилова). По оценке коммунистического лидера, «красный пояс» «расширился и укрепился», коммунисты имеют неплохие перспективы во втором туре, так что в ближайшие дни он, Зюганов, уже собирается обсудить с соратниками «персональный состав» будущего «правительства народного доверия». Оратор сообщил, что намерен также встретиться со всеми кандидатами в президенты, «набравшими более одного процента голосов избирателей».

В специальном обращении — оно было распространено среди журналистов — Зюганов официально призвал Александра Лебедя и Святослава Федорова «объединить свои усилия с блоком народно-патриотических сил перед вторым туром президентских выборов». «Мы должны понять и простить друг друга, вступить в диалог», — говорилось в обращении.

Понять и простить… Этакая трогательная христианская формула. При этом Явлинский и Жириновский, набравшие больше одного процента, почему-то остались за пределами зюгановского внимания. Зато этого внимания удостоился Святослав Федоров, не преодолевший, как известно, однопроцентного барьера.

По-настоящему же Зюганова интересовал, конечно, лишь генерал Лебедь. Переметнись он к коммунистам, шансы их лидера на президентство сразу сделались бы более чем реальными. Так и представляешь генерала-десантника, которого в разные стороны, каждый к себе, тянут два главных претендента на президентский трон.

… Перелом в настроении Зюганова и в его оценке первого тура произошел 20 июня — в связи с событиями, о которых речь впереди.

Выборы в Чечне

В Чечне 16 июня состоялись не только выборы президента, но и местного парламента. Впрочем, слово «состоялись» следует

сопроводить большим жирным знаком вопроса.

По официальным данным, представленным республиканской избирательной комиссией, в парламентских выборах приняло участие 58 процентов избирателей, в президентских — 60. Все вроде бы чинно и благородно. Однако российские и зарубежные журналисты, находившиеся 16 июня в Чечне (тогда еще туда журналистов пускали), дружно свидетельствовали: население фактически бойкотировало выборы. Об этом, в частности, рассказали корреспонденты «Московских новостей» и телепрограммы «Взгляд», посетившие Самашки, Серноводск, Чери-Юрт, Курчалой, Бачи-Юрт, Ачхой-Мартан, Новогрозненский.

Это же подтвердило и руководство чеченской оппозиции. В заявлении, которое оно распространило 18 июня, говорилось, что «население полностью проигнорировало фарс с выборами 16 июня».

Весьма резко отозвался о выборах в Чечне Постоянный совет Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, заявив, что они не были «свободными и справедливыми» и «не соответствовали принципам ОБСЕ».

В общем-то, выборный спектакль, устроенный про-московским правительством Доку Завгаева, был вопиющим отступлением от линии мирных переговоров, которой, как мы знаем, в предвыборные недели вроде бы стал придерживаться Ельцин. На это в заявлении Постоянного совета ОБСЕ обращалось особое внимание: выборы «противоречат духу протокола по прекращению огня и урегулированию вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики, подписанного 10 июня в Назрани (Ингушетия)» (переговоры на уровне экспертов в Назрани были продолжением московских переговоров между Ельциным и Яндарбиевым). Напоминалось, что, согласно упомянутому протоколу, стороны договорились «о необходимости провести местные выборы после вывода федеральных войск и демилитаризации Чеченской Республики».

В общем, всякого, кто пытался вникнуть в смысл происходящего, начинало одолевать сомнение: действительно ли Ельцин всерьез желает добиться мира в Чечне, не представляют ли собой все его разговоры о нем обычный предвыборный трюк?

ГЕНЕРАЛ ИДЕТ НА ПОМОЩЬ ПРЕЗИДЕНТУ

Лебедь обещает «сделать всем хорошо»

Как мы видели, на третье место в первом туре, набрав 14 с половиной процентов голосов, вышел генерал Лебедь. С одной стороны, вышел довольно неожиданно: такого высокого общероссийского рейтинга у него никогда не было. С другой — возможность подобного генеральского рывка многие интуитивно ожидали: было в десантнике нечто притягательное — недаром же в декабре на думских выборах он с блеском победил в тульском одномандатном округе, набрав около 43 процентов голосов и опередив десяток соперников, в том числе местного мэра (это при том, что Конгресс русских общин, — а Лебедь шел в Думу еще и по общефедеральному списку этой организации, — не преодолел пятипроцентного барьера). Популярность генерала росла. Потому и тянули его к себе на разрыв разнообразные политические силы.

Вряд ли, однако, Лебедь самостоятельно получил бы столь высокий процент. С определенного момента — по-видимому, с того самого, когда генерал согласился в той или иной форме союзничать с президентом (а соответствующие переговоры с Явлинским, напротив, провалились), — Кремль стал оказывать Лебедю мощную финансовую, информационную, административную поддержку. Собственно говоря, бывшие помощники президента в книге «Эпоха Ельцина» прямо об этом пишут:

«Тогда (после провала переговоров с Явлинским. — О. М.) основное внимание было переключено на Лебедя. Здесь все выглядело гораздо проще. И сразу после согласия генерала ему на подмогу были брошены серьезные организационные и информационные ресурсы. Это не замедлило сказаться на росте рейтинга генерала и позволило Лебедю занять третье место в первом туре с результатом, на который он вряд ли рассчитывал».

Кандидатом в президенты Лебедя выдвинул тот самый Конгресс русских общин. Произошло это 11 января. В интервью «Интерфаксу», которое генерал дал по этому поводу 15-го числа, он изложил наметки своей президентской программы.

Главным в этой программе было — «навести порядок». Порядок, порядок и порядок! В той обстановке разброда и безвластия это подкупало многих. Порядок, естественно, предполагалось навести при помощи государства: «В драматические периоды нашей истории государство объединяло

силы общества для выхода из кризиса». Но как это сделать, если государство разъедено коррупцией, в основном, по словам самого Лебедя, «обслуживает интересы чиновничества» и вообще находится «на грани краха»? Генерал уверен, что ему удастся найти некий «ясный и вразумительный способ востребования ответственности за последствия каждого шага» «на всех этапах строительства новой экономики». Чиновника, берущего взятки, он предлагает считать «государственным преступником», «ибо именно он расшатывает основы общества».

Больше всего к порядку «приучены» люди в погонах, поэтому им, как считает Лебедь, должна быть отведена особая роль в управлении страной: «Сейчас надо спасать Родину, а это священная обязанность военных».

При этом, однако, из вполне понятных соображений генерал обкладывает пуфиками неизменно связываемый с его именем тезис о необходимости «жесткой руки»: «Жесткая рука» сегодня нужна России. Но это, в моем понимании, не означает руку зубодробительную. Это умная, властная, распорядительная рука, где-то даже добрая».

В дальнейшем ему еще не раз придется обращаться к этой теме, разъяснять, как он относится к Пиночету и другим подобным персонажам.

В то, что генерал сумеет ужесточить борьбу с преступностью, взяточничеством, — по крайней мере, попытается это сделать, — верилось довольно легко. Хуже обстояло дело с лебедевскими уверениями, будто он способен построить какую-то «новую экономику». Экономические воззрения генерала представляли собой tabula rasa, чистый лист, на котором писали Сергей Глазьев и другие подобные деятели.

Лебедь, — разумеется, с подачи Глазьева — сразу же заявил, что он «резко отрицательно» относится к «жесткой финансовой политике» правительства Черномырдина: дескать, именно из-за этой политики, которая «пошла еще от Бориса Федорова» (на самом деле, как всем хорошо известно, она составляла основу гайдаровских реформ), людям по несколько месяцев не платят зарплату.

Конечно, предвыборные словеса в защиту «нищих российских граждан» — дело вполне обычное и понятное, однако не худо было бы при этом называть истинные, а не придуманные (кем-то подсказанные) причины невыплаты зарплат. Таковыми была все та же коррупция и некомпетентность чиновников разного уровня, директоров предприятий, прочих управленцев (по-новомодному — менеджеров).

Вроде бы к тому времени уже стало избитым местом ругать

приватизацию, однако Лебедь не избегает и этого соблазна — тоже обрушивается на нее. «Приватизация не была одобрена ни разогнанным Верховным

Советом, ни ушедшей Государственной думой, — уверяет генерал. — Она проводилась в жизнь под нажимом Черномырдина и Чубайса, указами президента и постановлениями правительства».

Казалось бы, так ли уж трудно заглянуть хотя бы в подшивки газет соответствующего времени и убедиться, что приватизация, да и вообще реформы начала девяностых осуществлялись с полного благословения Съезда народных депутатов и Верховного Совета, на основе принятых ими законов и прочих юридических документов, а не «под нажимом Черномырдина и Чубайса»?

Впрочем, как и положено в предвыборную пору, Лебедь успокаивает: если он станет президентом, «не будет ни глобального передела собственности, ни безумной национализации. Россия устала от революций, перестроек и переделов». Вообще всем будет хорошо: «В экономической сфере мы стоим за опору на собственные силы (ну, чем не корейское чучхе? — **О. М.**), защиту интересов отечественных трудящихся и товаропроизводителей, за оживление всего нашего научно-технического потенциала с учетом собственных традиций и с использованием собственных конкурентных преимуществ. Мы намерены пресечь политику обесценивания текущих доходов и сбережений граждан, на которых сегодня лежит основное бремя инфляции…»

Вполне в духе «государственничества» и «патриотизма» Лебедь отрицает частную собственность на землю: «Земля — последнее, что у нас осталось дорогого. Если ее сейчас бросить на продажу, то через полгода-год появятся громаднейшие латифундии, а мы останемся ни с чем…»

Вполне коммунистический подход. Наверное, этот и другие подобные лебедевские тезисы и давали коммунистам надежду, что в конце концов, несмотря ни на что, им-таки удастся привлечь генерала к сотрудничеству и союзничеству.

«Чеченская гангрена должна быть прооперирована»

Особое место в программе Лебедя, естественно, занимает проблема Чечни. Здесь он чувствует себя гораздо увереннее, чем в сфере экономики, особо не нуждается ни в чьих подсказках: как-никак прошел Афганистан, Приднестровье. Впрочем, признает, что не чужд колебаний в этом вопросе:

«Я до недавнего времени говорил, что надо из Чечни вывести

войска и решать проблему политическими и экономическими методами. Сейчас я считаю, что заблуждался. Заблуждение базировалось на том, что чеченцы — это воины и мужчины. После того как они начали воевать с женщинами и грудными младенцами (по-видимому, имеются в виду Буденновск, Кизляр, Первомайское. — **О. М.**), мнение, естественно, изменилось. Гангрена должна быть прооперирована».

Уже через три недели (выше, напомню, цитировались генеральские тезисы, высказанные им 15 января) Лебедь вновь изменил свое мнение о путях решения чеченской проблемы, вернулся к прежним своим взглядам, от которых вроде бы отрекся. В интервью «Итогам» 4 февраля он заявил: «Это проблема, прежде всего, экономическая, потом — политическая, а уже потом — военная. Ключи от решения проблемы лежат здесь, в Москве». По мнению генерала (впрочем, тогда оно вообще было весьма распространенным), война идет из-за нефти — «там просто бьются вокруг нефтепровода через Чечню, в обход Чечни…». Не случайно, мол, всплыли «эти два населенных пункта — Буденновск и Кизляр»: «это как раз по маршруту» — намечаемому маршруту нефтепровода. Так что военная операция в Чечне — дело ненужное.

Еще одно подтверждение того, что на Северном Кавказе все решается, как уверен Лебедь, не военным путем, а какими-то тайными закулисными соглашениями, — странности операции в Первомайском: «Ну как можно было прорвать тройную блокаду (имеется в виду тройное оцепление села, занятого боевиками, которое организовали федеральные силы. — **О. М.**), и не просто ее прорвать, а уйти, уведя с собой более шестидесяти заложников? Значит, здесь что-то другое. Значит, был оставлен коридор. Кто его оставил, почему его оставил, по договоренности с кем? Тут интересные вопросы». На вопрос ведущего, знает ли он, Лебедь, ответы на них, генерал ответил уклончиво: «Отчасти». Поделиться же своим знанием отказался.

Чечня неизменно присутствовала в планах Лебедя. Проблему этой северокавказской республики он обещал решить окончательно и бесповоротно. Впрочем, как и большинство других ключевых проблем. Подчас эти его обещания звучали достаточно комично: «Война в Чечне — прекращу, преступность — уберу, социализм восстановить — восстановлю, капитализм построить — построим…»

Лебедь — преемник Ельцина?

Во время своей избирательной кампании Лебедь, естественно,

как и положено кандидату-конкуренту, не стеснялся критиковать Ельцина. По его словам, Ельцин уже не сделает для России больше, чем смог сделать. Теперь президент «должен поставить красивую точку в своей политической карьере».

Однако по мере того как становилось ясно, что Борис Николаевич свою карьеру заканчивать не собирается, а, напротив, обретает все больше шансов продолжить ее, тон генеральских высказываний о президенте начал меняться, становиться более благосклонным по отношению к главе государства. Тем паче, что и сам Ельцин принялся подавать ему некие знаки, как бы в желании привлечь генерала на свою сторону.

14 июня, выступая во время своей избирательной кампании в Екатеринбурге, завершая эту кампанию, президент произнес загадочную фразу — заявил, что знает имя своего преемника, человека, который станет хозяином Кремля в 2000 году. Естественно, сразу же пошли толки и догадки, кто бы это мог быть. Большинство быстро склонилось к одной фигуре — генерала Лебедя. В обоснование такой версии на все лады расписывались замечательные качества бывшего приднестровского командарма — прямота, честность, твердость… Все то, что притягивает людей, истосковавшихся по порядку.

Впрочем, многие хоть и соглашались, что президент подразумевал под своим преемником именно Лебедя, не склонны были чересчур серьезно относиться к самому слову «преемник»: подозревали, что Ельцин просто хочет привлечь в союзники политика, который скорее всего — это уже видно — наберет в первом туре достаточно много голосов, окажется на четвертом, а может быть, и на третьем месте. Если во втором туре образуется связка Ельцин — Лебедь, она вполне может перевесить другую вполне вероятную связку — Зюганов — Жириновский.

Версию о том, что своим преемником действующий президент числит именно его, охотно подхватил и сам Лебедь. Опуская бюллетень в урну 16-го числа, он так прокомментировал екатеринбургский пассаж Ельцина о престолонаследнике: «Я имею сильное подозрение, что это я».

Стоит также отметить еще два любопытных заявления, сделанных генералом там же. Первое — насчет возможной фальсификации выборов: «Мы — страна неустоявшейся демократии, у нас фальсификация неизбежна. Она будет, но маленькая, цивилизованная — четыре процента».

Второе заявление — опять насчет «жесткой руки», насчет Пиночета (этот крест в те дни Лебедю постоянно приходилось тащить). Генерал в очередной раз отверг аналогию между ним и бывшим чилийским диктатором, как и вообще возможность

установления в стране жесткого режима на манер пиночетовского: «Россия все свои жесткие режимы пережила и очень дорого за это заплатила. Никаких жестких режимов — только человеческий». По словам Лебедя, чтобы установить порядок в стране, необходимо, чтобы «государство забрало у бандитов и чиновников зря отданные им функции». «Построить рай невозможно, но не допустить ада — следует обязательно».

Как всегда, генерал сыпал неотразимыми афоризмами.

По мере того, как становилось ясно, что в первом туре Лебедь действительно выйдет на третье место, слова Ельцина о преемнике (имея в виду генерала) представлялись все менее фантастичными, все более вытекающими из трезвой оценки реальности. Уже вечером 16-го, когда выборы еще продолжались, один из ведущих сотрудников аналитической группы Чубайса политолог Вячеслав Никонов заявил корреспонденту ИТАР-ТАСС: «Третье место в ходе сегодняшнего голосования действительно станет серьезной заявкой на президентство в 2000 году… Если его займет Александр Лебедь, это подтвердит намек Бориса Ельцина на то, что он уже знает, кто будет президентом на следующих выборах».

Этой все более проявляющейся ясности насчет того, кто станет третьим, разумеется, соответствовало все более возрастающее уныние в лагере «Яблока» (именно его лидер больше других претендовал на бронзовый приз). В то время как результат Явлинского — «восемь плюс-минус два процента» — был здесь вполне ожидаем, «рывок на выборах Александра Лебедя», как сказал член «яблочной» думской фракции Алексей Захаров, для многих «стал полной неожиданностью».

«Я выбираю новую идею»

Неизбежен ли был союз Лебедя с Ельциным перед вторым туром? Думаю, скорее да, чем нет. Формы этого союза могли быть разные. Но поскольку люди, близко знавшие генерала, отзывались о нем как о человеке принципов, по этим принципам и можно было судить, каков окажется его выбор. Сам Лебедь несколько позже так этот выбор объяснил: «У нас есть две идеи: есть старая, потасканная, изжившая себя, стоившая нам очень большой крови, бесчисленных страданий и жертв, идея; есть новая идея — идея, к сожалению, на сегодняшний день очень скверно реализуемая, но она есть. Можно и нужно сделать так, чтобы мы начали, наконец, жить. Весь земной шар, за малым исключением, живет, а мы почему-то, победители в величайшей из войн, существуем… И вот я выбираю новую идею».

Впрочем, ситуацию с генеральскими принципами вряд ли стоит считать такой уж однозначной. Случись победить Зюганову, он, возможно, и от него не стал бы нос воротить.

Тем не менее, реально после первого тура ситуация, как мы знаем, явно складывалась в пользу Ельцина. О том, что Лебедь войдет в связку с ним, первым, если не ошибаюсь, — уже утром 17 июня — заявил в интервью радиостанции «Эхо Москвы» как раз один из близких Лебедю людей — бывший военный комендант Тирасполя полковник Михаил Бергман: «Александр Лебедь, несомненно, поддержит во втором туре президентских выборов кандидатуру Бориса Ельцина».

Определил Бергман и место Лебедя в команде президента: «Если Борис Николаевич трезво подойдет к этому делу, Лебедь должен заняться преступностью и армией… Ельцин обязан предложить ему сейчас пост во главе силовых структур. Лебедь с этим справится с честью».

Ну и, разумеется, полковник абсолютно уверен в будущем президентстве генерала: «Нет никаких сомнений, что в 2000 году Лебедь станет президентом

России. На его кандидатуру должны поставить все, потому что это — честный, порядочный, принципиальный человек».

Непосредственно в штабе Лебедя после первого тура рассматривали уже более конкретные варианты его союза с Ельциным. Варианты эти, естественно, не афишировались, но по некоторым сведениям (по сведениям «осведомленных источников из окружения Лебедя»), наиболее вероятным считалось назначение генерала первым вице-премьером, курирующим силовые структуры. Второй вариант, менее вероятный (под него требовалось бы внести изменения в Конституцию), — предоставление ему поста вице-президента. В любом случае речь шла о «легитимном введении генерала Лебедя в высшие эшелоны власти».

Соответственно, в лебедевском штабе готовилось несколько обращений к избирателям, проголосовавшим за Лебедя в первом туре, с призывом отдать свои голоса во втором туре за Ельцина.

Встреча Ельцина с Лебедем ожидалась уже 17-го во второй половине дня…

Назначение состоялось

Реально президенту и генералу понадобились две встречи. Первая, как и ожидалось, произошла 17 июня, вторая, короткая (в основном все, видимо, уже было решено на первой и в промежутке между встречами) — утром 18-го.

Конечно, сам факт перехода Лебедя в лагерь Ельцина вовсе не означал, что и все его избиратели — те самые проголосовавшие за него в первом туре 14 с половиной процентов — разом кинутся вслед за ним в этот лагерь. Но ясно было, что какая-то их часть, особенно преданная ему, несомненно, последует за генералом. Социологи строили разные прогнозы. Директор ВЦИОМа Юрий Левада «навскидку» называл «половинную» цифру — 7–8 процентов. Что ж, они тоже, как принято говорить, на дороге не валяются. Так что генерал шел на рандеву с президентом не с пустыми руками.

Можно предположить, что в обмен на свою поддержку — и на голоса готовых последовать за ним избирателей — Лебедь намеревался получить один из тех самых постов, о котором говорили в его штабе. Однако Ельцину вряд ли хотелось назначать генерала первым вице-премьером, курирующим силовые структуры. Учреждать такой пост — значило бы создавать опасный прецедент. Как известно, эти структуры находятся в прямом подчинении самому президенту, передавать их кому-либо другому или хотя бы разделять с кем-то свою власть над ними — такого желания у Ельцина, по-видимому, не было.

Что касается восстановления поста вице-президента — об этом, думаю, Ельцин и вовсе не хотел слышать: слишком свежа еще была память о другом генерале, оказавшемся волею судеб и его, Ельцина, волей на этом посту…

По словам Лебедя, Ельцин предложил ему на выбор либо пост секретаря Совета безопасности, либо — министра обороны. Генерал отказался от обоих постов. В интервью радиостанции «Свобода», которое Лебедь дал в тот же день, 17-го (чем, по-видимому, вызвал немалое недовольство Ельцина и его окружения), он назвал секретарство в СБ «кабинетной работой», а пост главы Минобороны посчитал «должностью с ограниченным кругом полномочий». «Необходимо что-то к чему-то добавить», — сказал Лебедь.

«Добавили» ему два довеска. Во-первых, еще одну должность — помощника президента по национальной безопасности и, во-вторых, — дополнительные полномочия в соответствии с его собственными предложениями. Вроде бы невелика фигура — помощник президента, но в такой комбинации — «помощник по нацбезопасности» — в памяти сразу же всплывала аналогичная должность помощника президента США, действительно весьма важная…

Указ о назначении Лебедя на эти два поста был подписан Ельциным непосредственно во время второй встречи с генералом — 18 июня. На короткой импровизированной пресс-конференции

сразу после нее и президент, и генерал успели сказать много высоких слов, призванных в самом лучшем виде представить перед избирателями их действия и побудить избирателей Лебедя голосовать во втором туре за Ельцина.

Ельцин:

— То, что я подписал указ… по назначению его секретарем СБ и помощником президента по вопросам национальной безопасности — это не просто назначение, а это объединение двух политиков. Это объединение двух программ, то есть как бы его программные действия обогащаются программными действиями президента РФ. Те, кто проголосовал за Александра Ивановича, я считаю, они дали наказ президенту выполнять именно то, что они увидели хорошего в программе Александра Лебедя. Поэтому я должен откорректировать несколько свою программу соответственно и включить туда такие вопросы, как вопросы армии, реформы в армии, вопросы безопасности, вопросы борьбы с преступностью, борьбы с коррупцией и ряд других вопросов. И сам Александр Лебедь, не будучи избранным президентом, на своей новой должности сможет реально влиять на реализацию своей программы.

Лебедь:

— Одиннадцать миллионов человек мне поверили, что я способен навести в стране порядок и обеспечить их безопасность. Я офицер, мне остается выдержать свое слово. Поэтому, придя к финишу третьим, я возлагаю на себя эти многосложные, многотрудные обязанности. Глубоко убежден, что не менее 80 процентов моих избирателей меня поймут правильно и пойдут за мной. Я в этом глубоко убежден.

Среди прочего, выяснилось, что одновременно с назначением Лебедя уволен министр обороны Павел Грачев — как сказал президент, «в соответствии с поданным рапортом».

«Спасти Россию от потрясений!»

Видимо, чувствуя, что у его сторонников все-таки остается какое-то недоумение по поводу его поступка, какие-то вопросы к нему, Лебедь не скупится на объяснения. 18 июня во второй половине дня он устраивает пресс-конференцию, на которой пытается убедить журналистов, — а через них и своих избирателей, — что заключенный им союз с Ельциным — это шаг, который позволит ему выполнить некую важнейшую в данных обстоятельствах миссию, спасти страну от кровавых потрясений.

— Сегодня, сейчас, — говорит он, — необходимо устранить опасность обострения социального и политического

противостояния, способного потенциально перерасти в вооруженный конфликт, необходимо удержать все стороны этого противостояния от желания применить силу, необходимо создать реальный механизм контроля над военной силой… Народ России не должен больше страдать от разборок политиков… Свой выбор я сделал, сделал его окончательно… Я солдат, я навоевался, я профессионально ненавижу войну, я сделаю все для того, чтобы на земле России войны больше не было.

Но в России уже идет война. Естественно, Лебедя спрашивают и о ней — как он собирается покончить с бойней на Северном Кавказе? Генерал уже бессчетное число раз говорил об этом, а потому отсылает спрашивающих к своей предвыборной программе: там-де все четко сказано. Единственное, что добавляет (как всегда, афористично): «Чечня — это язва на теле России». И еще: «Драться хватит. Больше не будем».

(Кстати, здесь стоит сказать, что чеченская оппозиция отнеслась к назначению Лебедя секретарем российского СБ и к тому обстоятельству, что именно ему Ельцин поручил решать чеченскую проблему, можно сказать, с осторожным оптимизмом. Министр печати и информации Ичкерии Мовлади Удугов заявил «Интерфаксу» 19 июня: «Хотя обстановка в республике на сегодняшний день уже не связана с какими-то конкретными политиками, тем не менее руководство оппозиции считает, что новые люди, такие, как Лебедь, которые не были замешаны с самого начала и в дальнейшем в этой войне, имеют больше возможностей для политического маневра с целью ее прекращения».)

Вновь всплывает вопрос о Лебеде как о ельцинском преемнике. Не следует ли воспринимать его нынешнее назначение как «поэтапную передачу власти» от Ельцина к Лебедю? А с другой стороны, — не опасается ли генерал, служа в подручных у Ельцина, испачкать свои «белые одежды» в преддверии собственного будущего президентства? На этот раз в разговоре о своем возможном президентстве Лебедь весьма осторожен: тема для него — теперь уже госчиновника — довольно скользкая. Насчет «белых одежд»… «За белые одежды я никогда не беспокоился, ибо никогда в них не рядился. Многогрешен. Не бывает безгрешных десантных генералов…» А что касается поэтапной передачи власти. «Президент мне об этом не говорил… Я еще раз хочу повторить: я занимаюсь конкретным делом…»

Лебедь разъяснил, какие дополнительные полномочия ему как секретарю СБ «будут предоставлены или уже предоставлены». Они связаны с тем, что сегодня расширяется само понятие «национальная безопасность»: «Кому-то может показаться

странным или даже смешным, но вопросами национальной безопасности сегодня являются такие, например, вопросы, как наша все нарастающая зависимость от импорта продовольствия, как вопрос обострения межрегиональных экономических отношений, усиление бегства капитала за рубеж, вопросы приватизации и даже вопросы компенсации вкладов населения — тоже вопрос национальной безопасности. По стране миллионы обманутых людей…»

Конечно, верхом наивности было полагать, будто формально предоставленные Лебедю «дополнительные полномочия» позволят ему как секретарю СБ вмешиваться буквально во все сферы жизни страны (а говоря строго, понятие «национальная безопасность» действительно распространяется на все ее сферы). И до, и после генерала Совет безопасности был и остается совещательной структурой, полностью подчиненной президенту. Вряд ли кто, кроме Лебедя, когда-либо всерьез собирался менять такой порядок.

Наконец снова — в который уже раз — тема Пиночета. Аналогия между ним и Лебедем уже стала как бы аксиомой: ну кто же не знает, что наш генерал — двойник генерала чилийского (как написал нам в «Литературную газету» один из читателей, мысленно обращаясь к Лебедю: «Приди к нам, русский Пиночет! Сведи всю мафию на нет!»)? Так что один из журналистов со спокойной душой спрашивает генерала: вы, мол, не однажды говорили, что ваш кумир — Пиночет; так вот, не могли бы вы уточнить, что именно вам в нем нравится — форма или содержание: то, что он установил порядок «железной руки» (форма) или что он «в принципе передушил всех коммунистов, чтобы они не мешали ему строить рыночную экономику» (содержание)?

Ответ Лебедя: он будет весьма признателен автору вопроса, если тот предоставит ему хотя бы одно документальное свидетельство, что он, Лебедь, когда-либо говорил что-либо подобное: будто генерал Аугусто Пиночет — его кумир. На самом деле он никогда ничего такого не говорил. «Мне это приписывают».

Коммунисты пытаются перетянуть Лебедя на свою сторону

Конечно, многим бросалось в глаза: назначение Лебедя на достаточно высокий государственный пост произошло слишком поспешно и грубо. Иначе как акт своеобразной покупки его трудно было расценить, что бы там ни говорил генерал в свое

оправдание («Я не продаюсь» и проч.). Некоторые выражали опасение, что в результате такой поспешности произойдет отток части лебедевского электората в противоположную от Ельцина сторону — к Зюганову. Дескать, лучше было бы осуществить ту же операцию непосредственно перед вторым туром.

Между тем торопливость, с какой Ельцин назначил Лебедя секретарем Совета безопасности, объяснялась просто (тут — по крайней мере, во мнении кремлевских политтехнологов — не существовало других вариантов): необходимо было во что бы то ни стало опередить коммунистов, у которых насчет Лебедя имелись свои планы.

Завлекать генерала в свое будущее «правительство народного доверия» Зюганов начал задолго до выборов, не уставал делать соответствующие предложения и заявления вплоть до первого тура. Так, 5 июня, находясь в предвыборной поездке в Новосибирске, лидер КПРФ заявил, что в случае своего избрания президентом хотел бы видеть в своем правительстве политических деятелей, которых принято относить к «третьей силе», в том числе Александра Лебедя (помимо генерала, в состав «третьей силы» входили Григорий Явлинский и Святослав Федоров).

Переход Лебедя в стан Ельцина ничего тут не изменил — Зюганов продолжал домогаться генеральского союзничества, не без оснований рассчитывая на то, что в результате этих домогательств если и не сам генерал, то хотя бы часть его избирателей примкнет не к Ельцину, а к нему, Зюганову.

Вечером 19 июня состоялась полуторачасовая встреча Зюганова с Лебедем. Официально сообщалось, что основной темой разговора была «текущая политическая ситуация», а также «обеспечение безопасности в стране накануне и после второго тура выборов главы государства».

Однако нетрудно было догадаться, что главным на встрече вожака коммунистов и секретаря СБ были не абстрактные вопросы безопасности, а тема несостоявшегося, но все еще возможного союза между Зюгановым и Лебедем. Скорее всего, лидер КПРФ популярно объяснял генералу — новичку в политике, — что, связавшись с Ельциным, тот сделал грубую ошибку, что Ельцин его элементарно «использует» и при первой возможности «кинет».

Можно ли предположить, хотя бы теоретически, что Лебедь при каких-то обстоятельствах мог бы оказаться по другую сторону баррикад? В принципе, думаю, ничего невозможного тут нет. Да, из двух противостоящих «идей» — «старой» и «новой» — генерал выбрал вторую. Он не уставал повторять об этом: «На старых

идеях далеко не уедешь, кончились они. Я признаю право коммунистической идеи на существование, она красивая идея — равенство, братство, счастье. Только почему-то ни в одной стране мира она до сих пор не реализована. Так пусть ее реализуют где-нибудь в другом месте, мы же будем просто жить нормально сегодня, а не в светлом будущем». Вот так. Но если бы обстоятельства повернулись как-то иначе, если бы чаша весов стала склоняться в противоположную сторону, можно вполне допустить: выбор генерала мог бы оказаться другим. Его помощник Владимир Титов прямо сказал об этом: «Лебедь уважает право народа и будет работать с тем президентом, которого изберет народ».

Роль генеральской личности в истории

Все течет, все изменяется. В 1995-м президент Ельцин, фактически с подачи министра обороны Павла Грачева, уволил командующего 14-й армией генерал-лейтенанта Александра Лебедя. И вот год спустя тот же Ельцин, по существу выполняя требование бывшего командарма, отправил в отставку самого министра обороны. Сила силу пересилила. Верх взяла сила народной поддержки, оказанной на выборах опальному генералу.

Вместе с тем, конечно, фигура Лебедя, как принято сейчас говорить, неоднозначная. Вспомнить хотя бы его метания в начале политической карьеры. То метнулся в КРО в объятия к Скокову, то — к «плачущему большевику» Николаю Рыжкову…

А взять его оценки известных событий. И в 1993-м, и позже Лебедь считал, что Ельцин использует «жупел красной угрозы» для укрепления своей личной власти. Вроде бы на самом деле опасности коммунистического реванша и не было, а был один только шантаж избирателя, предвыборные пропагандистские «страшилки». Отсюда же его обвинения в адрес его преемника по Приднестровью генерал-лейтенанта Валерия Евневича, принявшего в 1993 году участие в подавлении октябрьского мятежа в Москве: у него, дескать, «руки по локоть в крови».

С другой стороны, в одной из своих статей Лебедь сам же признал, что «многие обиженные люди, голосующие за коммунистов, ждут реванша, настоящего, не картонного. И если уж КПРФ придет к власти, они потребуют оплаты векселей». Так где же, спрашивается, пропагандистские «страшилки»? Вот вы и сами подтверждаете, что жажда реванша вовсе не выдумана, она вполне реальна, так же, как и перспектива «большой крови» в случае возможной реставрации коммунистов.

Ощущение такое, что только в момент своего назначения

секретарем Совета безопасности Лебедь наконец в полной мере разобрался, что к чему: «У нас есть две идеи: есть старая, потасканная, изжившая себя, стоившая нам очень большой крови, бесчисленных страданий и жертв, идея; есть новая идея — идея, к сожалению, на сегодняшний день очень скверно реализуемая, но она есть. Можно и нужно сделать так, чтобы мы начали, наконец, жить. Весь земной шар, за малым исключением, живет, а мы почему-то, победители в величайшей из войн, существуем… И вот я выбираю новую идею».

Но ведь эта сшибка между новым и старым, между «вперед» и «назад» и составляла главный стержень политических конфликтов в России на протяжении предшествующих десяти лет. Что ж тут было не понять? Сшибка эта была почти равновесная. В октябре 1993-го старое при помощи грубой силы, при помощи оружия едва-едва не опрокинуло противника. То же и теперь, на выборах 1996-го: мобилизовав темные, в значительной степени крестьянские, массы, без сомнения, мухлюя по деревням, по захолустьям с избирательными ящиками (коммунисты контролировали более шестидесяти процентов избирательных участков), старое добилось хоть и проигрышной для себя, но минимальной — в три процента — разницы в голосах. Какие уж тут «страшилки»! Все опять повисло на волоске.

Лебедь считал «полноценным» разогнанный Ельциным Верховный Совет. Накануне выборов 1995 года предсказывал, что президент не допустит избрания нелояльного ему состава Думы — для этого, дескать, прибегнут к искусственной дестабилизации обстановки в стране, введут чрезвычайное положение, выборы будут перенесены. Вообще этот мотив насчет дестабилизации и ЧП, замышляемых будто бы Ельциным, одно время постоянно присутствовал в генеральских речах. То, что ни одного подобного случая так и не произошло, думаю, лучше всего говорило о способности генерала к политическим прогнозам.

По многим вопросам его суждения вообще были крайне примитивны. Так, в одной из публикаций он принялся рассуждать, возможна ли в России социал-демократия. И пришел к заключению, что нет, невозможна, поскольку-де «Россия не Швеция» и «это вообще, извините, не для нашего климата». Социал-демократия почему-то ассоциировалась у Лебедя главным образом… с защитой прав сексуальных меньшинств.

Столь же наивны были и размышления генерала о возможности фашизма в России:

«Сколько бы ни болтали профессиональные антифашисты, в России этой проблемы нет. Есть провокаторы, шпана со свастиками — вот и все. В разном нас, русских, можно винить, но

не в шовинизме. Раз уж у нас самую националистическую партию возглавляет Владимир Вольфович, — то странные мы националисты».

Как говаривал Швейк, осмелюсь доложить, господин генерал: Владимир Вольфович в роли русского шовиниста — это не более чем исторический казус. «Сыном юриста» это идеологическое направление не начинается и не заканчивается. Шовинизм, национализм да и фашизм в России имеют давнюю историю. Бывали долгие периоды, когда шовинизм, антисемитизм, ксенофобия почти официально поддерживались властями, церковью. Смешно все сводить к проделкам шпаны.

В общем, в политике Лебедь плавал. Еще больше, как уже говорилось, плавал в экономике. Присоединившись к КРО, он уверял, что спасение страны возможно только через пробуждение национального самосознания русских. Одно время обещал, что отыщет для России какой-то третий путь — между социализмом и капитализмом. Опять, стало быть, ковылять своим особым, самобытным прешпектом, колобродить по историческим лабиринтам, кочкам и болотам. Одно лишь это обещание способно было вогнать в судороги любого здравомыслящего человека.

Одним словом, Лебедь к тому моменту находился в стадии ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗРЕВАНИЯ. Весь вопрос заключался в том, долго ли оно продлится и каким результатом увенчается.

Пожалуй, наиболее привлекательны были идеи Лебедя, касающиеся наведения порядка в стране, борьбы с преступностью, с коррупцией. Его планы по наступлению на уголовщину были достаточно просты, по-военному прямолинейны и логичны.

«В МВД известны почти все главари оргпреступности, — говорил он. — Это понятно: они не скрываются, уверенные в своей неуязвимости. На этом и погибнут. Я издам президентские указы. которые позволят на основе имеющихся оперативных данных арестовать главарей группировок. Если будет нанесен такой массовый, оглушающий удар одновременно по всей стране, спрут будет поражен в самое сердце. Моя цель — сжать преступность, оторвать ее от бюрократического аппарата и загнать в те ниши, где она существует во всем мире, — в сферу собственно криминального бизнеса. Там с ней надо вести позиционную войну. Но чтобы сбить ее с захваченных стратегических высот, необходим мощный удар. И он будет нанесен».

Не правда ли, и в самом деле просто? Непонятно было одно: почему милицейские министры Ерин, Куликов не додумались до этого? Впрочем, понятно, разумеется: чтобы затеять такое, нужна

была команда, а она почему-то из Кремля не приходила. И потом, начнешь брать авторитетов, много интересного узнаешь о сферах самых высоких. Но это как раз такое знание, в котором для милицейских чинов было бы много печали. Так или иначе, если бы Лебедь и взаправду решился бы на что-то подобное, популярность его в народе возросла бы неслыханно.

Привлекательной казалась и программа Лебедя по Чечне:

«Если действительно большинство чеченского народа на референдуме потребует отделения от России, держать их кнутом и пряником не стану. Не буду вышвыривать триллионы рублей в чеченскую дыру (а фактически в карманы разных гантамировых) и выпрашивать: „Возьмите, только останьтесь“. Тем более не стану лить русскую кровь в борьбе с террористами в Чечне. Россия обойдется без Чечни, если Чечня считает, что обойдется без России. Большинство за отделение — ступайте вон и живите, как умеете. Помощи не ждите».

Кто ж сомневается, за что чеченское большинство? Двести лет или даже больше они, чеченцы, только о том и просят, — чтобы их оставили без российской помощи.

(Два слова о триллионах, вышвыриваемых «в карманы разных гантамировых». Имеется в виду известный тогда, — прежде всего, пожалуй, громкими коррупционными скандалами, — чеченский деятель Бислан Гантамиров, в ту пору мэр Грозного, вице-премьер промосковского правительства Чечни).

Но это президентская программа Лебедя. Вряд ли ему как секретарю СБ позволили бы отпустить Чечню на волю. Тут он, конечно, натолкнулся бы на еще большие железобетонные надолбы, чем при попытке начать всероссийский месячник по отлову уголовных авторитетов.

Как бы то ни было, в моменты смуты, сумятицы, хаоса — а Россия тогда переживала именно такой момент — почти физически ощущается потребность, чтобы вперед выдвинулся, взял игру на себя носитель ярко выраженного, более того — форсированного мужского начала.

Собственно, ничего нового в тогдашнем выдвижении генерала Лебедя на политическую авансцену не было. Недавняя история знает и других генералов, взявших на себя ключевую роль в сходной ситуации. И Хуана Перона, и Пиночета. И, главное, де Голля, чья политическая карьера, пожалуй, наиболее поучительна. В некотором роде это эталон деятельности кадрового военного на высшем государственном посту. Сумевшего благодаря неслыханной концентрации воли, энергии, целеустремленности совершить прорыв из царившего во Франции разброда и раздрая на спокойную воду процветания и

благополучия.

В том разброде и раздрае один Алжир чего стоил. Орешек покрепче Чечни. Хотя бы такое сравнение. Чеченские русские, кто еще не уехал оттуда, готовы были в любой момент уехать — дайте только прибежище, где жить. Французские колонисты в Алжире, в том числе военные, напротив, намертво вцепились в африканскую землю. Казалось, клещами не оторвешь. «Алжир — французский!» Де Голль оторвал. Безжалостно подавил мятеж своих бывших сослуживцев. Заставил откатиться за море, вернуться в метрополию, присмиреть. Отпустил колонию с Богом. Предоставил собственной судьбе. Хотя противники этого шага тоже на все лады дудели о величии Франции, единой и неделимой, которое генерал будто бы попирает и растаптывает. На самом деле де Голль затоптал очаг смуты, грозивший перекинуться на всю страну.

Мировая литература — от незабвенного Вазир-Мухтара до авторов популярных у нас в ту пору телевизионных «Кукол» — не устает потешаться над социально-психологическим типом ограниченного служаки в полковничьих или генеральских погонах, переносящего примитивно-прямолинейные методы гарнизонной службы на непростые гражданские дела. «Упал — отжался!» — вот и вся философия. «Я князь Григорию и вам фельдфебеля в Вольтеры дам!..» Но иногда такой тип — не шаржированный, разумеется, — в самом деле, является почти как мессия.

Наверное, в истории любой страны случаются периоды, когда особенно остро ощущается дефицит воли правителей. Как раз в такой вот момент появление решительного человека и воспринимается как благоволение Неба.

В России, жаждавшей тогда хотя бы элементарного порядка, перспективы деятеля, который этот порядок обещал, — причем не связывал его с коммунистическим дебилизмом, — представлялись совсем неплохими.

Велик ли будет прибыток у Ельцина?

Но это дальние, умозрительные перспективы. Если же вернуться на грешную землю. Какую реальную поддержку мог оказать Александр Лебедь Борису Ельцину во втором туре?

В предвыборных соцопросах опять отличился Нугзар Бетанели: он единственный предсказал Лебедю 15 процентов в первом туре. Сколько из них перетекут теперь к Ельцину? По майским опросам ВЦИОМа, к действующему президенту должны были переметнуться 10 процентов лебедевских избирателей (к

Зюганову — 11). Бетанели считал, что Ельцин может получить в подарок от Лебедя 21 процент (Зюганов — 29).

Но это, повторяю, были майские опросы. В ту пору на дворе была совсем другая ситуация. Теперь, во втором туре, к Ельцину, пожалуй, могли перейти еще 24 процента генеральских избирателей, собиравшихся в мае, если Лебедь сойдет с дистанции, голосовать за Святослава Федорова, и 12 процентов намеревавшихся присоединиться к электорату Явлинского. Итого — 46 процентов, почти половина, что дало бы президенту прибавку в 7–8 процентов голосов, как и предсказывал Юрий Левада.

Впрочем, теперь у приверженцев Лебедя была возможность не просто решать, за кого им голосовать вместо генерала — они могли отдать свой голос за связку «Ельцин — Лебедь».

Поначалу Лебедь обмолвился, что не станет призывать своих сторонников оказать поддержку Ельцину.

После, мы видели, призвал-таки, но туманно и иносказательно: дескать, он надеется, что не менее 80 процентов тех, кто проголосовал за него в первом туре, последуют за ним после его нового назначения.

Короткий век «нерушимых» союзов

А что будет после выборов? Долго ли Лебедь продержится в связке с Кремлем? Во время самой выборной горячки этот вопрос отодвинулся на задний план. Но все же о нем нельзя было не думать.

Вообще-то, было не очень понятно, какую силу имеет договор между Ельциным и Лебедем. И не уволит ли президент генерала через короткий срок после 3 июля. В конце концов, что ему мешает это сделать? Это ведь просто джентльменское соглашение.

Думаю, Лебедя это не очень беспокоило. Главным устремлением генерала в ту пору было — самому стать президентом. По-видимому, он пребывал в уверенности — как нам известно, небезосновательной, — что Ельцин долго не протянет. Об этом устремлении Лебедя, надо полагать, хорошо знало его ближайшее окружение, но иногда оно прорывалось и за его пределы. Так, 23 июня на вопрос журнала «Шпигель», видит ли он себя в 2000 году президентом России, Лебедь неосмотрительно ответил: «Возможно, еще раньше». По словам генерала, он рассматривает свою нынешнюю должность секретаря СБ всего лишь как «промежуточный этап», который позволяет ему выполнить свои предвыборные обещания: навести порядок в

стране, обеспечить безопасность граждан.

После ему пришлось выкручиваться, уверять, что немецкие журналисты исказили его слова: «Это была шутка. Немцы не поняли русского юмора». Однако мало кого убедили эти увертки.

Эта-то неукротимая, не признающая никаких преград тяга к высшей власти и стала главной причиной того, что он недолго продержался на своем посту. 17 октября — всего только через четыре месяца после назначения — Ельцин отправил его в отставку. Отправил при весьма драматических обстоятельствах (о них чуть позже).

По логике вещей, по взаимному согласию всех сторон, генерала Лебедя, думаю, необычайно эффективно можно было бы использовать для той миссии, для которой он самим Богом был, возможно, предназначен, — для борьбы с преступностью и самой мерзкой ее частью — коррупцией. Ни до, ни после не было у нас в соответствующих государственных сферах деятелей, кто хотя бы отдаленно мог бы тут — в этом своем потенциале — с ним сравниться. Но — не сложилось. В своем воображении Лебедь, повторяю, скорее всего, готовил себя к несравненно более важному предназначению, видел себя на гораздо более высоком государственном посту. Это-то и привело к тому, что союз Ельцина с Лебедем, обещавший вроде бы столь многое, причем не только в пределах президентских выборов, распался весьма быстро и весьма драматически.

Все же еще в одном важном деле, — не уместившемся в пределах одной только президентской избирательной кампании, вышедшем за ее пределы, хотя и связанном с ней, — Лебедь сыграл ключевую роль. Я имею в виду его роль в чеченском примирении. Об этом речь несколько позже.

Лебедь разоблачает «ГКЧП-3»

Как мы помним, 18 июня Ельцин назначил Лебедя секретарем Совета безопасности и своим помощником по национальной безопасности. Генерал сразу же ринулся в бой, стремясь доказать, что не собирается даром есть свой хлеб на новой должности. По-видимому, именно «с подачи» Лебедя Ельцин немедленно отправил в отставку министра обороны Павла Грачева. По слухам, таково было одно из условий, на которых Лебедь соглашался занять новый пост: у него с министром были давние счеты. Правда, сам он говорил об этом более осторожно: «Этот вопрос **(**об отставке Грачева**. — О. М.)** был согласован в беседе с президентом. Этот вопрос давно стоял в повестке дня. Данный шаг вытекает из сложившейся ситуации**».**

Во второй половине дня 18-го новый секретарь СБ провел свою первую пресс-конференцию. Здесь журналистов ожидала настоящая сенсация. Один из корреспондентов в довольно льстивом тоне («в представлении миллионов людей вы — человек конкретного дела») задал генералу вопрос, какие же именно конкретные дела тот собирается сделать в ближайшее время — видимо, не предполагая, сколь неожиданным будет ответ. «Я сегодня уже одно конкретное дело решил, — сказал Лебедь. — Круги, близкие к министру обороны, попытались организовать „ГКЧП номер три", волну подняли».

Эту «волну» генерал, по его словам, погасил уже в самом начале, решительно и твердо:

«Прокатился по штабам Московского военного округа и воздушно-десантных войск, добился, я считаю, полнейшей лояльности Вооруженных Сил. Вот конкретное дело — я точно знаю, что никаких смут не будет. Это — вполне конкретное дело…»

И заключил благодушно-ворчливо, как бы про себя: дескать, его назначили-то всего два часа назад, а от него уже конкретных дел требуют.

Реакцией зала был взрыв аплодисментов. А как еще следовало реагировать? Действительно, едва заняв должность, человек уже предотвратил смертельную угрозу для страны…

В тот же день вечером в программе НТВ «Герой дня» Лебедь подтвердил это свое заявление о раскрытом им заговоре и предотвращенном перевороте, сообщил кое-какие детали. По словам секретаря СБ, 18 июня между девятью и десятью утра в комнате отдыха при кабинете Павла Грачева — которого к тому моменту уже попросили, по-видимому, написать рапорт об увольнении, — ряд высокопоставленных сотрудников министерства «уговаривали министра обороны поднять войска по тревоге и тем самым оказать давление на президента». Несколько более подробно Лебедь рассказал и о принятых им мерах: «дал команду дежурному генералу Центрального командного пункта Генерального штаба, запретил ему передавать любые распоряжения министра обороны в войска»; кроме того, Лебедь побывал в штабе Московского военного округа, отправил оттуда телеграмму, в которой «уведомил войска о смещении Павла Грачева» и обратился к ним с просьбой «сохранять спокойствие и продолжать заниматься плановой боевой оперативной подготовкой»; Лебедь наведался также в штаб воздушно-десантных войск, где получил от командующего ВДВ заверение, что у него «только один верховный главнокомандующий».

Наконец, Лебедь назвал имена заговорщиков. В их числе

были упомянуты первый заместитель начальника Генштаба, он же начальник его Главного оперативного управления генерал-полковник Виктор Барынькин, замначальника Главного автобронетанкового управления генерал-лейтенант Владимир Шуликов, начальник вооружения Минобороны генерал-полковник Анатолий Ситнов, начальник Главного управления международного военного сотрудничества генерал-полковник Дмитрий Харченко, помощник министра генерал-полковник Валерий Лапшов, помощник министра по связям с общественностью Елена Агапова. В список попал также министр обороны Грузии Вардико Надебаидзе, участвовавший в этом утреннем сборище.

Страна разбужена по тревоге

Но одним лишь «министерским» заговором дело не ограничилось. Ночью с девятнадцатого на двадцатое июня в 1—20, прервав очередную передачу НТВ, в эфир вышел экстренный выпуск программы «Сегодня». Появившийся на экране телеведущий Евгений Киселев взволнованным голосом зачитал следующее сообщение:

«Нам только что сообщили высокопоставленные представители предвыборного штаба президента Бориса Ельцина, что сегодня (точнее, уже вчера. — **О**. **М**) около 18–00 по московскому времени (в действительности, как потом выяснилось, несколько раньше — в 17–20. — **О**. **М**.) была предпринята акция, которая является первым шагом в осуществлении сценария по отмене второго тура президентских выборов. По распоряжению руководителя ФСБ генерала Михаила Барсукова и руководителя Службы безопасности президента генерала Александра Коржакова были задержаны ключевые фигуры кампании по переизбранию Бориса Ельцина на второй срок — Сергей Лисовский и Аркадий Евстафьев. Сергей Лисовский организовал и возглавил кампанию„Голосуй или проиграешь“ в поддержку кандидатуры Ельцина, привлек к ней практически всех самых ярких звезд российской эстрады, популярной музыки и тем самым принес в копилку президента миллионы голосов молодых избирателей. Аркадий Евстафьев являлся ближайшим помощником одного из руководителей предвыборной кампании президента Анатолия Чубайса. Только что, уже когда начался этот специальный выпуск, мне передали, что директор ФСБ генерал Барсуков в телефонном разговоре с одним из руководителей предвыборного штаба Бориса Ельцина подтвердил факт задержания Лисовского и Евстафьева.

Совершенно очевидно, что данный шаг носит провокационный характер и логически вытекает из известной позиции руководителей силовых ведомств, выступающих за свертывание демократии и отмену президентских выборов, — позиции, которая была публично сформулирована генералом Коржаковым в его известных интервью, которые получили широчайшую огласку у нас в России и за рубежом в начале мая. Похоже, страна находится на грани политической катастрофы».

Аналогичные сообщения были переданы через ОРТ, ИТАР-ТАСС, «Эхо Москвы».

С этого момента страна была поставлена, как говорится, на уши. Было полное ощущение, что вновь повторяется 19 августа 1991 года или 3 октября 1993-го.

В половине четвертого ночи программа «Сегодня» повторила сообщение о задержании Лисовского и Евстафьева, связав это событие с тремя предыдущими — первомайским интервью Коржакова, в котором он призвал перенести выборы президента, его, Коржакова, агрессивным выступлением на заседании ельцинского предвыборного штаба 18 июня, где он обрушился с гневными филиппиками на Чубайса, и с попыткой заговора («ГКЧП-3»), будто бы планировавшегося в окружении отставного министра обороны Павла Грачева, о которой рассказал на своей пресс-конференции и по НТВ генерал Лебедь. По мнению авторов сообщения, похоже, что все это звенья одной цепи.

Ночь, исполненная напряжения

Для Чубайса и его единомышленников, так или иначе работавших на избирательную кампанию Ельцина, эта ночь — с 19-го на 20 июня — была мало сказать тревожной. Напряжение достигло предела. Если бы Ельцин принял сторону Коржакова и Барсукова — а вероятность такого поворота была достаточно велика, — второй тур выборов скорее всего не состоялся бы. Что случилось бы дальше, трудно было предсказать…

В особняке ЛогоВАЗа собрались члены аналитической группы Чубайса (естественно, он сам, Березовский, Малашенко, другие), «сочувствующие» — Гусинский, Немцов, телевизионщики, прочие журналисты. Около часа ночи подъехала Татьяна Дьяченко.

По сообщению охраны, на крышах ближних домов замечены снайперы, а вокруг здания — сотрудники в штатском. Крепло ощущение, что из ЛогоВАЗа никого не выпустят. Разве что присутствие дочери президента служило какой-то «охранной грамотой». Собственно, так об этом пишет и сам Ельцин:

«Таня сидела там до пяти утра, пила кофе, успокаивала всех:

не бойтесь. И она была права. Ни арест, ни какая-либо провокация были невозможны, пока в офисе находилась она».

(После я поинтересовался у Чубайса, действительно ли на крышах вокруг здания, где они находились в ту ночь, расположились снайперы, а на земле — сотрудники спецслужб.

— Я лично снайперов не видел, — ответил Анатолий Борисович, — хотя разговоры об этом были. Но то, что Коржаков обложил нас со всех сторон, это было очевидно. И «прослушка» была, и наружное наблюдение. Тут сомнений никаких не было.)

Татьяна Дьяченко звонила Барсукову, Коржакову, требуя немедленно освободить Евстафьева и Лисовского.

В начале первого Коржакову позвонил сам президент, видимо, разбуженный дочерью. Спросил, что произошло. Коржаков уговорил его отложить объяснение до утра — завтра, мол, он обо всем доложит. Заверил, что в прессу никакая информация о случившемся не попадет…

Однако вскоре после этого разговора в прессе как раз и начался шум, организованный Чубайсом, Малашенко, Березовским.

Параллельно продолжались звонки. К делу подключилась супруга Ельцина Наина Иосифовна. Требование то же — отпустить задержанных.

К восьми утра 20 июня Коржаков и Барсуков были вызваны к президенту. Вопрос прежний: «Что там случилось?» Барсуков доложил, прочитал рапорта милиционеров, как бы задержавших Евстафьева и Лисовского (сотрудники СБП и ФСБ словно бы к этому не причастны), потом показания самих задержанных.

Все вроде бы нормально: люди выносили крупную сумму денег без соответствующих документов, их задержали… Ельцин никак не мог «врубиться», из-за чего шум.

Лебедь грозит мятежникам карами

В сообщении телепрограммы «Сегодня», вышедшем в эфир в половине четвертого ночи (или уже утра) 20 июня, приводился текст нового заявления генерала Лебедя, связанный, как можно было понять, с событиями, случившимися в Белом доме накануне вечером:

«Секретарь Совета безопасности Александр Лебедь заявил, что СБ не допустит нарушения Конституции и действующего законодательства РФ и решительно пресечет любые действия руководства силовых ведомств, направленные на дестабилизацию политической ситуации в стране и срыв второго тура президентских выборов. Лебедь заявил, что выводы проводимого

им расследования будут немедленно доложены президенту Ельцину с конкретными предложениями о наказании виновных».

Журналисты распространили и другие аналогичные заявления Лебедя. Он появился на Старой площади (где располагался Совет безопасности) уже в 4—20. Здесь его поджидали корреспонденты. Состоялась еще одна, импровизированная, пресс-конференция.

— Единственное, чего мы за пять лет добились, — сказал генерал, не дожидаясь вопросов, — чтобы эти выборы прошли, и то, видите, второй тур пытаются сорвать. Это мое первое впечатление. В деталях еще разберусь. Не допущу. Любой мятеж будет подавлен, и подавлен предельно жестоко. Тот, кто хочет ввергнуть страну в пучину кровавого хаоса, не заслуживает ни малейшей жалости.

Журналисты спросили Лебедя, были ли для него неожиданными произошедшие накануне события, — то есть задержание Евстафьева и Лисовского, — ведь он сам, буквально за сутки до этого, говорил о возможности политического заговора. Генерал подтвердил, что да, это висело, «плавало» в воздухе и неожиданностью для него не стало.

В действительности в тот момент Лебедь, по-видимому, еще не решил, что считать попыткой путча, военного переворота — только ли «заговор генералов» в Министерстве обороны или же этот «заговор» вкупе с акцией Коржакова и Барсукова.

Из воспоминаний бывшего министра внутренних дел Анатолия Куликова, которого Лебедь пригласил к себе 20-го рано утром (еще не было шести), можно заключить, что какое-то — очень небольшое — время Лебедь склонялся к тому, чтобы объединить эти два «заговора». Действия Коржакова и Барсукова Лебедь, по-видимому, собирался интерпретировать так: Ельцин серьезно болен или его, как Горбачева в Форосе, собираются объявить серьезно больным — по этой-то причине близкие к президенту кремлевские генералы и затеяли бузу — чтобы успеть поделить ключевые властные должности. При этом минобороновский «заговор» становился как бы придатком другого, основного, «заговора» — кремлевского.

Однако уже очень скоро — непосредственно во время разговора с Куликовым, прямо у него на глазах — Лебедь отказался от такой интерпретации коржаковско-барсуковских действий: было ясно, что президент хоть и болен, но не настолько, чтобы упустить власть из рук, и объявлять его «серьезно больным» никто не собирался…

«Этих людей нужно уволить»

Более перспективным для себя, перспективным во всех отношениях, Лебедь, по-видимому, посчитал разоблачение «генеральского заговора», связанного с уходом в отставку Павла Грачева. Куликов:

«Лебедь неожиданно начал разговор совсем издалека: „Анатолий Сергеевич, вы знаете, в Министерстве обороны готовился новый ГКЧП…“

В изложении А.И. Лебедя „новый ГКЧП“ представлял собой круг генералов, которые обменивались злокозненными замыслами в кабинете министра обороны Павла Грачева. Кроме неизвестно как оказавшегося среди них министра обороны Грузии Вардико Надебаидзе, Лебедем в числе заговорщиков были упомянуты имена еще нескольких военачальников, многие из которых оказались моими однокашниками по Академии Генерального штаба. Так как я учился в одно время с Грачевым, мои однокашники в равной степени были и товарищами Павла Сергеевича».

У Куликова утверждения Лебедя о «новом ГКЧП» сразу же вызвали большие сомнения (напомню, разговор двух генералов происходит 20 июня между пятью и шестью утра):

«Я их всех (то есть перечисленных Лебедем „заговорщиков“. — **О**. **М**.) очень хорошо знал и, честно говоря, словам Лебедя не поверил. Разве можно считать мятежом посиделки умных и знающих людей, которые совершенно в духе Академии Генштаба привыкли говорить друг с другом откровенно и оценивать ситуацию объективно — без боязни называть вещи своими именами?

Сам Лебедь в нашей академии не учился, и это обстоятельство очень сильно сказывалось на всем, что он делал до и после своего похода на Кремль. И во время похода — тоже…»

Куликов довольно непочтительно прервал хозяина кабинета и перевел разговор на другую тему. Однако вскоре — в шесть утра — Лебедю позвонил Ельцин, и информацию о «заговоре» генерал «вложил в уши» уже ему. Это было уже более серьезно (для тех, чьи имена были сообщены верховному главнокомандующему):

«Лебедь… начал бойко докладывать Ельцину о… заговоре в Министерстве обороны и начал перечислять фамилии. Я понял, что эти люди обречены. Понял по обрывкам разговора, когда, судя по всему, президент задал вопрос „Что делать?“ и получил дословный ответ Александра Ивановича, начавшего работу на ниве государственной безопасности: „Борис Николаевич, Боже упаси давать вам какие-либо советы, но я думаю, что этих людей нужно уволить“. Дальше все по-военному: „Понял!.. Есть!.. Понял!..“»

Довольно странная деталь: секретарь Совета безопасности докладывает о заговоре главе государства лишь 20 июня; между тем всей стране он «доложил» о нем еще 18-го…

25 июня Ельцин своим указом освободил от занимаемых должностей семерых генералов, хотя и не совсем тех, которых первоначально упоминал Лебедь в качестве «заговорщиков». Из числа упомянутых им в отставку были отправлены Барынькин, Шуликов, Харченко, Лапшов. Этот список дополнили заместители начальника Генштаба генерал-полковник Анатолий Богданов и генерал-полковник Вячеслав Жеребцов, а также начальник Главного управления воспитательной работы Минобороны генерал-лейтенант Сергей Здориков.

Заседание СБ было скоротечным

В одиннадцать утра 20 июня состоялось заседание Совета безопасности. Официальные сообщения о нем были скупы и вполне тривиальны. Ельцин представил

Лебедя как вновь назначенного секретаря СБ и своего помощника. Он был утвержден единогласно. Затем разговор пошел о делах текущих — о перебоях в снабжении военных объектов электроэнергией и топливом, о недопустимости таких перебоев… Следующий вопрос — злоупотребления в использовании бюджетных средств, в том числе в Министерстве обороны (случайно ли именно оно было приведено в качестве примера?). Ельцин потребовал навести порядок в этом деле. В общем, все достаточно обыденно и рутинно.

В действительности заседание проходило не совсем обычно. Вот как описывает его в своих воспоминаниях Анатолий Куликов:

«Все начиналось на высокой ноте (это когда Ельцин представлял Лебедя. — **О**. **М**.). Правда, после поздравлений Борис Николаевич оставшуюся часть заседания провел стремительно и грозно. Отменил обсуждение вопроса, который стоял в повестке дня, и поднял со своего места Барсукова. Негодование Ельцина было столь бурным, что не оставалось никаких сомнений: президент воспринял происходящее как личную обиду, как предательство. „Вы, — сказал он Барсукову, — превысили свои полномочия! Вы лезете, — голос президента наливался металлом, — куда вас не просят! Я вас отстраняю от участия в работе штаба по выборам президента!“ После этого Ельцин обратился ко всем остальным: „Все, — отрезал он, — Совбез закончен! Расходимся!..“»

Пока что, как видим, Ельцин отстранил директора ФСБ лишь от одной из общественных обязанностей, хотя и важной, но

оставил его на основном посту. После заседания Коржаков и Барсуков еще перешучивались по этому поводу. Куликов:

«В настроении Коржакова и Барсукова, бывших между собой друзьями, я отметил в тот раз нарочитую браваду. „Вот видишь, меня уже вывели из штаба. Тебе, наверное, тоже перепадет“, — говорил один другому, и весь их по-курсантски задиристый вид свидетельствовал о том, что президентский гнев не кажется им долговечным».

Однако вскоре перешучиваться друзьям-генералам, надо полагать, расхотелось.

«Лишь только я переступил порог кабинета, сел за стол и раскрыл документы, — продолжает Куликов, — по президентскому коммутатору позвонил Примаков (в то время директор Службы внешней разведки. — **О. М**): „Анатолий Сергеевич, ты слышал: только что объявили, что от своих должностей освобождены Коржаков и Барсуков? Как это понять?“ — „Вот так новость! — удивился я. — Надо же… Ведь президент сказал Барсукову, что лишь выводит из предвыборного штаба…“ — „Да нет, все произошло, пока мы ехали из Кремля“.

Я включил телевизор: новость о смещении со своих постов Коржакова и Барсукова (а вместе с ними и их „духовного отца“, как его тогда окрестили, — Сосковца. — **О. М.**) уже передавалась во всеуслышание».

Сам Ельцин отрицал, что смещение столь крупных фигур как-то связано с инцидентом на проходной Белого дома. Журналистам он объяснил это смещение весьма туманно: «Они (то есть Коржаков, Барсуков, Сосковец. — **О. М.**) слишком много брали и слишком мало отдавали».

Чубайс направляется к Ельцину

Что же произошло между моментом, когда закончилось заседание Совета безопасности, и появлением этого сенсационного известия?

Само по себе освобождение Евстафьева и Лисовского (уже случившееся к этому времени) не сняло возникшего напряжения. Попытка сорвать второй тур президентских выборов, о которой было объявлено по телевизионным и радиоканалам, по каналам информагентств, требовала какой-то более серьезной реакции.

На десять утра в гостинице «Рэдиссон-Славянская» была назначена пресс-конференция Анатолия Чубайса с участием двоих задержанных и отпущенных, на которой Анатолий Борисович, как ожидалось, должен был изложить собственный взгляд на события и дать им исчерпывающую оценку. Однако

пресс-конференция задерживалась. В 11–30 пресс-секретарь Чубайса Андрей Трапезников сообщил, что в полдень его шеф встречается с президентом, этим и объясняется задержка с пресс-конференцией, она переносится на 13–00.

Разговор Чубайса с Ельциным стал ключевым событием, приведшим к разрешению кризиса. По словам Анатолия Борисовича, он занял около 25 минут.

Перед ним в кабинет президента зашел Черномырдин, которому Чубайс, по его словам, «популярно объяснил, что будет, если вся власть перейдет к этой троице» — Коржакову, Барсукову, Сосковцу (после чего «Степаныч страшно завелся»). Выйдя из кабинета «крайне разгоряченным», он только бросил: «Ну, я ему все сказал…» Было не ясно, сумел ли он в чем-либо убедить Ельцина.

Какие слова нашел Чубайс, чтобы совершить, казалось бы, невозможное — побудить президента отправить в отставку человека, к которому долгие годы тот был необычайно привязан? Я имею в виду Коржакова.

Анатолий Куликов, опираясь, понятное дело, на чей-то рассказ (сам он при этом не присутствовал), пишет, что Чубайс поставил Ельцину жесткое условие: «Решайте: либо вы избираетесь на второй срок, либо не избираетесь и остаетесь с ними!» После этого указ был немедленно подписан. Как пишет Куликов, «Ельцин недолго стоял на распутье».

Все обстояло несколько иначе

Сам Чубайс о разговоре с президентом рассказывает несколько иначе.

Спрашиваю его, трудно ли было пробиться к президенту. Хотя можно было бы, наверное, и не спрашивать.

— Разумеется, очень трудно. Это был очень драматический момент. В течение нескольких часов он вообще не воспринимал всерьез проблему ареста Евстафьева и Лисовского, говорил, что это какая-то частность, нечего ее обсуждать, ничего страшного тут нет. Я не знаю, что это было — непонимание ситуации или что-то другое.

— Он ведь говорил, что все сделано правильно, — предотвращена кража денег из Белого дома.

— Да, совершенно верно.

— Но у вас была прямая телефонная связь с ним.

— Я специально и поехал из приемной ЛогоВАЗа к себе в кабинет в здании мэрии, чтобы позвонить ему оттуда. Только ради этого.

— Он не брал трубку?

— Не брал. Но потом взял. Я ему сказал, что нужна срочная встреча.

— Он не хотел вас принимать?

— Не очень хотел. Но все-таки согласился принять.

— Когда вы шли на эту встречу, у вас была уверенность, что Ельцин вас поддержит?

— Нет, скорее наоборот.

— Наоборот? Было ощущение безнадежности?

— Не то что безнадежности. Было ясное ощущение, что это ситуация черно-белая: либо я его убеждаю, либо это будет просто катастрофа с тяжелыми последствиями для страны. Думаю, скорее всего, было бы поражение во втором туре.

— Как происходил ваш разговор? Вот вы входите в кабинет Ельцина…

— Разговор, естественно, был продуман мной до деталей. Но не только мой разговор. С каждым, кто мог еще до меня хоть что-то сказать президенту по интересующей нас теме и как-то воздействовать на ситуацию, провели соответствующую беседу. Ключевой фигурой тут был Виктор Степанович Черномырдин. Он переговорил с Ельциным непосредственно передо мной. Хотя и коротко. Я как раз его застал на выходе из президентского кабинета. Он был сильно возбужден. Не знаю, какие слова от него услышал Ельцин, мне он лишь бросил: «Ну, я ему все сказал…» И тут же исчез.

Деталей своего разговора с президентом я не помню, но он был такой черно-белый. Я бы не сказал, что дело обстояло так: вот я пришел к Ельцину и переубедил его. Я думаю, что, располагая той информацией, которую он уже получил к этому времени, он всю картину достаточно хорошо понимал. Вернее, может быть, не понимал, а чувствовал своим исключительным чутьем. И я со своими словами мог оказаться тут всего лишь последней каплей… Гораздо более тяжелым был мой разговор с Ельциным 18 марта, когда я уговаривал его не распускать Думу и не запрещать КПРФ (Дума тогда «отменила» Беловежские соглашения. — **О.М.**). Там я попал в иную ситуацию. Было очевидно, что он просто не хочет меня видеть, не хочет со мной говорить, не хочет обсуждать эту тему, не хочет слушать моих аргументов… У него все уже сложилось в голове. А когда у него сложится в голове, изменить здесь что-то — это, я вам скажу, задача такая, практически невыполнимая. В общем, тогда мне приходилось давать всему делу некий стартовый импульс. Здесь же, повторяю, все было немножко по-другому. Мне казалось, что в результате какого-то внутреннего процесса он уже был подведен к

необходимому решению. Мне оставалось лишь доубедить его. Ну, а результат известен.

— Анатолий Куликов в своих мемуарах пишет, будто вы «поставили жесткое условие президенту»: «Решайте: либо вы избираетесь на второй срок, либо не избираетесь и остаетесь с ними!» Могло быть такое?

— Извините, это полная чушь. Хотел бы я посмотреть на человека, который ставит Ельцину ультиматумы. Во-первых, я не считал, что альтернатива именно такова. Во-вторых, у меня не было ни морального, ни политического права так говорить с президентом. Я ему просто рассказал, что на самом деле произошло. Только и всего.

Пресс-конференция Чубайса

Пресс-конференция Чубайса началась 20 июня в 13–30. Выступление Анатолия Борисовича было исполнено драматизма и победного пафоса (победа одержана только что, еще и напряжение не прошло, еще чувства не остыли). Оратор сразу же поставил точку над i: сказал, что «попытка ареста двух ключевых членов избирательного штаба Ельцина» — это «завершающая стадия достаточно длительной и тяжелой борьбы — борьбы между той частью ельцинской администрации, которая работала на победу Ельцина в демократических выборах, и той, которая предпочитала выход на силовые решения». Лидерами первой были «господа Сосковец, Коржаков, Барсуков» (именно в такой последовательности).

По словам Чубайса, то, что это группа «возлагала свои надежды на силовые варианты решения выборных задач в России», в последнее время проявлялось многократно, начиная с того момента, как в феврале текущего года «эта команда была отстранена Ельциным от руководства избирательной кампанией (здесь Анатолий Борисович допустил некоторую неточность — на самом деле она была отстранена 19 марта. — **О. М**.)». Чубайс тут сослался на хорошо известный факт — «некоторые из членов этой команды (прежде всего тут подразумевался, естественно, Коржаков. — **О. М**.) проговаривались и прямо говорили о том, что выборы в России надо переносить».

Чубайс пояснил, почему, по его мнению, «критический момент» для упомянутой троицы, подтолкнувший ее к решительным действиям, наступил именно после первого тура выборов. Во-первых, победа Ельцина в первом туре делала почти бессмысленными попытки «перевода ситуации в силовое русло». Почти, но не совсем. Вот если еще немного промедлить, тогда

действительно будет поздно. Во-вторых, после того как Ельцин назначил генерала Лебедя секретарем Совета безопасности и приступил к «обновлению руководителей силовых структур», для «господ Коржакова, Барсукова и их духовного отца — господина Сосковца» (так и прилепилось с тех пор к Сосковцу это определение — «духовный отец», как когда-то к Шепилову — «примкнувший к ним…») стало очевидно, что «надежд на сохранение их во власти без силовых решений не существует». Именно поэтому они «сфабриковали безумную провокацию, арестовали двух ключевых членов команды президента, работавших на выборы».

Ситуация, как сказал Чубайс, развивалась непросто, но итог час назад подвел президент Ельцин, приняв решение об увольнении «господина Сосковца, господина Коржакова и господина Барсукова» с занимаемых ими постов.

Во время своего выступления и вообще в те победные часы Чубайс неоднократно с великой похвалой и признательностью отзывался о действиях генерала Лебедя во время только что разрешившегося кризиса.

— Я бы особо отметил**, —** сказал он во вступительном слове на пресс-конференции**, —** роль, которую сыграл в этом процессе вновь назначенный секретарь Совета безопасности Лебедь, который своей жесткостью, твердостью, способностью ясно и последовательно отстаивать те цели, которые изложены в его программе под названием «Правда и порядок**»,** оказал важную поддержку Борису Ельцину в ключевой для него момент. По сути дела, мы с вами стали свидетелями того, как вновь образованный политический союз не просто подтвердил свою работоспособность, а доказал, что именно в рамках этого союза российские власти способны преодолевать самые тяжелые, самые опасные кризисы власти на любых уровнях. В моем представлении, три дня назад, когда Борис Ельцин назначил Лебедя секретарем Совета безопасности, БЫЛ ВБИТ ПОСЛЕДНИЙ ГВОЗДЬ В КРЫШКУ ГРОБА ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО КОММУНИЗМА **(**выделено мной**. — О. М.).** Сегодня ночью и днем, когда Борис Ельцин принял решение об увольнении господ Сосковца, Барсукова и Коржакова, был вбит последний гвоздь в крышку гроба иллюзий по поводу военного переворота в российском государстве.

Что касается самого Ельцина, все разговоры о его недееспособности, связанной с болезнью, следует напрочь отбросить.

— Для нас абсолютно очевидно**, —** сказал Чубайс в заключение**, —** что это мощное, волевое решение президента еще

раз доказывает уникальный политический потенциал этого человека, еще раз доказывает его потрясающую способность глубоко и стратегически оценивать ежедневные события и принимать по ним абсолютно необходимые решения в абсолютно необходимый момент. Или — обобщая все то, что сказано, — с моей точки зрения, то, что произошло сегодня, означает неизбежную победу Ельцина во втором туре президентских выборов **3** июля этого года.

Далее последовала менее пафосная часть пресс-конференции — вопросы и ответы. Чубайса спросили, что же все-таки за деньги выносили Евстафьев и Лисовский, откуда они взялись и кому предназначались. Чубайс ответил, что он, «естественно, не обладает пока следственными данными» (хотя считает, что следствие должно быть проведено), но глубоко убежден, что «так называемая коробка с деньгами является одним из традиционных элементов традиционной кагэбэшной советской провокации, опыт которых в нашей стране чрезвычайно велик».

— Мы хорошо знаем, — сказал Чубайс, — как российским диссидентам, да и не только им, подбрасывались валюта, деньги. А недавно были свидетелями подобной ситуации с подбрасыванием наркотиков. К сожалению, это демонстрация тех методов, которые стали почти обыденными вновь для господ Барсукова и Коржакова. И я убежден в том, что эта провокация, эта фальсификация в ближайшее время будет на официальной основе правоохранительными органами полностью развеяна.

Это утверждение (сделанное, впрочем, не со стопроцентной уверенностью) — о том, что коробку с деньгами Евстафьеву и Лисовскому подбросили при задержании, — было одной из редких для Чубайса ошибок. Чем ее объяснить? Объяснение, думаю, может быть единственное: излишняя доверчивость, с какой он отнесся к информации, предоставленной ему кем-то из его коллег.

Впрочем, сам же Анатолий Борисович и сказал, на чью именно информацию он опирается — на рассказ своего помощника Евстафьева:

— Аркадий Евстафьев уже сделал заявление о том, что никаких денег ОН ЛИЧНО (выделено мной. — **О. М.**) не вносил в Белый дом и не выносил из Белого дома. Это было заявлено им однозначно, заявлено официально, я могу здесь это только повторить.

Быть может, Чубайс не заметил, что Евстафьев делает упор на то, что «он лично» не выносил денег? Но ведь он выходил из Белого дома не один — с ним был еще и Сергей Лисовский. Как бы то ни было, уверен, что в тот момент Чубайс действительно не

знал, как в действительности обстояло дело с коробкой с деньгами. Если бы знал и просто хотел бы вывернуться, надо полагать, придумал бы что-нибудь другое, более серьезное…

Чубайс рассказал о некоторых деталях допроса, которому подверглись задержанные. По его словам, допрос велся «омерзительными, грязными методами», вели его «так называемые специалисты того подразделения Службы безопасности президента, которыми командует некто господин Стрелецкий, — тот самый Стрелецкий, который был назначен руководителем Фонда спорта после ареста господина Федорова».

(В скобках напомню, что в то время вокруг этого фонда, получившего право на беспошлинный ввоз некоторых товаров из-за границы и превратившегося вследствие этого в гнездо воровства и коррупции, не утихали скандалы.)

Еще интересная деталь:

— Грязный допрос, который велся по отношению к Евстафьеву и Лисовскому, ровно в тот момент, когда впервые по телевидению, около двух часов ночи, чуть пораньше, прошла информация о том, что сделано, — ровно с этого момента неожиданно изменился на очень ласковый и вежливый тон по отношению к ним, допрашивавшие их специалисты господина Коржакова вдруг стали нежными и ласковыми, стали говорить о том, что проблем особенно нету, у нас и претензий к вам особых нету, мы расстанемся с вами в самое ближайшее время, самое главное — не надо телевизионных лишних скандалов, да и вы ведите себя тихо, и на этом мы, собственно, и закончим все то, что произошло.

Каковы все-таки были стратегические цели Коржакова и К°? Ну, задержали они Евстафьева и Лисовского, а что дальше?

— Мы убеждены в том, — сказал Чубайс, — что арест Евстафьева и Лисовского — это лишь первый шаг. Целью этого ареста было заставить замолчать руководителя аналитической группы (то есть самого Чубайса. — **О. М.**), руководителя штаба президента (по-видимому, тут имелся в виду Виктор Илюшин, занимавший пост заместителя Ельцина в Совете избирательной кампании. — **О. М.**), подмять их под себя, выбить почву из-под ног. Следом за этим должны были последовать, как я полагаю, силовые решения в отношении ключевых деятелей штаба Ельцина.

Так что же это было? Путч? Анатолий Чубайс:

— Если судить по тем действиям, которые реально были осуществлены, здесь о путче говорить нет оснований, но если судить об этих действиях как о начале последовательного сценария, раскручивавшегося лидерами влиятельнейших силовых

структур (то есть сценария, предполагавшего отмену выборов. — О. М.), в моем представлении речь шла именно об этом…

Однако теперь, после принятого президентом «кадрового» решения, угроза миновала:

— Могу сказать ясно и определенно: никакого путча в России не будет. В России будут выборы — выборы 3 июля. Выборы 3 июля, на которых, по моему глубокому убеждению, победит не просто президент Ельцин, — победит новый Ельцин, с новой командой, с обновленной командой, способной привести Россию к 2000 году.

В общем, как сказал Чубайс, «реальная российская демократия защитила страну от абсолютно реальной опасности военного переворота».

* * *

Некоторое время назад (со времени описываемых событий прошло уже без малого десять лет) я спросил Чубайса, откуда ему было известно, что вслед за задержанием Евстафьева и Лисовского «должны были последовать аресты других ключевых фигур из ельцинского предвыборного штаба, занимающих гораздо более высокие посты».

— В то время у меня была соответствующая информация, — отвечал Чубайс. — А сегодня это все широко распубликовано. Например, в книге самого Коржакова помещено его письмо Ельцину. Там прямо говорится, что он готов представить президенту «план незамедлительных действий» для возбуждения против Чубайса «и его приспешников» целого ряда уголовных дел. Это он пишет уже после отставки. А до отставки были бы уже не просто слова, а дела. Возможностей, чтобы реализовать эти его планы — и силовых, и юридических, — у него было более чем достаточно.

Лебедь отстраняется от Чубайса и от «коробки из-под ксерокса»

Несмотря на многочисленные комплименты, расточаемые Чубайсом в адрес Лебедя, генерал уже с середины дня 20 июня стал стремительно отдаляться и от него, и от «мутной истории» с задержанием Евстафьева и Лисовского («Эта мутная история меня не интересует», — презрительно сказал он журналистам после заседания Совета безопасности, отвечая на вопрос, обсуждалась ли она, эта «история», на прошедшем заседании).

В общем-то, такой поворот нетрудно объяснить и соображениями политической выгоды (малопонятная, я бы даже сказал — мистически загадочная, патологическая нелюбовь большого числа трудящихся к Анатолию Борисовичу достаточно известна), и близостью генерала к таким лютым ненавистникам Чубайса, как Рогозин и Глазьев.

В дальнейшем самоотстранение Лебедя от Чубайса и от «коробки» шло по нарастающей. 27 июня он заявил в интервью корреспонденту ИТАР-ТАСС: «Я решительно отвергаю то, что якобы при моем участии, после моего вмешательства были отпущены господа

Лисовский и Евстафьев». А 2 июля вечером, в самый канун второго тура президентских выборов, комментируя утверждение Чубайса, будто он, Лебедь, причастен к увольнению Коржакова, Барсукова и Сосковца, вообще хлестанул Анатолия Борисовича наотмашь, заявив по окончании проведенного им брифинга: «Ни малейшего отношения не имею к команде торжествующего Чубайса, хотя должен констатировать факт, что он, конечно же, продемонстрировал лишний раз аппаратную ловкость и мощь».

Возможно, произнося эту тираду, Лебедь, среди прочего, полагал даже, что такими эскападами окажет услугу Ельцину, в очередной раз принизив человека, которого народные массы так ненавидят, пусть даже не очень святой и не очень праведной ненавистью.

Расхождение было неизбежно

А что сам Чубайс думает по поводу тогдашнего вроде бы неожиданного и стремительного дрейфа новоиспеченного секретаря Совета безопасности в сторону от него, Чубайса?

— Да это же было вполне предопределено — такое отдаление, — считает Анатолий Борисович.

— Сказывалось влияние его тогдашних друзей — Рогозина, Глазьева?..

— Не столько влияние… Лебедь считал себя человеком, который почти уже стал президентом. Он даже не скрывал этого. Взять хотя бы его интервью журналу «Шпигель». То есть это у него внутри сидело. А человек с таким отношением к себе неизбежно начинает себя вести, как почти президент, — заметьте, при живом президенте. Это и было причиной нашего расхождения, а в дальнейшем — лобовой политической драки. Мы шли к ней абсолютно последовательно и закономерно. Кстати, Куликов сыграл в ней очень важную роль.

— Вы имеете в виду еще один драматический эпизод,

случившийся уже после выборов, — увольнение Лебедя с поста секретаря Совбеза в октябре 1996-го?

— Ну да. Возглавляемое Куликовым МВД — это тогда был единственный силовой ресурс, который не контролировался Лебедем. Это ведь легко сказать — увольнение Лебедя… То была целая операция, когда мы «усиливали» Кремль, в том числе БТРами, когда поминутно расписывали программу силовых действий с момента объявления Лебедю указа о его увольнении и до момента отключения его телефонов, замены охраны и сопровождения до кабинета. Это было более чем серьезно. Представьте себе: секретарь Совета безопасности, у которого практически в конституционном подчинении находятся Минобороны, МВД, ФСБ… И вот вы говорите ему: «Вы уволены». Он может выйти, снять телефонную трубку прямой связи с Минобороны: «Значит так, Кантемировской, Таманской дивизиям немедленно выдвигаться в район Кремля…». А его приказ в этот момент еще обязателен к исполнению. Представляете, какую это несло в себе угрозу при его влиянии на силовиков и особенно на части специального назначения. И при том, что он специально этим занимался, много и серьезно готовился к подобному развитию событий. Здесь ситуация опять-таки была черно-белая: либо ты его задавил сразу, так что он уже деморализован, либо ты получаешь драку с человеком, который командует всеми силовыми структурами.

— Всеми, кроме МВД…

— Да, Куликов его ненавидел всеми фибрами души.

— Но и тот ненавидел Куликова.

— Двое пернатых в одной берлоге… Это как раз по поводу их отношений было сказано.

Дело о «генеральском заговоре» разваливается

Вернемся, однако, из октября в июнь 1996 года. Хотя Главная военная прокуратура начала проверку по обоим «делам» — и по утверждению Лебедя о заговоре в Министерстве обороны, и по инциденту с задержанием Евстафьева и Лисовского, — версия нового секретаря СБ о «новом ГКЧП» сразу же напоролась на серьезную критику. Что, разумеется, было неудивительно: невооруженным глазом было видно — никаких серьезных доказательств, кроме «оперативных», — попросту говоря, донесений каких-то стукачей или обычной «прослушки» (соответствующим образом интерпретированной), — за этой версией не стоит.

Уже на следующий день, 19-го, ряд думских депутатов

публично усомнился в достоверности приводимых Лебедем сведений о заговоре. Госдума поручила двум своим комитетам — по обороне и безопасности — подробно разобраться в этом деле. Впрочем, уже на том же заседании глава одного из этих комитетов — по безопасности — Виктор Илюхин сообщил, что, по его данным, ни правительство, ни спецслужбы, не располагают ни малейшей информацией о заговоре.

В тот же день министр обороны Грузии Вардико Надебаидзе, которого Лебедь упомянул в числе организаторов попытки переворота (на свою беду этот деятель оказался в тот момент в Москве и, что еще хуже, — в российском Министерстве обороны), отверг обвинение, будто он участвовал в заговорщической деятельности (уже ему-то с какой стати сюда влезать — это действительно с самого начала было непонятно). За него вступился и грузинский президент Эдуард Шеварднадзе, сказав, что упоминание Надебаидзе в числе «заговорщиков» — результат какого-то недоразумения.

Вечером 19 июня в программе «Время» телеканала ОРТ было оглашено официальное письмо Управления информации Минобороны по поводу заявления секретаря СБ:

«…Появившиеся сведения о якобы имевшей место попытке заговора генерала армии Грачева и его ближайшего окружения от начала и до конца не соответствуют действительности. Обстановка в Вооруженных Силах спокойная, рабочая, личный состав ВС выполнял и выполняет только приказы Президента РФ, верховного главнокомандующего**».**

Однако утром 20-го, мы видели, Лебедь все еще продолжал настаивать: заговор в Минобороны существовал. Более того, по всей форме, хотя и с непонятным запозданием, доложил о нем президенту в присутствии министра внутренних дел Анатолия Куликова, с перечислением фамилий заговорщиков.

В этот же день несколько позже на своей второй пресс-конференции — в «Интерфаксе» — генерал вновь заявил: то, о чем он говорил ранее, подтвердилось. Правда, теперь Лебедь уже обвинял грачевское окружение не в организации «нового ГКЧП», а в «попытке силового давления на президента». Как видим, обвинение более мягкое и неопределенное. По словам секретаря СБ, виновники не будут подвергнуты уголовному преследованию, поскольку «в их действиях нет состава преступления», но «какая-то часть офицеров будет уволена» (напомню: указ об увольнении Ельцин подписал 25 июня).

Между тем критика лебедевской версии «нового ГКЧП» продолжалась. Вскоре после заседания Совета безопасности 20 июня пресс-секретарь правительства Виктор Коннов заявил: ни о

каком «ГКЧП-3», угрозу которого раздули российские СМИ (как всегда, СМИ оказались крайними), речи не идет, и вообще для муссирования подобных слухов выбран не самый удачный момент.

О том же самом в эфире «Эха Москвы» сказал и заместитель председателя думского Комитета по обороне коммунист Михаил Сурков (этому комитету вместе с Комитетом по безопасности Дума поручила проверить утверждения Лебедя, но Сурков, не дожидаясь его результатов, поспешил оповестить слушателей о результатах собственной проверки):

— Высказывания… Александра Лебедя, по крайней мере в адрес Министерства обороны, не подтверждаются. Армия — на стороне президента и никаких переворотов не совершала… Мои беседы в Генштабе и штабе Московского округа убеждают меня, что командный и офицерский состав не предпринимал никаких активных действий для организации переворота, а бывший министр обороны Павел Грачев дал всем указание продолжать добросовестно выполнять свои служебные обязанности.

Несколько позже, 26 июня, на своей пресс-конференции довольно подробно о «генеральском заговоре» рассказал Виктор Илюхин. По его словам, хотя проверка еще не закончена, однако к настоящему моменту «абсолютно никаких сведений о попытке государственного переворота со стороны офицеров Генерального штаба и Министерства обороны» нет. Слухи о заговоре возникли, в общем-то, на пустом месте.

— После отставки Грачева, — сказал Илюхин, — действительно ряд офицеров высокого уровня собрались в кабинете, а потом около кабинета Павла Грачева. Конечно, были некоторые соболезнования, конечно, было употребление, незначительное употребление, спиртного по поводу его ухода, конечно, велись определенные разговоры. В том числе звучали и нелестные характеристики, высказывания в отношении Лебедя. Где-то промелькнуло о том, что, может быть, с учетом того, что Павел Сергеевич Грачев много сделал для Вооруженных Сил, и ту реформу, которая начата, находится где-то у середины своего развития, наверное, было бы целесообразно, как утверждали некоторые генералы, довести до конца Грачеву, — может быть, стоит обратиться к армии, чтобы она, в свою очередь, обратилась к президенту с просьбой оставить Грачева в занимаемой должности министра обороны. Вот и все. Больше никаких разговоров, никаких схем, никакого планирования государственного переворота не было. Никаких распоряжений, никаких команд в войска не отдавалось. Войска как находились в местах постоянной дислокации, так и остаются до настоящего

времени.

Зачем же понадобилось Лебедю сочинять этот миф о каком-то «заговоре»? Версия Илюхина такова:

— На мой взгляд — и я в этом глубоко убежден, — Александру Лебедю сегодня, как никогда, нужен имидж — имидж великого, крутого человека, спасителя России. Это первое. И второе: ему нужно подправить свой имидж после того, как он переметнулся в стан президента и стал его помощником. Несомненно, этот шаг отторгнул от него значительную часть электората — тех россиян, которые отдали свои голоса за Лебедя. Вот поэтому его сегодня и преподносят как спасителя России, как человека, способного в одиночку навести порядок в России.

В общем-то, это было похоже на правду, хотя коммунисты в тот момент не столько жаждали правды (впрочем, они ее не жаждали никогда), сколько стремились нанести максимальный урон новому секретарю Совета безопасности, а через него — президенту.

Лебедь дает задний ход

Строго говоря, разоблачительная речь Илюхина на его пресс-конференции 26 июня — та ее часть, которая была посвящена «заговору» в Минобороны, — это был свисток вслед уходящему поезду. Лебедь выкинул белый флаг еще за несколько дней до этого. На заседании Госдумы 21 июня генерал заявил: он, дескать, сожалеет, что журналисты по-своему истолковали его слова о «ГКЧП-3» — не поняли иронии, заключенной в этом «термине». На самом деле, как он считает, «никакой попытки государственного переворота не было».

Вот-те на! Снова журналисты виноваты. А как же реакция Госдумы, правительства, Генпрокуратуры на его, Лебедя, заявление (точнее даже сказать — неоднократные заявления)? Тоже оказались без чувства юмора? Как быть со свидетельствами людей — таких, как Куликов, — кому Лебедь прямо говорил о министерском заговоре? Как быть с его докладом президенту?

Правда, о конфиденциальных разговорах генерала, о его докладе главе государства широкая публика в тот момент ничего не знала, однако сам-то Лебедь прекрасно о них знал, когда обвинял во всем журналистов.

Ну да ладно, что теперь об этом говорить. Тут важно другое: уже спустя три дня после назначения Лебедя на новый пост и его сенсационного заявления о раскрытом им будто бы заговоре стало ясно — попытка генерала в первые же часы своего пребывания на этом посту совершить подвиг во славу Родины

окончилась пшиком.

ВТОРОЙ ТУР ВЫБОРОВ. УБЕДИТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА ДЕЙСТВУЮЩЕГО ПРЕЗИДЕНТА

Разговоры о фальсификации тогда и сегодня

В последние годы в общественном мнении старательно насаждается представление, будто выборы 1996 года — прежде всего второй тур (первый не имел решающего значения) — были фальсифицированы в пользу Ельцина. Кто-то этому верит. Такой вере помогает то неоднократно уже помянутое обстоятельство, что в начале избирательной кампании ельцинский рейтинг был весьма низок.

При этом любопытная деталь: непосредственно в момент выборов и сразу после них разговоры о фальсификации если и велись, то оставались, что называется, в пределах нормы, — как при любых выборах. Категорический тон эти утверждения приняли лишь годы спустя.

Впрочем, слова «фальсификация», «подтасовка» звучали и летом 1996-го. При этом, однако, в адрес коммунистов обвинений раздавалось отнюдь не меньше, чем в адрес их противников. Так, в середине дня 3 июля помощник президента Георгий Сатаров заявил, что в «красном поясе» отмечены массовые нарушения. На некоторых избирательных участках, например, в большом количестве используются переносные урны, причем сопровождают их к избирателям лишь наблюдатели от Зюганова, в то время как ельцинским наблюдателям, пытающимся проконтролировать их использование, напротив, чинятся всевозможные помехи.

Правда, в некоторое противоречие с таким утверждением вступало то обстоятельство, что в «красном поясе» — в частности, в сельской местности — во втором туре несколько снизилась явка. Тот же Сатаров утверждал: это, мол, объясняется тем, что в первом туре она была фальсифицирована, а во втором наблюдатели от Ельцина не позволили этого сделать.

Коммунисты, говоря о нарушениях, напирали на традиционное — на использование противоположной стороной административного ресурса и на то, что им, коммунистам, мало давали телеэфира. Тот же Купцов, выступая 3 июля по «Эху Москвы», заявил, что «кандидаты были поставлены в неравные условия по степени воздействия на избирателей» — руководство ОРТ в лице Сергея Благоволина «сопротивлялось», когда коммунисты требовали предоставить Зюганову прямой эфир.

Что касается административного ресурса, — по словам председателя Центризбиркома Николая Рябова, его активно использовали обе команды. «Та декларация в законе, которая говорит о недопущении использования должностными лицами своих возможностей для ведения предвыборной кампании, во многом остается простой декларацией», — сокрушался по этому поводу глава ЦИК.

Впрочем, думаю, он был здесь не вполне искренен: у Ельцина тут все же было больше возможностей, по крайней мере, за пределами «красного пояса».

Ельцин опять впереди

Первые сведения о результатах голосования (неизвестно, правда, на какой час подсчитанные) появились 3 июля в половине двенадцатого ночи: Ельцин впереди! Как и в первом туре. Причем на этот раз разница между его голосами и голосами конкурента весьма существенная: 51,4: 41,7. Почти 10 процентов.

В дальнейшем эта разница лишь увеличивалась. Данные на 11 вечера: у Ельцина — 52 процента, у Зюганова — 41. В 23 субъектах Федерации лидирует президент, в восьми — председатель КПРФ.

В полночь у Ельцина было 52,3 процента, у Зюганова — 41,1. Соотношение голосов на час ночи — 53,9:39.7…

В «красном поясе» лидерство сохраняет Зюганов, причем почти повсюду с таким же преимуществом, как Ельцин — по стране в целом. Соответствующие данные на два часа ночи: Курганская область — 50,2:43,4 в пользу коммунистического лидера, Ставропольский край — 54,8: 40,1, Курская область — 56,1:38,9, Липецкая — 57,7:37,3 (самое большое преимущество бывшего завсектором ЦК КПСС), Кировская — 51,5:41.7, Костромская — 48,1:45,5, Брянская — 55,1:40,3, Волгоградская — 51,3:43,7, Алтайский край — 54,27:… (вторая цифра в сообщениях информагентств почему-то «потерялась» — видимо, в ночной спешке и неразберихе), Амурская область — 51,8:41,8.

Как видим, значительная часть российской суши продолжает верить в светлые идеалы коммунизма.

Однако в целом страна голосует за Ельцина. На 5—30 утра у него 53,9 процента голосов, у Зюганова — 40,2, на восемь утра (подсчитаны голоса более чем 67 миллионов избирателей в 88 российских регионах) соотношение голосов — 53,55: 40,55 в пользу президента.

Ясно, что окончательный результат слишком сильно отличаться от этого уже не может.

Официальные итоги второго тура были объявлены 9 июля. Ельцин получил 53,82 процента голосов, более чем на десять миллионов больше своего соперника; у того — 40,31. Всего в выборах участвовало 68,89 процента избирателей — на один процент меньше, чем в первом туре.

Сокрушительное поражение вождь коммунистов потерпел в столице: Ельцин получил здесь 77,79 процента голосов, Зюганов — лишь 18,05. Москва вновь показала себя как демократический, антикоммунистический город.

Победа с привкусом лекарства

В очередной раз Россия прошла по самому-самому краешку пропасти. И — о чудо! — не сорвалась. Избрала президентом человека смертельно усталого, тяжело больного, но — что было самым важным в тех обстоятельствах, — своим больным телом загородившего дорогу коммунистам.

«…Итогов голосования ждал, снова лежа в постели, — вспоминает Ельцин. — Победа была с привкусом лекарства. И тем не менее это была фантастическая, удивительная победа! Я победил, хотя в начале года никто, вообще никто, включая мое ближайшее окружение, в это не верил! Победил вопреки всем прогнозам, вопреки минимальному рейтингу, вопреки инфаркту и политическим кризисам, которые преследовали нас весь первый срок моего президентства.

Я лежал на больничной койке, напряженно смотрел в потолок, а хотелось вскочить и плясать! Рядом со мной были родные, друзья. Они обнимали меня, дарили цветы, и в глазах у многих стояли слезы.

Теперь было время вспомнить всю эту тяжелейшую кампанию, день за днем. Да, пришлось мне в эти предвыборные месяцы нелегко.

Врачи ходили по пятам, хуже, чем охрана. Все их специальные чемоданчики, бледные от испуга лица я уже спокойно видеть не мог. Слышать не мог одно и то же: „Борис Николаевич, что вы делаете! Ограничьте нагрузки! Борис Николаевич, вы что!“ Но куда деваться? Они честно делали свою работу. Следили за каждым моим шагом. Всюду за спиной стояли с инъекциями и таблетками. И имели для этого веские основания: сердце прихватывало постоянно. Причем капитально, с комом в горле, с уплывающим горизонтом, все как положено».

Как ни странно, коммунисты довольны

Сегодня Зюганов при каждом удобном случае заявляет: дескать, среди людей, с которыми он общался, когда выборы закончились, ему так и не довелось встретить ни одного, кто бы голосовал за Ельцина. Понимай так: «белых шаров» его сопернику набросали фальсификаторы. Между тем непосредственно после выборов коммунистический вождь и его соратники говорили совсем другое. «Выборы 3 июля в целом прошли достаточно организованно и с точки зрения работы комиссий, и с точки зрения обеспечения необходимой документации. — заявил в день выборов (когда голосование закончилось) первый зам Зюганова, второй человек в КПРФ Валентин Купцов. — Были единичные нарушения, которые не могут носить серьезных последствий».

Об отсутствии сведений о каких-либо серьезных нарушениях заявляли 3 июля и непосредственно в штабе Зюганова: дескать, многочисленные телефонные звонки наблюдателей и избирателей, поступающие в штаб, в основном касаются «неточностей в списках избирателей и фактов агитации сторонников Бориса Ельцина на избирательных участках».

Уже в середине дня 4 июля зюгановский пресс-секретарь Владимир Перфильев сказал в интервью «Интерфаксу», что Народно-патриотический блок и его лидер не будут оспаривать итоги выборов президента России.

Это же подтвердил и сам Зюганов вечером на пресс-конференции, заявив, что он «уважает волю избирателей». Зюганов сообщил, что направил Борису Ельцину телеграмму, в которой поздравил его с успехом.

Впрочем, Зюганов не считает результаты выборов и своим поражением, ибо, по его словам, в нынешней ситуации в России «победителей быть не может». На пресс-конференции прозвучали также утверждения, что успех был достигнут противоположной стороной «в результате грубых нарушений избирательного законодательства», «в условиях невиданного информационного устрашения» сторонников КПРФ, «невиданной мобилизации государственных средств и возможностей».

Тем не менее, в целом, по словам Зюганова, он удовлетворен состоявшимися выборами: «Более 40 процентов избирателей проголосовали за Народно-патриотический блок, тем самым подтвердивший свою высокую общественную значимость. В стране сформировалась двухпартийная система: это Народно-патриотический блок, который выдвигает идеалы законности и справедливости, и партия власти, которая не имеет четкой политической структуры».

Однако не все соратники Зюганова по упомянутому блоку разделяли его удовлетворение и оптимизм. Правление

Российского общенационального союза, входившего в состав блока, по итогам выборов пришло к заключению: блок явно недооценил, в какой степени российские граждане сегодня отрицают коммунистическую идеологию. «Нежелание возвращаться в прошлое для большинства российских граждан оказалось сильнее их собственной жизненной неустроенности и недовольства существующей властью», — заявил после выборов лидер РОС Сергей Бабурин. По его мнению, одна из главных причин неудачи на выборах — «переоценка левых настроений у большинства населения» и «гипертрофированная роль КПРФ в коалиции».

Наблюдатели ставят высший балл

Пожалуй, ни одни выборы в России не удостаивались таких высоких оценок со стороны иностранных наблюдателей, как президентские выборы 1996 года, особенно второй тур.

Руководители делегаций наблюдателей от ОБСЕ, Европарламента и Совета Европы — Андраш Баршонь, Констанция Крель и Эрнст Мюлеманн — утром 4 июля провели в Госдуме пресс-конференцию, где поделились своими впечатлениями о втором туре президентских выборов. По их оценкам, выборы были «свободными, беспристрастными и справедливыми». В ходе второго тура «наблюдатели не обнаружили каких-либо манипуляций и фальсификаций». Был, конечно, замечен ряд мелких нарушений — в частности, широкое использование открепительных талонов и переносных урн, — однако, как полагают наблюдатели, они «не могут заслонить всю картину выборов».

Достаточно критично наблюдатели отозвались лишь о работе российских СМИ. Как сказала Констанция Крель, в прессе, особенно на телевидении, «не были обеспечены равные условия для кандидатов в президенты, предпочтение отдавалось Борису Ельцину». Впрочем, она оговорилась, что не знает, «насколько это повлияло на выбор избирателей».

Согласившись в целом с коллегой, Андраш Баршонь высказался по этому поводу более определенно: мол, «нельзя утверждать, будто СМИ предопределили расклад голосов российских избирателей и предрешили избрание президентом Бориса Ельцина».

Представитель Совета Европы Эрнст Мюлеманн также пришел к заключению, что «нынешний президент получил слишком много времени на телевидении, а его соперник не имел аналогичных шансов».

«Второй раунд президентских выборов в России можно считать самым лучшим из всех, которые когда-либо приходилось наблюдать в России иностранным наблюдателям» — такова была оценка представителя Международного республиканского института Уильяма Болла.

И опять замечание по поводу «предвзятого отношения» СМИ — и государственных, и частных — по поводу предпочтения, которое они отдавали Борису Ельцину.

Кто ж станет возражать, претенденты действительно должны иметь равный доступ к СМИ. Но реально так редко бывает. Это признавали и сами наблюдатели.

По словам той же Констанции Крель, неравенство информационных возможностей — обычное дело для демократических стран: «Во Франции или, скажем, в Германии действующий президент и канцлер всегда имеют преимущества перед теми, кто лишь добивается этих постов».

Резюмируя впечатления иностранных и российских наблюдателей, а также собственные впечатления, Николай Рябов после оглашения результатов второго тура 9 июля заявил:

«Мы считаем, что победа одного из претендентов — Бориса Николаевича Ельцина — одержана честно, справедливо, демократично, полностью законно и не подвергается никаким сомнениям…»

Прогнозы оказались точными

Вскоре после того, как стали известны результаты второго тура, пусть и предварительные, сделалось ясно: эти результаты близки к тем, которые ожидались социологами. Об этом, в частности, утром 4 июля заявил директор ВЦИОМа Юрий Левада.

Неточность большинства прогнозов не превышала двух-трех процентов.

Точнее других результат Ельцина предсказали Институт сравнительных социологических исследований (ожидавший, что президент получит 55 процентов), Институт социально-политических исследований и Институт социологии парламентаризма (назвавшие одну и ту же цифру — 56 процентов).

Прогноз ВЦИОМа был: Ельцин — 52 процента, Зюганов — 43…

Здесь можно повторить то же самое, что было сказано по поводу первого тура: вряд ли прогнозы оказались бы столь точны, если бы выборы были фальсифицированы.

Некоторые эксперты — например, Дмитрий Ореш-кин —

утверждали, что значительный отрыв во втором туре обеспечили Ельцину избиратели Лебедя, две трети которых проголосовали во втором туре за действующего президента. Другие, как, например, тот же Юрий Левада, считали, что голоса приверженцев Лебедя и Явлинского хоть и способствовали победе Ельцина, но при этом не сыграли решающей роли…

Сам Ельцин, ожидая результата, был уверен: все зависит от электората Лебедя и Явлинского — за кого он проголосует и проголосует ли вообще. По-видимому, эта ельцинская уверенность сохранилась и тогда, когда итоги стали известны: да, все решили именно эти избиратели, вероятно, полагал победитель.

Миф о победе Зюганова

Конечно, фальсификация на тех выборах, по-видимому, была. Тут ничего необычного нет.

— Фальсификация бывает всегда, — уверенно заявляет глава ФОМа Александр Ослон.

Однако в отношении президентских выборов 1996 года эта, в общем-то, достаточно невинная тривиальная истина, благодаря мощной целенаправленной пропаганде, обрела вселенские масштабы. Чуть ли не аксиомой сделалось: на тех выборах победил не Ельцин, а Зюганов; Ельцин же был объявлен победителем благодаря грубой подтасовке голосов.

И вот уж эта «аксиома» порхает из уст в уста, вкладывается в уши миллионам читателей, зрителей, слушателей. Как? Вы не знаете, что те выборы были полностью фальсифицированы? Господи, да это же всем известно!

«Всем известно» — и все. И никаких доказательств не требуется.

Кремлевский серый кардинал Сурков как-то даже бросил небрежно:

— Мы помним выборы 1996 года. Как между турами вдруг в некоторых регионах сказочным образом поменялись предпочтения, причем самым радикальным образом… Если тогда была демократия, тогда я не знаю, что такое демократия.

В общем, при Ельцине не было демократии, а вот при Путине и Суркове она расцвела пышным цветом (даром, что по всем экспертным международным оценкам Россия, начиная с 2000 года, в части соблюдения демократических норм откатилась далеко назад).

Вообще-то, Суркову надо бы знать, что для радикальной смены выборных предпочтений в том или ином регионе нужно

совсем немного. В принципе, теоретически, достаточно одного голоса. Скажем, за кандидата Икс в каком-то регионе в первом туре проголосовало 100000 избирателей, а за кандидата Игрек — 99999. Вполне можно считать, что этот регион предпочел Икса Игреку. Во втором же туре один из избирателей развернул на 180 градусов свое мнение о кандидатах. Стало быть, и весь регион, говоря словами Суркова, «сказочным образом» радикально изменил свои предпочтения.

Но анализом тех выборов занимались не только ангажированные чиновники, но и серьезные ученые. Казанский социолог Валентин Михайлов провел дотошное статистическое исследование их результатов. Он сравнил итоги первого и второго туров — посмотрел, в какой степени соотношение голосов, поданных за Ельцина и Зюганова в первом туре, отличается от этого же параметра, полученного во втором туре. В качестве нормального, не вызывающего подозрений он принял диапазон от 0,9 до 1,5. Большинство регионов уложились в эту норму. То есть там, как полагает Михайлов, серьезных нарушений не было. Преимущество Ельцина здесь увеличилось по естественным причинам:

«На выборах 3 июля, — пишет исследователь, — избиратели, голосовавшие за кандидатов, занявших места с третьего по десятое в первом туре 16 июня, были более склонны голосовать за действующего президента РФ. К тому же между турами эффективнее действовала агитационная команда Бориса Ельцина».

Выскочили из нормы 0,9–1,5 лишь семь субъектов Федерации, причем, что занятно, все семь — национальные республики. В этих республиках положение дел по части надежности выборов ВСЕГДА неважное.

Кроме того, Михайлов учитывал, в каких регионах было наибольшее число территориальных избирательных округов со значительными отклонениями от нормы. В итоге он получил список из двенадцати субъектов Федерации, где, как он предполагает, могло быть наибольшее давление на избирателей и фальсификация результатов в пользу Ельцина (регионы перечисляются — от большей ненадежности результатов к меньшей): Татарстан, Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия, Карачаево-Черкессия, Кабардино-Балкария, Мордовия, Башкирия, Калмыкия, Ставропольский край, Ростовская область, Адыгея.

Общий итог анализа, проведенного Михайловым, таков: в перечисленных двенадцати «ненадежных» регионах действующему президенту могли добавить от 700 до 900 тысяч голосов…

Это, пожалуй, один из самых суровых по отношению к Ельцину ТЕОРЕТИЧЕСКИХ расчетов, касающихся того, сколько «лишних» голосов МОГЛИ приписать действующему президенту по результатам второго тура голосования. В реальности, НА ПРАКТИКЕ, известно лишь несколько официально доказанных случаев фальсификации. В Грачевском районе Ставропольского края суд установил, что в результате исправлений в бюллетенях и протоколах на двух избирательных участках у Зюганова во втором туре было отнято и добавлено Ельцину семьсот голосов. Виновники понесли кое-какое, — правда, не очень строгое, — наказание. Одна из членов избирательной комиссии была приговорена к условному заключению и штрафу в семь миллионов рублей. Две другие фальсификаторши отделались меньшими штрафами. В Зеленчукском районе Крачаево-Черкессии прокуратура также установила факт фальсификации протоколов на одном из избирательных участков: на этот раз лидера КПРФ лишили двухсот пятидесяти голосов, которые опять-таки были приплюсованы к результатам Ельцина. Центризбирком, рассматривавший этот случай, счел нужным уведомить общественность, что эта обнаруженная подтасовка «не влияет на результаты выборов Президента Российской Федерации». Здесь также было возбуждено уголовное дело против председателя и секретаря участковой избирательной комиссии, которое, однако, было прекращено как раз по причине, что действия обвиняемых «на общие результаты выборов не повлияли». Сюда можно еще добавить упоминавшийся уже случай, когда коммунисты опротестовали итоги выборов в пяти районах Казани. Протест дошел до Верховного суда, который поручил прокуратуре проверить жалобу. Однако никаких последствий это вроде бы не имело.

Таково было реальное, ЗАФИКСИРОВАННОЕ В ДОКУМЕНТАХ, положение дел. Но даже если и вернуться к теории. 700–900 тысяч голосов, возможно, приписанных Ельцину по подсчетам Валентина Михайлова — цифра, конечно, немалая. Учтем, однако, что за Ельцина во втором туре проголосовали НА ДЕСЯТЬ С ЛИШНИМ МИЛЛИОНОВ избирателей больше, чем за Зюганова. 700–900 тысяч — это лишь 1,04 — 1,34 процента проголосовавших, тогда как преимущество Ельцина над Зюгановым — 13,51 процента голосов.

«Как мы видим, — признает Михайлов, — размеры (возможного. — **О. М.**) организованного воздействия на результаты выборов таковы, что они не могут поставить под сомнение результаты выборов в целом».

И далее:

«В целом положение с организацией выборов президента РФ в 1996 году, а значит и с продвижением демократии (это на заметку г-ну Суркову. — **О. М.**), было весьма удовлетворительным. В большинстве регионов оно могло быть оценено как хорошее. Было обнаружено лишь около 15 процентов регионов и примерно такая же доля районов, в которых возникли серьезные сомнения относительно честности и свободы проведенных выборов».

Кстати, а как обстоит дело с фальсификацией (опять-таки, будем корректны, предполагаемой) в пользу Зюганова? Разве тут статистика ничего не говорит? По мнению, Михайлова, признаки такой фальсификации были «более характерны» для первого тура и менее выражены во втором. Чем объяснить такой спад активности прокоммунистических фальсификаторов? Возможно, тем, что по итогам первого тура (как ни старались, догнать Ельцина им так и не удалось) к ним пришло понимание, что дело это безнадежное, так что и стараться нечего.

Вот так обстоит дело с «проигрышем» Ельцина и «победой» Зюганова на выборах 1996 года.

Выборы в Чечне

Одна из самых высоких явок во втором туре была отмечена в Чечне. На бумаге. 75 процентов (средняя по России, напомню, — около 69). Как обстояло дело в реальности, можно опять-таки судить по свидетельствам журналистов, побывавших 3 июля в ряде населенных пунктов мятежной республики. В частности, — по отчету тех же сотрудников «Московских новостей» и телепрограммы «Взгляд».

Начать с того, что каждый из них (всего их было трое) беспрепятственно проголосовал на чеченской территории по четыре раза (мог бы и больше, желание москвичей опустить бюллетень в урну повсюду, где удавалось эти урны обнаружить, только приветствовалось). В Москве журналисты запаслись открепительными талонами, но никто у них, вручая им бюллетень, эти талоны не спрашивал.

В Грозном корреспонденты нашли пять избирательных участков. Характерная деталь: везде «количество членов избирательных комиссий и охраняющих их милиционеров заметно превышало число желающих проголосовать».

Обнаружить хоть один избирательный участок где-либо за пределами Грозного оказалось непросто. Столичные гости проехали Шали, Новые Атаги, Алхазурово, Гойское, Комсомольское, Гехи, Гехи-Чу. Нигде никаких признаков

выборной деятельности.

Единственное место для голосования вне чеченской столицы журналистам удалось в этот день отыскать в Урус-Мартане.

«В местной школе, — пишут авторы, — нас встретила избирательная комиссия — пятеро мужиков с автоматами.

— Выборы были?

— Были, уже закончились, идет подсчет результатов.

— Почему так рано? (Время 16–00).

— А с утра уже все проголосовали.

— И какая явка?

— 98 процентов».

Все ясно.

На территории, не контролируемой российскими войсками и называемой Чеченской Республикой Ичкерия, искать избирательные участки, естественно, и вовсе не имело смысла…

Единственная категория избирателей, которая в Чечне реально (не на бумаге) проголосовала, — российские военные.

«В таком случае, — говорилось в статье-отчете, — результаты голосования в Чечне позволят социологам судить о настроениях в российской армии. Но делать выводы о политических симпатиях и антипатиях населения Чечни, видимо, рано. Это будет возможно после того, как здесь состоятся действительно свободные, цивилизованные выборы. А это может произойти только без участия избирателей в погонах».

Откровенная, бесхитростная, почти не замаскированная инсценировка второго тура выборов президента России в Чечне — так же, как и первого, — грубая фальсификация его результатов наводили на мысль, что весь процесс чеченского примирения рассматривается в Кремле как нечто несерьезное, годящееся разве что для предвыборной пропагандистской кампании Ельцина.

И ВСЕ ЖЕ ЕЛЬЦИН ВЫПОЛНИЛ СВОЕ ПРЕДВЫБОРНОЕ ОБЕЩАНИЕ УСТАНОВИТЬ МИР В ЧЕЧНЕ

Перемирие, не продержавшееся ни дня

И все же, несмотря на явную инсценировку и грубую фальсификацию выборов в Чечне, движение к миру там продолжалось — и во время избирательной кампании, и после ее окончания. Хотя движение это шло неровно, с провалами, срывами, отступлениями.

Переговоры, начатые в конце мая в Москве на встрече Ельцина и Яндарбиева, продолжались на более низком уровне в Ингушетии и в самой Чечне. Шли они с переменным успехом…

10 июня в Назрани были подписаны два протокола. В первом содержалась договоренность по «военному блоку» вопросов. Согласно ей, в республике должны быть прекращены все боевые действия, не только войсковые, но и «спецоперации» (чтобы не было возможности прятаться за терминами), запрещено «незаконное ношение оружия» (надо полагать, — разоружены боевики), до 17 июля ликвидированы блокпосты на выезде из населенных пунктов, до конца августа выведены все федеральные силы из Чечни.

Подписанию этого документа предшествовало решение политического вопроса, на чем особо настаивала «ичкерийская» сторона, — договорились, что выборы во все органы власти, в том числе и в парламент Чечни, будут проводиться лишь после вывода федеральных войск из республики.

Во втором протоколе, подписанном 10 июня, содержалась договоренность об освобождении пленных и вообще всех, кто насильственно удерживается той и другой стороной.

Увы, мина под эти договоренности была подложена уже на следующий день. 11 июня во время поездки в Воронеж Черномырдин, поддерживая позицию завгаевского правительства, заявил, что окончательное решение о проведении или переносе выборов в чеченский парламент, намеченных на 16 июня, будет принимать Верховный Совет республики, а выборы президента России на территории Чечни состоятся в этот день «в любом случае». И те, и другие выборы в самом деле «провели» в назначенный срок. Иными словами, федеральная сторона сразу же нарушила один из главных пунктов достигнутого соглашения.

В общем, прекращения огня не удалось достигнуть и на этот

раз.

Политолог Эмиль Паин написал в одной из своих статей: «Назрановские соглашения были нарушены федеральными силами сразу после назначения Александра Лебедя секретарем Совета безопасности». В действительности генерал вряд ли был в этом повинен. Его назначение состоялось лишь 18 июня, вопросами Чечни он начал заниматься не ранее чем через неделю после этого, а первые сообщения о срыве назрановских договоренностей и возобновлении вооруженного конфликта начали поступать практически сразу же после их подписания. При этом, как водится, каждая из сторон обвиняла в нарушении соглашений другую.

Тем не менее, Ельцин упорно продолжал двигаться к намеченной цели. 25 июня — за неделю до второго тура выборов и за день до того, как у него резко ухудшилось здоровье (случился пятый за год инфаркт), — он подписал очень важный Указ № 985. Этот указ предусматривал поэтапный, но весьма быстрый — до 1 сентября — вывод федеральных войск из Чечни в места постоянной дислокации. На постоянной основе в республике оставалась лишь часть их: 205-я мотострелковая бригада численностью восемь тысяч человек и 101-я бригада внутренних войск — четыре тысячи «штыков». При этом была поставлена задача заменить солдат-призывников контрактниками.

Мир почти сорван

Однако в начале августа случилось событие, которого российские власти никак не ожидали. Считалось (и докладывалось наверх), что противник разгромлен, подавлен, деморализован, ни к каким активным действиям более не способен. Между тем, неожиданно 6-го числа (опять 6-го!) на рассвете несколько довольно многочисленных групп боевиков, не встретив особого сопротивления, с разных сторон вошли в Грозный, прорвались к центру и заблокировали комплекс правительственных зданий.

Сами «ичкерийцы» объясняли налет на Грозный (тогда еще их объяснения могли свободно достигать общероссийской аудитории) вынужденными и оборонительными мотивами: дескать, российская сторона не выполняет московские и назрановские соглашения — не выводит из Чечни свои войска.

Несколько суток боевики держали центр города в жестокой осаде. Ее удалось ликвидировать лишь в середине дня 11 августа. Вопреки обычным бодряческим заявлениям о «контроле» над

ситуацией эта ситуация была провальной: федералы понесли большие потери, так что — неслыханное дело! — Ельцин вынужден был объявить 10 августа днем траура.

В своем заявлении, которое было распространено вечером 9-го, президент признал, что власти «допустили грубые просчеты в оценке обстановки и силы боевиков».

«Вместе с тем, — говорилось в заявлении, — даже в этой сложной ситуации продолжаю настаивать на том, что нет другого пути решения конфликта в Чечне, кроме начатых мною в Москве 27 мая этого года мирных переговоров».

В дело вступает Лебедь

Где-то с 10 августа решающая роль в деле решения чеченской проблемы стала переходить к недавно назначенному секретарю Совета безопасности Александру Лебедю. В этот день он обозначил свою принципиальную позицию: основой чеченского урегулирования должно стать немедленное прекращение боевых действий. Причем не «бумажное», а реальное. Естественно, такая позиция вызвала ярость в рядах «партии войны», и эту ярость генерал вскоре почувствовал.

В ночь с 11-го на 12 августа в селении Старые Атаги Лебедь провел первые переговоры с Масхадовым и Мовлади Удуговым (министром информации Ичкерии). Темой переговоров были «условия двустороннего прекращения огня и отвода боевиков из Грозного».

Огонь начали прекращать уже 12 августа около 15–00. По крайней мере, об этом сообщил сам Лебедь, выступая в этот день на пресс-конференции в Москве. Что касается будущего статуса Чечни, «мы пришли к выводу о том, — сказал генерал, — что, чтобы реализовать любой статус, надо сначала перестать убивать людей. А для этого необходимо прежде всего развести противоборствующие стороны».

В действительности, конечно, бои в Грозном продолжались. Даже в центре, вроде бы (по официальным сообщениям) очищенном от боевиков. По признанию самих российских военных, контроль над центром города переходил «от одних к другим — ночью в нем хозяйничали сепаратисты, а утром ситуацию брали в свои руки федералы».

В ночь с 15-го на 16 августа в селении Новые Атаги Лебедь встретился с Яндарбиевым. Разговаривали долго и откровенно. Новый ельцинский представитель явно удостоился доверия противостоящей стороны, которого не удавалось добиться другим российским генералам. Среди конкретных результатов —

договорились создать наблюдательную комиссию за выполнением условий прекращения огня и наблюдательный совет, в который должны войти секретари Советов безопасности трех соседних с Чечней республик — Дагестана, Ингушетии и Кабардино-Балкарии.

Сообщения об этой встрече жители Чечни восприняли как самую обнадеживающую новость.

Ультиматум Пуликовского

Однако 19 августа ситуация в Грозном вновь резко обострилась. В этот день исполняющий обязанности командующего федеральными силами в Чечне генерал Пуликовский (сам командующий Вячеслав Тихомиров был в отпуске) — по-видимому, в пику Лебедю — предъявил ультиматум его мирным жителям, потребовав от них в течение 48 часов покинуть город, после чего он, по его заявлению, начнет подавление боевиков всеми имеющимися у него средствами, включая артиллерию и авиацию. С осуждением этого ультиматума выступило даже послушное Москве завгаевское правительство, назвав этот ультиматум «смертным приговором» для сотен тысяч людей, которые не смогут выйти из Грозного за двое суток. Учитывая к тому же, что многие просто ничего не знают об этом ультиматуме — в городе нет электричества, а потому отсутствует связь. Среди жителей много раненых, женщин, малолетних детей, стариков…

20 августа Политсовет «Демвыбора России» обратился к Ельцину с требованием «немедленно отстранить генерала Пуликовского от командования военной операцией в Чечне и ускорить реализацию мирного урегулирования конфликта».

Лебедь, находившийся в тот момент в Москве, срочно вылетел в Чечню — «для принятия неотложных мер по снятию экстремальной напряженности, возникшей там в последние дни». Еще перед отлетом «источник в Совете безопасности» заявил журналистам, что генерал «продолжает придерживаться мнения о невозможности разрешить чеченский кризис военными методами».

22-го от Пуликовского отреклось Министерство обороны. «Выдвинув ультиматум, — заявил глава этого ведомства Игорь Родионов, — Пуликовский превысил свои полномочия и допустил серьезную ошибку. Не дело военного, даже столь высокого ранга, выступать с заявлениями подобного рода. Вооруженные

Силы, как и другие силовые структуры государства, не проводят какой-то собственной, самостоятельной и независимой

от государства политики, а являются инструментом политики государственной».

Штурм чеченской столицы так и не состоялся.

Люди с оружием уходят из Грозного

Уже на следующий день по прибытии в Чечню, 22-го, Лебедь в Новых Атагах подписал с Масхадовым «Соглашение о неотложных мерах по прекращению огня и боевых действий в городе Грозном и на территории Чеченской Республики».

24 августа там же переговоры продолжились. По словам Лебедя, на них «были согласованы подходы к урегулированию как военной, так и политической ситуации в Чечне».

Завершились они 25 августа.

24-го числа боевики начали покидать Грозный. За сутки из города их вышло около тысячи. Мирные усилия Лебедя оказались эффективней, чем ультиматум Пуликовского.

26-го было сообщено, что и подразделения федеральных войск готовы к выходу из города, а вывод их из горных районов Чечни уже начался.

В последующие дни и российские войска, и отряды сепаратистов параллельно выводились из Грозного (хотя были сообщения, что на смену ушедшим отрядам боевиков приходят другие). 28 августа город покинули около двух тысяч военнослужащих федеральных сил и почти столько же — 1900 — боевиков.

Всего к 29 августа из Грозного ушли четыре тысячи военнослужащих, из горных районов — 4200 солдат и офицеров, было выведено 400 единиц бронетехники.

Согласно достигнутым договоренностям, так называемую демилитаризацию чеченской столицы — удаление из нее всех вооруженных людей — предполагалось завершить к 1 сентября.

28-го в Грозном начали функционировать объединенные комендатуры…

Одним словом, Лебедь, — разумеется, при одобрении и поддержке президента, — упорно двигался к миру, несмотря на противодействие многих деятелей и в Москве, и в самой Чечне. Тут, — в качестве примера такого противодействия, — можно сослаться на обвинение, которое ему бросил министр внутренних дел Анатолий Куликов: дескать, секретарь Совета безопасности, «недавно окунувшийся в проблему Кавказа, не до конца разобрался в ситуации» (впрочем, перепалку с министром начал сам Лебедь, «повесивший» на Куликова основную ответственность за провалы в Чечне). Схожие слова прозвучали и из уст

председателя промосковского правительства Чечни Доку Завгаева, заявившего, что Лебедь, не зная проблем Кавказа, взрывает там ситуацию, ведет к глобальной войне в регионе посредством сепаратных переговоров с боевиками.

29 августа на пресс-конференции в московском «Президент-отеле» Лебедь заявил, что «твердо намерен вернуть процесс установления порядка в республике в конституционное, правовое русло, без авиационных налетов». «Мы решим этот вопрос по-человечески», — сказал он. Чтобы избежать внутричеченской резни после ухода федеральных войск, генерал предложил создать в республике «коалиционное правительство». А на вопрос, верит ли он, что сепаратисты будут выполнять договоренности, коротко бросил, что «никто не хочет умирать» и что он твердо уверен: «разум возобладает».

Точка поставлена в Хасавюрте

Основные соглашения, положившие начало трехлетнему миру в Чечне, были подписаны 31 августа в дагестанском городе Хасавюрте. Кажется весьма странным, что они смогли сыграть эту примирительную роль, поскольку представляли собой два довольно невнятных документа, нечто вроде декларации о намерениях. Первый документ — «Совместное заявление», которое, собственно, и было подписано, с одной стороны Лебедем и его заместителем на посту секретаря Совета безопасности Сергеем Харламовым, а с другой — Масхадовым, в то время начальником Главного штаба сепаратистов, и исполняющим обязанности вице-президента Ичкерии Саид-Хасаном Абумуслимовым, — содержал всего одно длинное предложение, в котором говорилось, что подписанты «совместно разработали Принципы определения основ взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой, на основе которых будет строиться дальнейший переговорный процесс».

Вторая бумага — сами эти принципы. Их три. Первый гласит, что соглашение об основах взаимоотношений между Россией и Чечней должно быть достигнуто до 31 декабря 2001 года. Иными словами, на то, чтобы определить статус Чечни, отпускается пять с лишним лет. То есть Чечне присваивается тот самый «отложенный статус», о котором все время шла речь на переговорах. Второй принцип заключается в том, что не позднее 1 октября формируется Объединенная комиссия из представителей госвласти России и Чечни и перечисляются некоторые ее задачи. Среди главных, пожалуй, — контроль за исполнением уже упомянутого Указа президента № 985 и подготовка предложений

по завершению вывода войск. Еще одна важная задача — подготовка программ восстановления социально-экономического комплекса Чечни, контроль за обеспечением населения продовольствием и медикаментами. Третий принцип определяет, каким должно быть законодательство Чеченской Республики. Среди прочего здесь можно заметить упоминание «права народов на самоопределение». Ничего нового для нас такое упоминание не представляет: как известно, во все годы советской власти такое право на словах закреплялось за всеми народами…

Вот и все. Сколько бы вы ни ползали по этим двум «хасавюртовским» бумагам, хоть с лупой, хоть с микроскопом, ничего такого судьбоносного, определяющего резкий поворот истории вы в них не найдете.

Впрочем, к Хасавюртовским соглашениям можно пристегнуть и соглашение, достигнутое 22 августа в Новых Атагах, и многое другое, — например, договоренность, к которой пришли Лебедь и Масхадов в том же селении несколько позже — 17 сентября: о графике вывода федеральных войск из Чечни и контроле за этим выводом, о формировании совместных правоохранительных органов, о разминировании минных полей возле ряда населенных пунктов и т. д.

Так или иначе, после подписания Хасавюртовских соглашений в Чечне почти на три года действительно воцарился относительный мир. Указ № 985 как бы обрел обоюдную силу: отныне его признавала и та, и другая сторона.

В ноябре Ельцин пошел еще дальше. 23-го числа он подписал Указ № 1590, в соответствии с которым из Чечни выводились последние российские воинские части — 101-я бригада внутренних войск и 205-я армейская бригада. Все! Наших солдат больше там не осталось.

Были, разумеется, протесты по поводу этого «безумного шага» президента, находящегося «в болезненном состоянии», но были и одобрительные отклики. «Фактически присутствие наших войск в Чечне стало бессмысленным, — сказал, комментируя этот президентский указ, депутат от „Яблока“ Вячеслав Игрунов. — Наши солдаты стали заложниками там. Практически все вопросы Чечни были решены уже в Хасавюртовских соглашениях. Дальнейшее сохранение наших войск на территории Чечни вело только к тому, что мы опасались за наших солдат и вынуждены были идти на уступки чеченцам».

Бездарно упущенный шанс

Сейчас Хасавюртовские соглашения (точнее, то, что после них

произошло, — вывод войск и фактическое предоставление Чечне независимости) принято оценивать крайне уничижительно, поносить всяческими словами. Дескать, они, соглашения, и такие, и сякие. Их подписание, мол, было, «хасавюртовской капитуляцией». Возможно, российская сторона в самом деле пошла в нем на чрезмерные уступки. Однако не думаю, что в целом эти соглашения заслуживают лишь негативной оценки. Они были достаточно приемлемы КАК ПЕРВЫЙ ШАГ в направлении к миру на чеченской земле. За ним должны были последовать другие шаги, необходимо было проводить упорную, последовательную работу, чтобы закрепить и развить достигнутые договоренности. Эмиль Паин, специалист по чеченской проблеме, — впрочем, человек академического склада, — по этому поводу пишет так:

«Мирный договор является лишь первым шагом на пути долгосрочного мира. Если следом за ним не начинается весьма кропотливая работа по рекультивации политического ландшафта, разрушенного длительным вооруженным конфликтом, то даже самые продуманные договоры терпят неудачу. Как раз такой рекультивации не было проведено…»

«Рекультивация политического ландшафта»… Как вы полагаете, российские чиновники и генералы, на чье попечение была отдана Чечня после Хасавюртовских соглашений, когда-нибудь слышали такие слова? Они хотя бы приблизительно понимают, что это такое? То-то и оно.

Говоря проще, требовалась серьезная практическая работа по помощи населению, по восстановлению республики, по обузданию экстремистов, по укреплению во власти людей умеренного умонастроения… Ничего этого, конечно, сделано не было. Не знали даже, как к этому подступиться. Самое выдающееся мероприятие — стали рыть ров по административной границе с Чечней. Никакой существенной материальной поддержки республике, отпущенной в свободное плавание, не оказывалось. Средства, которые вроде бы выделялись на ее восстановление, разворовывались, причем их разворовывание начиналось еще в Москве. Знаменитой стала по-детски наивная фраза Ельцина, которую он произнес на встрече с Масхадовым 12 мая 1997 года, произнес перед телекамерами: «Черт его знает, куда подевались 800 миллионов рублей, выделенные на восстановление Чечни».

Уж если президент не знает, куда деваются деньги…

Эмиль Паин замечает по этому поводу: «Напрасно президент поминал нечистую силу, — буквально рядом с ним стояли люди, хорошо осведомленные, куда ушли эти деньги». (На самом деле

разворовывались и разворовываются, конечно, несопоставимо более крупные суммы.)

Кстати, именно на той встрече Ельцина с Масхадовым, который к тому времени был избран президентом своей республики, был подписан, пожалуй, юридически более важный, чем Хасавюртовские соглашения, документ — «Договор о мире и принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия». То есть это уже был как бы договор между двумя независимыми друг от друга государствами. «Высокие договаривающиеся стороны, — говорилось в нем, — желая прекратить многовековое противостояние, подтверждая Хасавюртовские соглашения от 31 августа 1996 года, стремясь установить прочные, равноправные, взаимовыгодные отношения, договорились.» И первым пунктом шло наиболее значительное, о чем договорились: «Навсегда отказаться от применения и угрозы применения силы при решении любых спорных вопросов». И еще: «Строить свои отношения в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права…» Договор вступил в действие со дня его подписания.

Правда, непосредственно перед тем, как поставить свою подпись, Ельцин своевольно, как говорится, в одностороннем порядке, вычеркнул слова «подтверждая Хасавюртовские соглашения от 31 августа 1996 года», — к тому времени «герой Хасавюрта» Александр Лебедь был уже не в фаворе, — однако такая купюра ничего не меняла. Повторяю, юридически это был документ, наверное, более важный, чем Хасавюртовские соглашения, — хотя бы потому, что его подписали два президента, а не секретарь российского Совбеза и начальник Главного штаба Ичкерии, — однако так получилось, что в связи с временным, трехгодичным миром, установившимся в Чечне, как правило, упоминается, лишь Хасавюрт и почти никогда не упоминается Московский договор.

И все-таки обещание Ельцина было выполнено

Как бы то ни было, Ельцин выполнил свое предвыборное обещание, — прекратил кровавый конфликт на Северном Кавказе. Я думаю, в мировой истории не так уж много найдется подобных примеров — чтобы избирательная кампания приводила К СТОЛЬ ВЕСОМЫМ,

К СТОЛЬ ЗНАЧИТЕЛЬНЫМ РЕАЛЬНЫМ РЕЗУЛЬТАТАМ. Мы ведь знаем: в большинстве случаев все ограничивается пустыми посулами. А в истории российской этот случай, конечно, вообще

уникальный. Никогда ничего подобного в нашем отечестве не было ни прежде (начать с того, что и самих-то настоящих выборов не происходило!), ни после — до сегодняшнего момента. Как уже говорилось, преемник Ельцина, напротив, взлетел, так сказать, в электоральную высь исключительно благодаря милитаристским настроениям, умело вскипяченным в российском обществе.

Конечно, если подходить к делу формально, вторая чеченская война тоже началась ПРИ ЕЛЬЦИНЕ. Однако в тот момент его президентство было уже чисто номинальным. Во всех отношениях он уже представлял собой «пулю на излете». Реально в стране уже правили бал совсем другие люди…

СОГЛАШЕНИЯ СОБЛЮДАЮТСЯ. НА СЛОВАХ

«Военного решения там нет»

Итак, два года кровавой бойни в Чечне позади. В этой несчастной северокавказской республике воцарился мир. Виктор Черномырдин и три следующих российских премьера — Кириенко, Примаков, Степашин — формально соблюдали Хасавюртовские соглашения и Московский договор между Россией и Чечней 1997 года. За этим, конечно, стояла воля президента Бориса Ельцина.

Черномырдин, начиная с Буденновска, считался одним из главных сторонников мирного решения чеченской проблемы в московских коридорах власти. Кириенко, будучи выдвиженцем демократов, тоже, разумеется, был за мир в Чечне, но премьерствовал недолго, спустя четыре месяца был сметен августовским дефолтом. Курс на мирные переговоры с Чечней был продолжен и при Примакове. Уже через день после своего утверждения, 13 сентября 1998 года, в своем первом «премьерском» телеинтервью, — он дал его программе НТВ «Итоги», — Примаков заявил, что «категорически против» военного пути решения чеченской проблемы. По его словам, в Чечне «есть беззаконие» и «развивается сепаратизм», однако «нужно учитывать все тяжелые моменты, которые нам достались от истории», и постараться найти «формулу, которая позволит дать максимум того, что можно сделать в настоящее время», имея в виду конечную цель, — чтобы Чечня «оставалась в границах России».

Среди прочего, при Примакове вновь начали готовить встречу руководства Чечни и федерального центра. Предполагалось, что первым шагом будут переговоры чеченского президента Аслана Масхадова с самим Евгением Примаковым. Правда, министр национальной политики Рамазан Абдулатипов настаивал: дескать, перед тем, как перейти к организации таких переговоров, премьер должен выполнить то, что «обещал чеченцам ранее в том же 1998 году, когда представил в правительство программу первоочередных мер по восстановлению чеченской экономики». Эта программа, по его словам, оказалась «выброшенной», и пока ее не станут выполнять, ни о какой встрече «в верхах» нечего и думать.

Абдулатипов добавил, что в последние годы российское

руководство вообще занималось Северным Кавказом «фактически на уровне художественной самодеятельности, поэтому результат сегодня налицо».

Примаков обещает…

Так или иначе, 28 октября 1998 года появилось сообщение, что президент Чечни Аслан Масхадов получил приглашение встретиться с Евгением Примаковым. Встреча состоялась уже на следующий день во Владикавказе. Она длилась более двух часов. От имени российского правительства в очередной раз было обещано, что Чечне будет оказана необходимая помощь в восстановлении народного хозяйства, разрушенного в ходе войны, что Россия наладит в Чечне выдачу зарплаты учителям, медицинским работникам, выплату пенсий, в том числе участникам Отечественной войны. Договорились, что будет активизирована работа по поиску и освобождению взятых в плен российских военных, по выяснению судьбы пропавших без вести. При этом, однако, как заверил Примаков, силовые структуры вводиться в Чечню не будут.

В свою очередь, Аслан Масхадов обратил внимание на то, что договоры, которые подписали Россия и Чечня (имелись в виду, в частности, таможенный договор, банковское соглашение, соглашение по транспортировке через Чечню азербайджанской нефти) российской стороной по-прежнему не выполняются и это отрицательно сказывается на отношениях Москвы и Грозного. Он сказал также, что Чеченская Республика не намерена вмешиваться в дела соседних республик — напротив, она заинтересована в добрых отношениях со всеми соседями.

Эти слова многим вспоминались после, когда отряд Басаева вторгся в Дагестан. Вряд ли к тому времени Масхадов изменил свою позицию.

Примаков и Масхадов подписали совместное заявление, в котором, в частности, говорилось:

«Была достигнута договоренность о совместной работе по восстановлению ряда крупных предприятий в Чечне, рассмотрении и подготовке совместных инвестиционных проектов. Обсуждались вопросы участия регионов России, особенно Северного Кавказа, в восстановлении разрушенного хозяйства в Чеченской Республике. Стороны подтвердили ранее достигнутые договоренности, начиная с Договора о мире от 12 мая 1997 года. Гражданам Чеченской Республики, подвергшимся депортации в 1944 году, будет выплачиваться компенсация в соответствии с действующим российским законодательством».

В целом Примаков весьма высоко оценил итоги встречи, о чем сразу же уведомил по телефону президента Ельцина.

— Я подчеркнул, что речь идет о серьезном, как мне кажется, прорыве в наших отношениях, — сказал Примаков, рассказывая журналистам об этой встрече.

По словам премьера, президент «горячо одобрил» результаты переговоров.

Как «очень серьезный шаг вперед», расценил итоги переговоров и Сергей Степашин, в ту пору министр внутренних дел. Ему по должности приходилось много заниматься чеченскими проблемами.

Говоря о ситуации непосредственно в Чечне, он на встрече с журналистами заметил, что ситуация там сложная: «постоянно раскручиваются митинги».

— В целом обстановка в Чеченской Республике очень напоминает 1991 год, — сказал министр.

Степашин критиковал и поведение Москвы. По его словам, «федеральный центр должен быть более конкретным»: «если есть какая-то договоренность, — необходимо ее выполнять: обманывать людей нельзя». При этом Степашин добавил, что убежден — уж Примаков-то как премьер-министр данное слово сдержит, и чеченская сторона это прекрасно понимает.

В общем-то, ожидания чеченцев не оказались напрасными. Обещанная помощь пошла довольно скоро. В конце декабря чеченские правительственные чиновники «с удовлетворением» сообщали, что вот уже третий месяц подряд в Грозный без привычных задержек поступают пенсионные деньги, чем пенсионеры Чечни «приятно удивлены».

Началось погашение задолженности чеченским учителям…

«Ястребы» срывают мир

Однако уже в конце января в российской прессе усиленно стала раскручиваться тема чеченской организованной преступности. Совет Федерации по этому поводу принял обращение к Ельцину и Примакову: дескать, «в течение ряда лет» со стороны Чечни происходят вооруженные нападения на территорию Ставропольского края — похищаются и убиваются люди, угоняется скот.

В принципе, наверное, первым делом надо было бы договориться с Масхадовым о совместном обуздании преступников, однако пошли другим путем — обычной уголовщине стали придавать политическую окраску: все, мол, делается с ведома и при попустительстве чеченских властей.

Ситуация особенно обострилась после того, как 5 марта прямо в грозненском аэропорту был похищен генерал-майор милиции Геннадий Шпигун (его вытащили из готовившегося к взлету самолета). Российское МВД еще отнесло этот инцидент на счет оргпреступности, однако внутренние войска в прилегающем к Чечне регионе были приведены в состояние повышенной боевой готовности (что-то я не припомню, чтобы прежде такая мера принималась в противостоянии с обычными бандитами).

С этого момента античеченская, — направленная не против криминала, а В ЦЕЛОМ ПРОТИВ ИЧКЕРИИ, — кампания пошла по нарастающей.

Вместе с тем, Ельцин, по-видимому, довольно неохотно шел на шаги, которые приблизили бы необратимое преодоление роковой черты в отношениях с Чечней. 12 марта его пресс-секретарь Дмитрий Якушкин сообщил, что президент считает принципиально важными два момента: предпринять «активные ответные действия» в связи с похищением людей в Чечне, в частности, генерала Шпигуна, но при этом — сохранить там мир.

Властным чиновникам более низкого ранга, в том числе Примакову, оставалось следовать этой руководящей установке, по крайней мере, до того момента, пока они не услышат другую.

Кстати, Якушкин, — опираясь, разумеется, на мнение самого президента, — сказал, что допускает возможность встречи Ельцина и Масхадова, правда, после «очень тщательной подготовки». Как известно, через не очень долгое время московские власти станут утверждать, что в Чечне вообще не с кем вести переговоры.

В той ситуации, однако, не оставалось времени для долгой раскачки, и чеченская сторона выступила с предложением о новой немедленной встрече Примакова и Масхадова. Российское начальство не отвергло такую идею, но снова заявило, что и она должна быть «тщательно подготовлена». Хотя, казалось бы, чего тут долго раскачиваться: похищен высокопоставленный российский милицейский чиновник, надо что-то срочно делать для его спасения и лучше, — если сообща с чеченскими властями. Кстати, к тому времени Масхадов уже сам предложил действовать тут совместно.

В общем, все говорило о том, что Москва теперь не очень хочет проводить даже такую встречу — Примакова и Масхадова. Впрочем, и без нее Грозный прилагал усилия, чтобы вызволить Шпигуна из плена. Аслан Масхадов взял это дело под личный контроль.

К сожалению, эти усилия не принесли успеха. В конце концов, генерал Шпигун погиб, и часть ответственности за его

гибель, без сомнения, несут тогдашние московские правительственные чиновники, для которых курс на обострение отношений с Чечней был важнее спасения отдельной человеческой жизни.

Ельцин и Масхадов, возможно, все-таки встретятся

Следующий российский премьер Степашин среди главнейших своих задач поставил перед собой задачу наладить полноценный диалог с Чечней. Уже 14 мая, еще до утверждения Степашина председателем правительства, было объявлено, что и. о. премьера дал указание ускорить начатую еще при Примакове подготовку встречи Ельцина с президентом Чеченской Республики Асланом Масхадовым. Степашин пообещал, что он приложит все силы, чтобы эта встреча оказалась конструктивной. В дальнейшем он регулярно подтверждал, что соответствующая работа «активно продолжается».

Обстоятельства того времени были таковы, что надежда на встречу двух президентов то возрастала, то затухала. Можно только догадываться, какое сопротивление приходилось преодолевать Степашину в деле организации этой встречи.

28 мая Степашин сообщил, что предварительная договоренность о встрече уже есть и что единственно ее условие — она должна быть «серьезно подготовлена».

При этом он, правда, заметил, что президенту Чечни «уже пора и власть употребить», чтобы остановить криминал, исходящий из республики.

31 мая Степашин вновь вернулся к этой теме. По его словам, в ходе только что состоявшейся его беседы с президентом Ельцин вновь подтвердил необходимость своей встречи с главой Чеченской Республики Асланом Масхадовым, опять-таки заметив, что она должна быть «не просто встречей, а иметь серьезные последующие выводы».

11 июня в Ингушении с Масхадовым встретился сам Степашин. Он заверил, что обязательства, касающиеся Чечни, которые взяло на себя еще правительство Примакова, будут выполнены. На встрече обсуждались также меры против тех, «кто убивает, грабит, в целом дискредитирует Чеченскую Республику».

Естественно, был разговор и о предстоящей встрече Масхадова с Ельциным. Никто не подвергал сомнению, что эта встреча состоится. По словам Степашина, подготовка к ней «затягиваться не будет».

В свою очередь, Масхадов сообщил, что «начавшийся после длительного перерыва диалог с российским руководством может

снять напряженность во взаимоотношениях и будет способствовать достижению стабильности в Чечне и в России». Масхадов сказал также, что Россия вновь «обязалась оказать содействие» в восстановлении народного хозяйства Ичкерии.

Наконец, 15 июня уже сам Ельцин публично — через премьер-министра — дал «добро» на подготовку его встречи с Масхадовым. Предполагалось, что она состоится либо в июне, либо, что более вероятно, в июле.

«Ястребы» срывают переговоры

Итак, стремясь мирно решить чеченскую проблему, Степашин энергично готовил встречу Ельцина с Масхадовым. Между тем, тревожные события стали происходить на границах между Чечней и Дагестаном, а также Ставропольским краем. Пришло сообщение, что 17 июня вечером и ночью с 17-го на 18-е чеченские боевики напали на посты милиции и внутренних войск. Погибли люди. 18-го к месту ночного боя в Дагестане были направлены боевые вертолеты. Столкновения продолжались и в последующие дни.

В конце июля, когда боевики неизвестного происхождения (их сразу же окрестили ваххабитами) стали регулярно нападать на расположения милиции и внутренних войск в районе дагестанского Кизляра, Аслан Масхадов предложил провести встречу представителей правоохранительных органов Дагестана и Чечни, чтобы покончить с нападениями и перестрелками. Такая встреча состоялась на КПП «Гюрзельский мост». Договорились общими силами обеспечивать безопасность дагестанско-чеченской административной границы. Однако тишины и покоя за этим не последовало.

7 августа отряд «непримиримых» численностью около 650 человек захватил несколько дагестанских сел в труднодоступной горной местности на административной границе с Чечней. Это стало началом затяжной операции по очистке этих сел, не ясно — то ли от действительно пришлых, то ли от местных боевиков.

Было вполне очевидно, что кто-то поставил перед собой четкую цель — сорвать встречу Ельцина и Масхадова, да и вообще осложнить и без того непростые отношения между Москвой и Грозным.

Люди, близкие к Степашину, спрашивали его, как могло так получиться: он столько сил положил на мирное решение чеченской проблемы и вот.

— Кинули! Сволочи! — был ответ.

Это степашинское «сволочи» относилось, разумеется, к

чеченцам, хотя кто кого тогда «кинул» остается до сих пор неясным. В любом случае, вряд ли в этом можно обвинять Масхадова.

Резко изменилась и тональность публичных речей Степашина на эту тему.

— Бандиты есть бандиты, — сказал он, выступая в этот день (напомню, 7 августа. — **О. М.**) перед журналистами, — с ними надо поступать соответствующим образом. Заявления и разговоры, которые ведутся руководством Чечни о том, что оно якобы контролирует ситуацию, остаются только разговорами.

При этом премьер предупредил:

— Ошибки, которые были допущены в 1994 году, мы повторять не будем. Хватит, русский солдат там погибать не будет.

Что под этим имелось в виду, было не вполне понятно. Среди прочего, возможно, — что федералы теперь будут использовать какое-то новое высокоточное оружие, о котором говорилось в те дни во время поездки Степашина по Поволжью. Так или иначе, русские солдаты погибают на Северном Кавказе до сих пор.

8 августа, по согласованию с Ельциным, Степашин срочно вылетел в Махачкалу, чтобы на месте разобраться в происходящем, принять необходимые меры. Перед поездкой, комментируя ситуацию на Северном Кавказе, он заявил, что будет действовать решительно. По словам Степашина, события 1994–1995 годов в Чечне кого-то пугают, «руководители республики (по-видимому, имелось в виду — Дагестана. — **О. М.**) боятся брать на себя ответственность». «Я — не боюсь», — сказал Степашин.

То обстоятельство, что Степашин фактически «проморгал» события в Дагестане, наряду с некоторыми другими его промахами, конечно, не могли не отразиться на его дальнейшей карьере. Вообще-то, она заранее была предрешена Ельциным, — он не собирался ни надолго оставлять Степашина премьером, ни, тем более, делать его своими преемником, — но у некоторых близких к президенту и сочувствующих премьеру людей, до какого-то момента все-таки сохранялась надежда, что Степашин сумеет как-то переломить предрешенность своей судьбы. Теперь этой надежды почти не осталось.

9 августа утром Ельцин принял Степашина, поблагодарил его за хорошую работу и. отправил в отставку.

Исполняющим обязанности премьера Ельцин назначил директора ФСБ Владимира Путина.

Президент называет преемника

Непосредственно в день отставки Степашина Ельцин выступил с очередным телеобращением к россиянам. До их сведения было доведено, что основной причиной замены премьера послужило желание Бориса Николаевича за год до президентских выборов обнародовать имя своего преемника на посту главы государства и предоставить ему возможность за оставшийся без малого год проявить себя (хотя прямо слово «преемник», естественно, не прозвучало).

— Я решил назвать человека, — сказал Ельцин, — который, по моему мнению, способен консолидировать общество. Опираясь на самые широкие политические силы, обеспечить продолжение реформ в России. Он сможет сплотить вокруг себя тех, кому в новом XXI веке предстоит обновлять великую Россию. Это секретарь Совета безопасности, директор ФСБ России Владимир Владимирович Путин.

Ельцин сказал, что хорошо знает этого человека, «давно и внимательно наблюдал за ним» — еще со времен, когда тот был первым вице-мэром Санкт-Петербурга, а последние годы они работали «бок о бок». По словам Ельцина, на всех должностях Путин «действовал уверенно и твердо, добивался хороших результатов», «имеет огромный опыт государственной работы».

— Я в нем уверен, — сказал Ельцин. — Но хочу, чтобы в нем были также уверены те, кто в июле 2000-го года придет на избирательные участки и сделает свой выбор.

Все. Вопросов насчет дальнейшей судьбы Путина больше не оставалось.

Хорошо, конечно, когда президент прекрасно знает своего преемника, однако, неплохо было бы, чтобы и другие люди хоть немного его знали, особенно как государственного деятеля, человека, имеющего «огромный опыт государственной работы». Увы, таким знанием мало кто обладал, да и самого «огромного опыта» у бывшего сотрудника КГБ за плечами в тот момент, конечно, не было. Даже после того, как Путин стал президентом, у всех — и у нас, и за рубежом, — в голове и на языке долго еще вертелось: кто же он такой, этот Путин? Вспомним, знаменитый вопрос одного из иностранных корреспондентов — позже он не раз повторялся: «Кто вы, мистер Путин?»

Такого полного незнания не было ни при одном из предыдущих назначений на высокий пост — ни в случае Черномырдина, ни в случае Примакова, ни в случае Степашина. Ни при первом избрании президентом самого Ельцина.

Они «похожи характером» — оба жесткие

18 августа 1999 года, менее чем через сутки после того, как Дума утвердила Путина премьер-министром, Ельцин, в свою очередь, утвердил представленную премьером структуру нового правительства. При этом на встрече с журналистами произнес вроде бы лестные слова об одном из путинских качеств, — они, мол, с премьером «похожи характером» в способности к жестким действиям, и это, по его мнению, «позволит проводить единую линию».

К сожалению, жесткость Путина проявилась совсем не так, как жесткость Ельцина.

II. ПУТИН ВОЗОБНОВЛЯЕТ ВОЙНУ

И ОПЯТЬ БОЙНЯ В ЧЕЧНЕ

«Попытка свержения конституционного строя»

Главные события в Дагестане, послужившие запалом второй чеченской войны, как уже говорилось, начались в конце июля — начале августа 1999 года. 2 августа ближе к вечеру появились сообщения, что в Цумадинском районе вблизи чеченской границы «более часа» идет бой между правоохранительными органами и «ваххабитами».

Впрочем, уже через полчаса пришла успокаивающая информация: «ситуация с вооруженным столкновением нормализуется». Она сопровождалась безапелляционным утверждением: «инцидент был спровоцирован с сопредельной стороны, из Чечни».

Этому скоротечному инциденту подозрительно скоро, уже на следующий день, — по всем признакам, без особого разбирательства, — была дана предельно широкая интерпретация: некий «высокопоставленный руководитель спецслужб Дагестана» расценил его как попытку свержения конституционного строя в республике, предпринятую «религиозными экстремистами, которыми руководят определенные силы из Чечни и зарубежья». По словам этого «высокопоставленного руководителя», «в течение месяца, к концу первой декады сентября», экстремисты, начав с Цумадинского района, собирались «утвердить исламскую республику» на всей территории Дагестана.

Правда, уже 5 августа министр внутренних дел республики Адильгерей Магомедтагиров категорически опроверг сообщение о якобы готовящемся в Дагестане и подготовленном в Чечне вооруженном мятеже. «Распространение в СМИ непроверенных сообщений направлено на то, чтобы сеять страх и панику среди населения, — рассерженно заявил министр. — При этом делается попытка изобразить ситуацию в республике как крайне неустойчивую и неуправляемую».

Что-то там у них не заладилось. Не состыковалось. То ли министру забыли сообщить, что у него под боком созрел такой мощный заговор, то ли он проявил упрямство, — не согласился подтвердить, что на подведомственной ему территории такое вообще возможно. Оно и понятно: подтвердить это — согласиться, что ситуация в Дагестане «крайне неустойчивая и неуправляемая», — означало бы расписаться в собственной

некомпетентности и профнепригодности.

Снова Басаев…

Следующий шаг к войне был сделан 7 августа (эта дата тоже уже называлась). В этот день утром появилась информация, что из Чечни в Ботлихский район Дагестана проникла группа примерно из пятисот боевиков, которая захватила два высокогорных села. Руководит этой группой все тот же Шамиль Басаев.

Опять-таки подозрительно быстро, — несмотря на то, что все происходило в отдаленной высокогорной местности, — было установлено, что в составе группы не только чеченцы и дагестанцы, но также украинцы, узбеки, таджики, арабы, афганцы, турки. Позже «появятся» еще и негры… В общем — «международный терроризм», что и требовалось доказать.

В этот же день последовало заявление генерального представителя Чечни в Москве, что «официальный Грозный не имеет никакого отношения к боевикам, захватившим сегодня два населенных пункта в высокогорном районе Дагестана». Но кого же это интересовало? Для московской «партии войны» было вполне достаточно, что боевики пришли из Чечни и во главе их стоит один из ближайших сподвижников чеченского президента Аслана Масхадова.

И началось. Дело уже не ограничилось перестрелкой, наподобие той, что случилась 2 августа. С российской стороны против шестисот пятидесяти боевиков (это была уточненная цифра; позже, правда, называлась еще и другая — «до 1200») началась настоящая широкомасштабная операция. В Дагестан в огромном количестве начали перебрасываться дополнительные войска. Ежедневно в Махачкале приземлялись десятки военно-транспортных самолетов. Подразделения ВДВ и спецназа, готовясь к решительному удару, захватили ряд господствующих высот. Штурмовые вертолеты («черные акулы») непрерывно наносили по боевикам огневые удары, «активно работала» артиллерия.

И вот результат: как сообщалось, за сутки были уничтожены четыре миномета, четыре зенитные установки, пять автомобилей, склад с боеприпасами. И даже… два танка.

Откуда там, в высокогорье, у боевиков взялись танки, не очень понятно. Ну да ладно, на войне, в информационных сводках, много бывает непонятного. Может, у федералов эти танки успели отнять, спустившись с гор.

Сообщалось также, что среди захваченных в плен боевиков

оказался переводчик известного полевого командира иорданца Хаттаба. Он подтвердил, что на стороне «сепаратистов» воюют арабы. Опять свидетельство, что терроризм тут — международный.

Версия «той» стороны

Лично мне — да, наверное, и не мне одному, — с самого начала показалось странным, что в той напряженной, на грани взрыва, обстановке, при тех накаленных отношениях между Москвой и Грозным Басаев с несколькими сотнями боевиков полез в Дагестан. Устанавливать там «исламскую республику». Зачем ему это? Неужели он не понимал, что его поход неизбежно станет искрой для нового пожара на Северном Кавказе, прежде всего в Чечне?

В одном из интервью Басаев признался, что понимал это. И все-таки предпринял этот поход.

По его версии, дело обстояло таким образом. Ключевой фигурой во всей этой заварухе оказался некто Багауддин, дагестанец, известный исламский лидер, живший в то время в Чечне, в Урус-Мартане, на положении беженца.

Весной и летом 1999-го к нему зачастили посланцы из родной республики, настойчиво призывавшие его вернуться в Дагестан. Аргументация была такова: зачем тебе тут маяться в качестве беженца? — на родине тебе ничто не угрожает, ты сможешь продолжать жить, следуя предписаниям шариата, единственное условие — признавать власть Москвы. В доказательство, что за шариат людей в Дагестане не преследуют, приводили селения Карамахи и Чабанмахи: тамошним жителям в этом смысле предоставлена полная свобода.

В конце концов Багауддин поддался на уговоры, перешел со своим отрядом примерно в двести человек в родной ему Цумадинский район Дагестана и… попал в западню. Те первые бои, происходившие в этом районе 2–3 августа, как раз и шли между отрядом Багауд-дина и поджидавшей его милицией и военными.

Багауддин попал в окружение и запросил у Басаева помощь. Тот собрал на совещание полевых командиров. Решили, что их долг, диктуемый «законом гор», — помочь.

После того, как Багауддина вызволили из окружения, все боевики покинули Дагестан. Однако через короткое время опять вернулись. Теперь — откликаясь на еще один зов о помощи: теперь он исходил от жителей того самого «вольнодумного» села Карамахи, которых войска и милиция силой оружия принялись-

таки отучать от «ваххабизма».

В принципе, наверное, достаточно было и одного басаевского вторжения, чтобы говорить о наглом нападении чеченских боевиков на соседний субъект Российской Федерации. Но второе вторжение еще более усилило эту версию.

Двое в одной берлоге

Если все было действительно так, как излагал Басаев, у авторов той спецоперации в российских спецслужбах, по-видимому, была двойная цель — ликвидировать «ваххабизм» в дагестанских селах Карамахи и Чабанмахи и, главное, получить предлог для возобновления чеченской войны.

Надо сказать, спецоперация полностью удалась. И в той, и в другой части.

Впрочем, главное не в том, кто кого спровоцировал. Факт остается фактом: Басаев действительно попался на удочку, — вторгся в Дагестан с вооруженным отрядом и вступил в бой с федеральными силами, вполне сознавая, что это открывает дорогу к новой войне.

С политической точки зрения, это было безрассудство, но горец тут следовал этому самому «закону гор»: не оставляй товарища в беде.

Поставил ли он в известность Масхадова о своих намерениях? Возможно, и поставил, сохраняя при этом сугубую секретность. Но что не вызывает сомнений, благословения на поход от чеченского президента не получил. Более того, позднее Масхадов не раз говорил, что осуждает ту басаевскую акцию, нанесшую Чечне такой вред, даже грозил отдать под суд ее главных участников…

Однако Басаев не нуждался в благословении Масхадова и не боялся наказания. Они, Басаев и Масхадов, придерживались совершенно разных взглядов на то, как надо вести себя с Россией. Масхадов верил, что, несмотря ни на что, с Кремлем можно договариваться: в этой вере его укрепляли Хасавюртовские соглашения 1996 года, Московский договор 1997-го, три относительно мирных года, минувшие с момента подписания этих документов, переговоры с Примаковым и Степашиным… Басаев же был убежден, что русские понимают только силу оружия, и считал Масхадова «чеченским Донкихотом».

Совершенно невозможно понять, как могли два человека столь противоположных взглядов так долго, одновременно, оставаться в руководстве мятежной республики? Кто-то один должен был уступить. По идее, уступить, подчиниться надлежало

Басаеву, поскольку Масхадов был законно избранным президентом Ичкерии. Но — он не уступил, не подчинился…

Это, разумеется, сыграло свою — возможно, ключевую — роль в дальнейшем трагическом развитии чеченских событий.

Хотя, если говорить конкретно об августовских событиях 1999 года в Дагестане, думаю, мало кто сомневается: не случись тогда басаевского проникновения в соседнюю республику, Москва придумала бы какой-нибудь другой удобный предлог для возобновления чеченской войны. «Партия войны» не собиралась мириться с той ситуацией, которая возникла в отношениях с Чечней за три года перед этим.

Рейтинг Путина… один процент

Итак, Путин возглавил правительство в момент критического обострения ситуации на Северном Кавказе. Внешне это вполне могло выглядеть так, что президент недоволен Степашиным, «прозевавшим» этот кризис, и пришел к выводу: его следует заменить человеком более решительным и твердым. Возможно, такой мотив в самом деле присутствовал в решении президента. Но не он был главным. В окружении Ельцина знали: Ельцин давно, еще до назначения Степашина премьером, сделал ставку на Путина и теперь окончательно решил — время пришло, дальше тянуть с его выдвижением не стоит.

Между тем, мало кто верил тогда, что правительство Путина окажется долговечным. По опросу Фонда «Общественное мнение», проведенному 14 августа, свыше четверти опрошенных — 27 процентов — полагали, что оно, это правительство, продержится не более трех месяцев, и примерно столько же — 28 процентов, — что срок его жизни будет от трех месяцев до полугода. То, что Путин и его кабинет усидят в Белом доме дольше, считали только 19 процентов.

Причины неверия в долгожительство нового правительства были ясны: во-первых, в течение последних месяцев, — начиная с марта 1998-го, — правительства менялись одно за другим; во-вторых, если уж во главе кабинета поставлен никому не известный человек, ему и подавно долго не продержаться.

Кстати, насчет известности нового премьера. В том же опросе Фонда 74 процента ответивших сказали, что до назначения Путина исполняющим обязанности премьера вообще ничего о нем не знали, 24 процента — были в той или иной степени наслышаны о нем.

И, наконец, — каков был первый измеренный социологами «президентский» рейтинг Путина («Если бы выборы президента

проходили в ближайшее воскресенье.»)? Он составлял. один процент. То есть не превышал статистической ошибки. С таким же успехом можно было бы считать, что путинский рейтинг — ноль.

Путин обещает…

Как и любой кандидат в премьеры, Путин перед его утверждением не скупился на обещания. Обязался продолжить демократические преобразования в России, сохранить курс на экономические реформы и «руководствоваться рыночными механизмами».

Правда, как и его предшественники, — Примаков, Степашин, — заметил, что «реформы не самоцель, а механизм улучшения жизни народа».

— Надо покончить с революциями, — сказал Путин, выступая с думской трибуны при его утверждении. — Надо сделать так, чтобы в стране не было нищих. Процветающих государств с нищим населением не бывает.

В общем, подобно предыдущим премьерам, дал понять, что он будет проводить «хорошие» реформы и не будет проводить «плохих».

Среди прочего, естественно, Путин пообещал сохранить свободу слова:

— В условиях демократического общества недопустимо ограничивать прессу.

Добавил, правда, что «и вакханалии в прессе мы допустить не можем». Впрочем, под «вакханалией» он имел в виду главным образом изобилие сцен насилия и «порнухи» на телевидении: надо, дескать, «контролировать мораль и нравственность на телеэкране». Этого добра — «порнухи» и насилия — на ТВ по-прежнему хватает и даже, по моим ощущениям, стало значительно больше. А вот «вакханалию» свободы слова, в общепринятом смысле — свободу выражения различных мнений — Путин действительно пресек довольно быстро.

Но это еще было впереди…

16 августа Дума утвердила Путина в должности председателя правительства. «За» проголосовали 232 депутата (при общем числе, напомню, 450).

КОНЕЦ ЕЛЬЦИНА-МИРОТВОРЦА

«Не спеша одолеем эту проблему»

Вернемся, однако, к главному, на чем было сфокусировано тогда всеобщее внимание, — к Чечне. И к человеку, от которого, формально говоря, прежде всего зависело, в каком направлении будет развиваться ситуация вокруг этой республики. Любопытно, что еще какое-то время после начала чеченско-дагестанских событий Ельцин стоял на той же позиции, какую занимал в 1996 году, когда шел на выборы под флагом установления мира в Чечне, и три последующих года. Позиция эта, если коротко, заключалась в следующем: надо набраться терпения и шаг за шагом, ведя переговоры с Масхадовым, идти к намеченной цели — к ситуации, которая устраивала бы и Москву, и Грозный. Главное — не делать глупостей, не совершать никаких резких движений.

Еще и 12 августа 1999 года Ельцин в беседе с журналистами говорил о чеченской проблеме довольно благодушно. Он, конечно, признавал, что Северный Кавказ и, в частности, Чечня — «это, пожалуй, самый сложный участок», что сейчас в этом регионе «идут серьезные действия», но при этом явно был не склонен чересчур драматизировать тамошнее положение дел.

— Мы считаем, что постепенно, как мы и планировали, не спеша, удастся одолеть эту проблему, — сказал президент и добавил полушутливо, обращаясь к стоявшему рядом и. о. министра по чрезвычайным ситуациям Сергею Шойгу, — Одолеем?

— Я думаю, да, — охотно поддакнул тот.

Запомним эту дату — 12 августа — и эту ельцинскую позицию.

Первая скрипка — в руках Путина

Между тем, практическое ведение чеченских дел сразу же оказалось в руках Путина. Ельцин полностью передоверил ему эти дела. У нового премьера ельцинского благодушия явно не было. Хотя начинал он «решение чеченской проблемы» тоже довольно осторожно. И военный нажим на Грозный, и соответствующую агрессивную риторику наращивал постепенно.

В середине августа он как бы еще признавал Хасавюртовские соглашения, подчеркивал, что Россия всегда «последовательно и

скрупулезно» их выполняла, и только сетовал, что с другой стороны такого же выполнения не наблюдается. Однако вскоре Путин вообще отказался признавать документ, подписанный в августе 1996-го в Хасавюрте, и уже не отзывался о нем иначе, как только о досадной ошибке, допущенной его предшественниками.

Хотя с каждым днем становилось все очевидней, что новый глава Белого дома ведет дело к возобновлению чеченской войны, он не уставал повторять, что «решить проблему этой республики, как и другие межнациональные конфликты, можно только политическими средствами, а силой эту проблему решить нельзя». Постоянно говорилось также, что встречи и переговоры с законно избранным президентом Чечни Асланом Масхадовым «по-прежнему планируются», более того, контакты с ним — через его посланцев — никогда и не прерывались… Но параллельно с этим звучали другие, совершенно противоположные слова: дескать, в Чечне «не с кем» вести переговоры, переговоров с «бандитами» никогда не будет…

Кто там, в Чечне, «бандит», кто «не бандит», никто никогда особенно не разбирался. Постоянно, упорно проводилась линия на то, чтобы и Масхадова причислить к «бандитам».

Уверения о приверженности линии переговоров делались в основном для Запада. Грозные же восклицания «Никаких переговоров с бандитами!» адресовались главным образом российской публике, у большинства которой они и получали безоговорочное «одобрямс».

Ельцина призывают лично заняться проблемой Чечни

С каждым днем становилось все очевидней, что Путин возглавил «партию войны» и ведет дело к возобновлению вооруженного конфликта, заглохшего три года назад. Некоторые из политиков пытались призвать Ельцина, чтобы он вернул тут себе инициативу, чтобы сам, как в прежние времена, взял на себя рычаги управления. В конце концов, кто еще как не президент должен заниматься проблемой такой степени важности — вооруженным конфликтом, войной? Да и все силовики, по традиции, непосредственно подчиняются ему, президенту, а не кому-то еще, не премьеру.

— Президенту Российской Федерации Борису Ельцину необходимо в максимально кратчайшие сроки встретиться с Асланом Масхадовым, — заявил на пресс-конференции 26 августа депутат-коммунист Виктор Илюхин. — Эта встреча подняла бы авторитет федеральной власти в глазах всех жителей Чечни. Ее необходимо провести хотя бы только ради самой встречи. А все

экономические, политические и прочие вопросы можно решить на встрече Масхадова с Путиным.

С аналогичными требованиями выступали и другие политики: война — это дело «президентского уровня», такое ответственное дело нельзя перепоручать никому.

Но у Ельцина уже не было ни желания, ни сил снова взваливать на себя эту неподъемную ношу — Чечню. К тому же он вполне доверял Путину, которого уже определил в свои преемники.

Ельцин дает команду «Огонь!»

Как мы видели, еще недавно Ельцин говорил о перспективах решения чеченской проблемы довольно благодушно. Напомню его слова, сказанные 12 августа:

— Мы считаем, что постепенно, как мы и планировали, не спеша, удастся одолеть эту проблему.

Однако уже менее чем через месяц в его настроении наступил РЕЗКИЙ ПЕРЕЛОМ. По-видимому, получив от Путина некую информацию о том, что происходит в Дагестане (их встреча прошла 7 сентября), президент в этот же день срочно созвал Совет безопасности. От его былого благодушия не осталось и следа.

Ельцин заявил, что еще неделю назад у него была уверенность, что операция в Дагестане завершена, «однако бандиты предпринимают новые террористические акты, взрывают дома, убивают людей». По его словам, боевиков напрасно называют исламистами, — они воюют против мусульманских народов Северного Кавказа.

— У террористов нет ни веры, ни национальности, ни Аллаха. Это выродки и убийцы, — заявил Ельцин.

— Из-за поражения, — продолжал он, — бандиты стали действовать более жестоко. Соответственно, и ответные действия должны быть адекватными, — надо действовать более жестко. Надо ликвидировать корни этой заразы. Надо лишить их подпитки — военной, финансовой и моральной.

Итак, 7 СЕНТЯБРЯ 1999 ГОДА ЕЛЬЦИН ФАКТИЧЕСКИ ОТРЕКСЯ ОТ СВОЕЙ ЛИНИИ НА МИРНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗРЕШЕНИЕ ЧЕЧЕНСКОГО КОНФЛИКТА, — той, которой придерживался несколько предыдущих лет. Фактически он перечеркнул свои покаянные слова и действия 1996 года, когда он ценой неимоверных усилий остановил-таки, казалось бы, неостановимую войну…

Понятно, что этот перелом был следствием той самой

информации, которую клали ему на стол силовики и Путин. Проверить эту информацию из независимых источников у него не то что не было возможности — не было, по-видимому, и особенного желания. Хотя вообще-то оценить достоверность получаемых сведений, наверное, не составляло труда даже с помощью обычной логики: если подумать, для чего боевикам, которым противостоит регулярная армия, внутренние войска, свезенные отовсюду ОМОН и милиция, восстанавливать против себя еще и мирное население, творя против него разнузданный террор? В чем здесь глубокий стратегический замысел?

Однако Ельцин в иные моменты проявлял удивительную наивность. Мы ведь помним, как в январе 1996-го силовики вешали ему «лапшу на уши»: дескать, к штурму Первомайского все готово, — вокруг села рассажены 38 снайперов, так что каждый непрерывно держит на мушке «своего» террориста. И еще: Ельцин тогда охотно поверил сказке, будто боевики заранее построили в Первомайском мощные подземные укрепления с разветвленной системой ходов сообщения. Отсюда, дескать, и сложности в овладении «укрепрайоном». (Позже, как мы знаем, выяснилось, что на самом деле из-за заболоченной почвы жители Первомайского не то что подземных ходов — даже подвалов у себя под домом не роют).

Как бы то ни было, и в сентябре 1999 года президента, по-видимому, оказалось нетрудно убедить, что вторгшиеся в Дагестан полчища боевиков под руководством Шамиля Басаева, состоящие в основном из иностранных наемников (главным образом, это арабы, но есть даже негры) творят на дагестанской земле абсолютный беспредел — грабят, убивают мирных жителей, поджигают дома. Что в распоряжении террористов разнообразная современная военная техника, включая танки…

С этого момента «партия войны» фактически получила от президента карт-бланш на действия на Северном Кавказе. Более того, услышала его высочайшее напутствие — действовать «жестко», с тем чтобы до конца ликвидировать «эту заразу»..

ВЗРЫВЫ, ВЗРЫВЫ, ВЗРЫВЫ…

Буйнакск, Москва, Волгодонск…

Параллельно с дагестанскими событиями начались своего рода «боевые действия» и за его пределами, в том числе в российской столице.

31 августа произошел взрыв в торговом центре под Манежной площадью. О нем сейчас мало вспоминают, хотя именно он положил начало серии громких терактов той осени. Не вспоминают, надо полагать, потому, что погибших, к счастью, не оказалось, — лишь раненые, 29 человек.

Следующий взрыв был уже не таким «щадящим». 4 сентября поздно вечером взорвали жилой дом в одном из военных городков в дагестанском Буйнакске, где как раз в это время шли боевые действия между федералами и чеченско-дагестанскими боевиками. Дом взорвали, подогнав к нему машину со взрывчаткой. Погибли и умерли от ран 64 человека.

9 сентября, рано утром, практически еще ночью, в Москве, на улице Гурьянова, взорвали жилой девятиэтажный дом. Обрушили два подъезда.

Первоначальная «официальная» версия МЧС — взорвался бытовой газ. Об этом сказал сам Путин, открывая утром в этот же день заседание правительства. Однако днем позже объявили, что бытовой газ тут не причем, — сработало взрывное устройство, обнаружены следы гексогена и тротила.

Погибли 106 человек. Множество раненых.

Спустя четыре дня, 13 сентября, — еще одна трагедия в столице: взрывом (он случился опять-таки рано утром) полностью разрушен восьмиэтажный кирпичный дом на Каширском шоссе. Погибших — 131 человек.

Следующая точка, выбранная варварами-подрывниками, — почему-то Волгодонск, возле Ростова. 16 сентября. То же примерно время — раннее утро. Как и в Буйнакске, взорвалась начиненная взрывчаткой автомашина, припаркованная между девятиэтажным панельным домом и зданием местного РУВД. Обрушились фасады двух подъездов жилого дома, начался пожар… На этот раз жертв было несколько меньше — семнадцать…

Слухи о близкой отставке Путина

В какой-то момент некоторым показалось, что череда страшных взрывов, неостановимо следующих один за другим, могут положить конец карьере Путина, что премьерское кресло под ним зашаталось. В других странах такое нередко бывает: кому же и нести ответственность за такой террористический беспредел, как не главе правительства. А в нашем случае к тому же пост премьера только что занял человек, руководивший Федеральной службой безопасности, — тут на него вроде бы ложится двойная ответственность. Во всяком случае, слухи о близкой путинской отставке поползли по Москве.

Однако Кремль тут же категорически опроверг их.

— Этого (то есть отставки председателя правительства. — **О. М.**) не будет, — заявил пресс-секретарь Ельцина Дмитрий Якушкин. — Ельцин считает, что Путин — сильный премьер с огромным потенциалом, и он ему доверяет.

При этом Якушкин счел нужным вернуться к истории замены Степашина Путиным, сказав, что решение Бориса Ельцина отправить Степашина в отставку «не было случайным, спонтанным решением». И пообещал: «Придет день, когда мы сможем более подробно говорить о причинах этого решения».

Однако этот день так и не пришел. Широкая публика так и не узнала, почему же все-таки Ельцин снял одного и назначил другого.

Странное происшествие в Рязани

23 сентября утром информагентства сообщили об очередном. как бы это поточнее сказать. подрыве — не подрыве. К счастью, очередной подрыв жилого дома (дело было в Рязани, на улице Новоселова) не состоялся, но, как следовало из сообщений, — по чистой случайности: один из жильцов, возвращаясь домой поздно вечером, заметил, как двое неизвестных занесли в подвал здания какие-то мешки. Поднял тревогу.

Сообщения о предотвращенном происшествии предварялись кричащими заголовками. РИА «Новости»: «Минувшей ночью сотрудники милиции обнаружили в подвале жилого дома в Рязани три мешка со взрывчаткой».

Газеты на следующий день уже подробно описывали, как все произошло. «Коммерсант»:

«В ночь на четверг в Рязани была обезврежена мощная бомба, заложенная террористами в подвал двенадцатиэтажного дома. Жертвами теракта могли стать 240 человек, проживающие в нем. Спас их водитель рейсового автобуса Алексей Картофельников, также живущий в этом доме.

Около девяти вечера Алексей Картофельников вернулся после смены домой. Поставил машину в гараж и пошел к подъезду. В цокольном этаже дома расположен круглосуточный продовольственный магазин „День и ночь“. Проходя мимо него, водитель обратил внимание на то, что рядом с соседней дверью, ведущей в технический подвал, стоит автомобиль ВАЗ-2107 белого цвета. Цифровой код региона на госномере машины был заклеен бумагой, а на ней от руки написано число 62 (код Рязанской области).

— Из „семерки“ вылезли двое мужчин и женщина в спортивном костюме, — рассказывает Картофельников. — Они стали заносить в подвал какие-то мешки. Я находился в слабо освещенном месте, и они меня, к счастью, не заметили…

Картофельников пробрался в свой подъезд и позвонил в милицию. Патруль примчался минут через пять, но „семерки“ на месте уже не было. Спустившись в подвал, милиционеры обнаружили три лежавших друг на друге мешка по 60 килограммов каждый. Верхний был вскрыт. В нем находилось вещество, похожее на сахарный песок, из которого торчали провода. Патрульные сразу же доложили о находке в ОВД. Буквально через несколько минут у дома собралось руководство всех силовых структур города и области.

Жильцов минут за пятнадцать вывели на улицу.

— Было страшно, — говорит жительница дома Татьяна Голубенко. — Но никто не паниковал. Быстро собрали деньги и документы, одели ребенка и уехали к родственникам.

Среди жильцов оказалось несколько инвалидов, которых сотрудникам МЧС пришлось выносить на улицу на руках.

На время обезвреживания бомбы большинство жильцов отправили в расположенный рядом кинотеатр „Октябрь“.

— Люди были в шоке, — рассказывает его директор Валентина Рытова. — Но постепенно начали приходить в себя…

Вскоре к дому приехала опергруппа инженерно-технического отдела муниципальной милиции… Привезенный ими детектор паров взрывчатых веществ показал, что в мешках находится гексоген… Взрывотехники аккуратно разгребли сахар вокруг проводов. Оказалось, что они подсоединены к электронным часам, изготовленным в виде пейджера, и трем батарейкам. Время взрыва было установлено на 5—30 утра. Детонатором служила гильза от охотничьего патрона двенадцатого калибра, заполненная порохом. Часы остановили за семь часов до взрыва».

Не только жильцы едва не подорванного дома, но и вся страна пребывала в шоке. Получалось, что любой дом в любом российском городе может взлететь на воздух, если только этому

не помешает какая-то случайность.

Премьер Путин, выступая 23-го вечером в Ростове-на-Дону, попытался приободрить население, — сделал упор на то, что «мешки, в которых оказалась взрывчатка», все-таки были ведь замечены! Поставил рязанцев в пример остальным россиянам: мол, «сегодня удалось избежать трагедии в Рязани исключительно благодаря бдительности жильцов дома, позвонивших в милицию и сообщивших о подозрительных мешках, которые неизвестные пытались спрятать в подвале их дома».

Призывы к всеобщей бдительности продолжали раздаваться и на следующий день. Министр внутренних дел Владимир Рушайло, самокритично заявив, что «все мы без исключения оказались не в полной мере готовы к отражению массированной угрозы терроризма», вместе с тем отметил, что все же тут есть определенные положительные сдвиги, — вот предотвращен взрыв жилого дома в Рязани.

Эти слова руководитель МВД произнес 24 сентября примерно в одиннадцать утра, а чуть позже, около трех часов пополудни, его коллега глава ФСБ Патрушев в интервью НТВ огорошил всех сногсшибательной новостью:

— Это не был взрыв… И предотвращения взрыва не было. Это было учение, там был сахар. Взрывчатого вещества не было.

Ничего себе! Ну ладно, журналисты не знают, что попытка подорвать многоэтажный жилой дом на сей раз была не настоящей, — проводились учения. Ладно местные рязанские власти, включая губернатора, об этом не знают. Ладно, этого не ведает министр внутренних дел (хотя его рязанские подчиненные уже с ног сбились, разыскивая подрывников, скрывшихся на белой «семерке» с заклеенным номером). Но, черт возьми, председатель-то правительства должен обо всем этом знать! Но и он, выходит, не знает…

Странные какие-то, ей-Богу, учения. Не встречавшиеся до той поры, я думаю, нигде, ни в одной стране мира.

…Так или иначе, Патрушев во всеуслышание признал, что мешки в подвал рязанского дома закладывали сотрудники его ведомства.

Что касается «учений»… Не все в них поверили. Так, газета «Челябинский рабочий» в номере от 29 сентября, то есть спустя пять дней после заявления лубянского начальника, писала:

«Как стало известно „Челябинскому рабочему“ из хорошо информированного источника, никто из оперативников МВД и их коллег в УФСБ по Рязанской области не верит в „учебные“ закладки взрывчатки в городе. По мнению высокопоставленных

сотрудников правоохранительных органов, жилой дом в Рязани был реально заминирован неизвестными с применением настоящей взрывчатки и тех же детонаторов, что и в Москве. А милиционеры, общавшиеся со своими коллегами-криминалистами, проводившими первую экспертизу мешков, по-прежнему утверждают, что в них действительно был гексоген, и ошибки быть не может. Это показала и специально обученная собака, привезенная на место обнаруженной закладки».

Аналогичную информацию опубликовал ряд других региональных изданий.

ПУТИН РАЗЖИГАЕТ ВОЙНУ

«Хасавюрт был ошибкой»

Как уже говорилось, до какого-то момента Путин просто сетовал, что чеченская сторона не соблюдает Хасавюртовские соглашения: мы-то, дескать, их признаем, соблюдаем, а вот чеченские сепаратисты.

Однако с середины сентября глава российского правительства стал прямо утверждать, что упомянутые соглашения были «ошибкой» и высказался за их пересмотр.

Здесь его охотно поддержали и Дума, и Совет Федерации.

Но что собой представляли Хасавюртовские соглашения? Как уже говорилось, сам документ, обозначаемый этим именем, был довольно безобидным, — в нем фиксировались лишь общие принципы, которым Россия и Чечня обязуются следовать в своих отношениях. Правда, позднее под Хасавюртовскими соглашениями стали понимать ряд документов, в том числе подписанных до и после самого соглашения, — указы Ельцина, частные договоренности между Лебедем и Масхадовым… Весь этот пакет документов узаконивал полный вывод федеральных войск из Чечни и фактическое предоставление независимости этой республике.

Возможно, российская сторона, в самом деле, пошла тут на чрезмерные уступки. Однако, думаю, эти документы были достаточно приемлемы как первый шаг в направлении к миру на чеченской земле. За ним должны были последовать другие шаги, необходимо было проводить упорную, последовательную работу, чтобы закрепить и развить достигнутые договоренности.

Напомню, что писал об этом Эмиль Паин, специалист по чеченской проблеме:

«Мирный договор является лишь первым шагом на пути долгосрочного мира. Если следом за ним не начинается весьма кропотливая работа по рекультивации политического ландшафта, разрушенного длительным вооруженным конфликтом, то даже самые продуманные договоры терпят неудачу. Как раз такой рекультивации не было проведено…»

Говоря проще, требовалась серьезная, кропотливая практическая работа по помощи населению, по восстановлению республики, по обузданию экстремистов, по укреплению во власти людей умеренного умонастроения. Ничего этого сделано не было. Не знали даже, как к этому подступиться. Да и не хотели

ничего такого делать. Никакой существенной материальной поддержки республике, отпущенной в свободное плавание, не оказывалось. Средства, которые вроде бы выделялись на ее восстановление, неизменно разворовывались, причем их разворовывание начиналось еще в Москве.

Как мы знаем, 12 мая 1997 года Ельцин и Масхадов подписали в Кремле документ, юридически несравненно более важный, чем Хасавюртовские соглашения — «Договор о мире и принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия». То есть это уже был как бы договор между двумя независимыми друг от друга государствами. «Высокие договаривающиеся стороны, — говорилось в нем, — желая прекратить многовековое противостояние, стремясь установить прочные, равноправные, взаимовыгодные отношения, договорились…» И первым пунктом шло наиболее значительное, о чем договорились: «Навсегда отказаться от применения и угрозы применения силы при решении любых спорных вопросов». И еще: «Строить свои отношения в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права…» Договор вступил в действие со дня его подписания.

Повторяю, юридически это был документ, без сомнения, более важный, чем Хасавюртовские соглашения, — хотя бы потому, что его подписали два президента, а не секретарь российского Совбеза и начальник Главного штаба Ичкерии, — однако так получилось, что в связи с временным, трехгодичным миром, установившимся в Чечне, как правило, упоминался и упоминается, лишь Хасавюрт и почти никогда — Московский договор.

Хотя к середине сентября 1999 года стало достаточно ясно, что дело идет к новой войне, у многих все же сохранялась надежда, что в последний момент власти образумятся и не допустят возобновления бойни. Так, 17 сентября 1999 года «Российская газета» напечатала статью бывшего министра иностранных дел СССР, бывшего посла России в Великобритании Бориса Панкина, который призывал кремлевских чиновников именно к этому:

«Соглашение в Хасавюрте, сколь бы несовершенно оно ни было, положило конец кровопролитию, дало время для окончательного урегулирования взаимоотношения сторон. Но это время было по существу потеряно. Единственным конструктивным актом с тех пор явились прошедшие в Чечне под международным наблюдением и с согласия России президентские и парламентские выборы. Они показали разумность и

осмотрительность основной массы населения, которое избрало президентом самого умеренного из своих лидеров — Аслана Масхадова. Да и избранный народом парламент тоже был настроен на поиски взаимоприемлемого уравнения в отношениях

Чечни и России, выступал против экстремистских выбросов как религиозного, так и политиканского толка.

К сожалению, отсутствие у российского руководства определенной, конструктивной и последовательной политики в отношении Чечни, надежда, что время само все уладит, с каждым днем все больше ослабляли и позиции законно избранного президента крохотной горной республики, играли на руку экстремистам. Чувствуя бессилие официальных властей, как в Чечне, так и в России, они распоясывались все больше.

Новые и новые слои населения, которое чувствовало себя обманутым в своих ожиданиях, бедствовали без работы и средств существования и становились добычей доморощенных экстремистов…»

«Еще не поздно переломить это гибельное развитие, — почти в отчаянии призывал автор. — Еще не поздно предпринять политические акции, которые способствовали бы изоляции экстремистов в глазах народа, которому они якобы служат. Масхадов не раз заявлял, что официальный Грозный не имеет ничего общего с намерениями и действиями боевиков. Совсем недавно он стучался в двери Кремля, предлагая встречу на высшем уровне, ему обещали. Но с тех пор три премьера сменились в России, а воз и ныне там, вернее, еще дальше от того места, куда бы надо ему двигаться. Почему бы теперь наконец не дать ему возможность доказать свои слова делом и, если они совпадают, не предложить план совместных действий? И взяться, засучив рукава, отбросив в сторону предубеждения и пристрастия, за обеспечение безопасности народов, населяющих просторы бывшего Советского Союза?»

Увы, с каждым днем становилось все более ясно, что эти и другие подобные призывы остаются не услышанными. Как всегда, гораздо ближе сердцу кремлевских правителей оказывается традиционный тупой кровавый военный вариант. Осуществить его представлялось тем легче, что к этому времени и население, подготовленное соответствующей пропагандой, стало душой к нему прикипать (каждый день по телевизору показывают зверства «отморозков»-боевиков, не поясняя при этом, что на экране — не подчиняющиеся никому так называемые «индейцы»). А тут еще и вторжение Басаева в Дагестан, и взрывы домов в Буйнакске, Москве, Волгодонске, и вторжение Басаева в Дагестан (хорошо бы разобраться, кто был истинным инициатором всего этого)…

Наконец, предвыборная ситуация была такова, что Путину требовался рейтинг. И что-то не видно было другого способа быстро его взогнать, вскипятить, как только представить премьера в роли отца нации, защитника отечества, подвергающегося атакам бандитов и террористов, единственного, кто способен беспощадно наказать этих врагов России.

Так что чеченская война, остановленная с такими муками, с таким неимоверным трудом, возобновилась. Возобновилась совершенно закономерным образом.

Масхадов пытается предотвратить войну

Вряд ли у Путина с самого начала был какой-то определенный план действий в Чечне. Логика была простая: давайте сделаем вот это, а там посмотрим. (Ну чем не Наполеон с его девизом: «Главное — ввязаться в драку, а там видно будет»?) В середине сентября речь еще шла о создании некоей «карантинной зоны» вокруг республики. По словам Путина, «вопрос о возможности введения войск на территорию Чеченской Республики пока не обсуждается, однако превентивные удары по базам бандитов на территории Чечни наносились и будут наноситься».

На другой стороне конфликта — в Грозном, — по-видимому, делалось все, чтобы предотвратить новую войну. Масхадов не мог не понимать, что для Чечни она будет катастрофой. 18 сентября пресс-секретарь чеченского президента, ссылаясь на слова своего шефа, сообщил, что в Грозном идет интенсивная подготовка к встрече Масхадова и Путина и что она состоится в ближайшее время.

— Масхадов уверен, — сказал пресс-секретарь, — что у российского руководства и премьера хватит политической мудрости, чтобы не дать «партии войны» вновь взять вверх и разжечь новую кровопролитную войну. Президент не сомневается в том, что непосредственная встреча с Путиным позволит снять многие проблемы, которые, зачастую, создаются заинтересованными силами как в Москве, так и на Кавказе искусственно.

Со стороны Масхадова это, конечно, был жест отчаяния. Он не мог не понимать, что не располагает какими-то серьезными рычагами, чтобы остановить военный каток, вновь накатывающийся на его страну.

Реагируя на сообщения из Грозного, в московском Белом доме равнодушно заявили, что «не располагают данными о якобы готовящейся встрече премьер-министра Владимира Путина с

Асланом Масхадовым».

Впрочем, уже на следующий день сам Путин в интервью РТР как бы внес тут некоторую ясность.

— Если сегодня в Чечне с кем-то и можно иметь дело, — сказал он, — так это с Асланом Масхадовым, потому что он был избран населением республики.

Одним словом, небольшую возможность для мирного решения чеченской проблемы новый премьер все же вроде бы оставлял. По крайней мере, на словах.

«Они хотят разделить Россию на бантустаны»

Однако в целом упомянутое интервью Путина было необычайно жестким и воинственным. Это было как бы программное выступление. Премьер развернул перед телезрителями панорамную картину того, что, собственно говоря, происходит в Чечне, каковы далеко идущие планы «некоторых реакционных кругов ряда мусульманских стран», касающиеся этой республики. По словам Путина, эти круги стремятся использовать Чечню в качестве «легко управляемой мятежной зоны для того, чтобы решить свои геополитические задачи на территории всей России», создать новое государство «от Каспия до Черного моря с целью завладеть минеральными ресурсами данного региона».

— Если мы уйдем с Северного Кавказа, — сказал Путин, — как мы ушли из Чечни после Хасавюртовских соглашений, агрессия будет продолжена… Мы знаем планы создания на территории России бантустанов, самоопределяющихся территорий, и если допустим даже попытку осуществить это, трагические события в Москве и ситуация Дагестане покажутся нам цветочками.

Ну, уж после таких заявлений, после угрозы появления на российской территории бантустанов истинные намерения Москвы относительно Чечни становились прозрачны, как стеклышко.

Кстати, среди прочего, Путин безапелляционно заявил: он-де не сомневается, что между событиями в Дагестане и террористическими актами в Москве и Волгодонске существует связь. Вот так. Взрывы домов только что случились (последний, в Волгодонске, напомню, всего лишь за три дня до этого путинского выступления — 16 сентября), а Путин уже «не сомневается»: там есть «чеченский след». Попробовал бы теперь какой-нибудь следователь, только еще приступающий к поиску виновников этих взрывов, не заметить такого «следа»! С той поры едва ли не после каждого такого происшествия следователи

начинали свою работу, держа наготове «презумпцию виновности» чеченцев. А уж если откуда-то сверху следовало прямое указание или хотя бы намек, в какой стороне искать виноватых, тут и говорить нечего…

На Чечню снова начинают падать бомбы и ракеты

В полдень 23 сентября федеральная авиация нанесла ракетно-бомбовый удар по грозненскому аэропорту имени шейха Мансура. Об этом сразу же сообщила чеченская сторона. Чеченцы попытались проявить сдержанность: «Оперативный штаб при главнокомандующем ВС Чечни» приказал не открывать огонь по самолетам, чтобы «не провоцировать новые удары, которые могут привести к жертвам среди мирного населения». Было заявлено, что «чеченское правительство намерено использовать политические методы решения проблемы», в частности, срочно провести консультации с лидерами других северокавказских республик, привлечь их к урегулированию ситуации в регионе.

Федералы поначалу заявили, что «не располагают информацией» об авианалете на грозненский аэропорт, однако позже подтвердили, что да, такой налет был: ударам подверглись те объекты на территории аэропорта, «которые используются чеченскими боевиками для совершения террористических актов и разбойных нападений», в частности, склады с оружием и радиолокационная станция. Частично разрушена была и взлетно-посадочная полоса…

Удары были нанесены также по северной окраине Грозного и по окрестностям некоторых селений за пределами чеченской столицы. Произошло существенное продвижение вперед в раздувании огня новой войны: до сих пор авиация бомбила лишь объекты на территории Дагестана или вблизи дагестанско-чеченской границы, теперь же было решено подвергать бомбардировкам «базы террористов» по всей Чечне. Как сказал один из военных, «сегодня, когда боевиков выбили из Дагестана, а Чечня окружена плотным кольцом федеральных войск, переход к этой новой фазе операции вполне закономерен».

«Будем мочить их в сортире!»

Приказ о начале бомбардировок, без сомнения, отдал сам Путин, проведший в этот день утром совещание с силовиками в аэропорту «Внуково-2» перед отлетом в Ростов-на-Дону: бомбы и ракеты посыпались на Чечню менее чем через час после этого совещания.

Уже в Ростове премьер заявил, что «есть общая установка — бандиты будут преследоваться там, где они находятся: если они оказались в аэропорту, то значит — в аэропорту.» По словам Путина, он решительно намерен прекратить политику заигрывания с бандформированиями.

Снова последовали утверждения, что в Чечне действуют международные террористы, что у него, Путина, есть «точные данные»: там неоднократно бывал даже сам бен Ладен, он поддерживает постоянные контакты с чеченскими боевиками, в Чечне присутствуют его представители.

Вообще-то, насколько известно, бен Ладен редко куда выбирался за пределы своего убежища где-то на границе Афганистана и Пакистана, но вот в Чечне, видите, «неоднократно побывал». На этот счет есть «точные данные».

К этому времени вокруг Чечни была уже сосредоточена почти пятидесятитысячная группировка федеральных войск. Все говорило о том, что вот-вот начнется «наземный этап» операции в Чеченской Республике. При этом, однако, «информированные» люди утверждали, что речь может идти «не о широкомасштабной войсковой операции, направленной на установление контроля над всей территорией Чечни, а о серии спец-операций по уничтожению бандформирований в сочетании с ударами по базам боевиков с воздуха».

Это подтвердил и Путин уже в казахской Астане, куда прилетел из Ростова-на-Дону. По его словам, никакой широкомасштабной военной операции в Чечне не планируется.

— Наша задача — защитить население России от бандитов, — сказал председатель российского правительства, — а как именно, вы скоро узнаете. Не будет ничего того, что было во время так называемой печально известной чеченской кампании.

Имелась в виду первая чеченская война 1994–1996 годов.

Любопытно проследить, как будет меняться риторика Путина и других московских деятелей по мере того, как новая война в Чечне будет полыхать все сильнее и сильнее, по мере того, как наземная операция, все-таки начавшись, будет становиться все масштабнее и масштабнее.

24 сентября все в той же казахстанской столице Путин сделал свое знаменитое, можно сказать, обессмертившее его имя заявление:

— Российские самолёты наносят и будут наносить удары в Чечне исключительно по базам террористов, и это будет продолжаться, где бы террористы ни находились. Вы уж меня извините, если в туалете поймаем, то и в сортире их «замочим».

С этого времени такого рода полублатные, «народные»

речевые обороты сделаются фирменным стилем российского премьера, а впоследствии президента. Без сомнения, многим они придутся по нраву, будут содействовать росту популярности Путина у народных масс.

Аушев призывает Ельцина…

Видя необузданную агрессивность премьера (изредка перемежаемую, впрочем, успокаивающими «мирными» заверениями, типа: «Наземной операции в Чечне проводиться не будет»), кое-кто из политиков опять-та-ки пытался апеллировать через его голову непосредственно к Ельцину. Так, ингушский президент Руслан Аушев, резко осудив авиаудары по территории Чечни, заявил на пресс-конференции в Москве, что ситуацией на Северном Кавказе, по его мнению, должен заниматься лично глава государства, призвал организовать много раз обещанную, но так и не состоявшуюся встречу Ельцина и Масхадова (как он полагал, она вполне реальна). Однако Ельцин по-прежнему не желал возвращать себе былую главную роль в решении чеченской проблемы, предоставляя эту роль Путину, практически дав тут ему карт-бланш.

Что касается встречи двух президентов — российского и чеченского, — то, как заявил 27 сентября Путин после часовой беседы с президентом, Борис Ельцин встретится с Асланом Масхадовым тогда, «когда посчитает это целесообразным и когда это будет выгодно для России». А вообще-то, по словам Путина, подготовка встречи президентов России и Чечни «никогда не прекращалась».

Тут опять как бы обозначалась успокоительная, «миротворческая» линия: вот видите, хоть мы и начали снова бомбить Чечню, хоть у нас, как многие считают, все готово к наземному вторжению в эту республику, мы никогда не переставали готовить мирные переговоры с чеченским руководством «на высшем уровне».

Популярность Путина растет благодаря войне

Уже в сентябре, во второй половине, популярность Путина начала стремительно расти. Если 14 августа ему доверяли 5 процентов опрошенных, 28-го — 12, 11 сентября — 14, то 18 сентября — 23, а 25-го — 31.

Заметно вырос и «президентский» рейтинг Путина Как мы помним, 14 августа, через несколько дней после его назначения премьером, у него был. один процент. Однако 25 сентября Путин

уже занимал третье место среди кандидатов на пост главы государства: у шедшего впереди всех Примакова был 21 процент (причем наметилась тенденция к снижению), у Зюганова — 17, у Путина — 10, у Лужкова — 7 (ощутимое снижение), у Явлинского — тоже 7, у Степашина. Жириновского и Лебедя — по 5, у Черномырдина — 1.

Было совершенно ясно, что главная причина растущей популярности Путина — его жесткая, агрессивная позиция по Чечне, безоговорочная готовность «мочить в сортире» всех, кто вторгается на российскую территорию, кто взрывает дома в российских городах (эти взрывы по-прежнему приписывались чеченцам).

Хроника вторжения

29 сентября на пресс-конференции в Чебоксарах Путин неожиданно заявил: он-де «никогда не говорил о том, что сухопутной операции в Чечне не будет».

Что ж, может, и не говорил. Может, журналисты что переврали. Они-то не однажды цитировали Путина, будто бы заверявшего их как раз в том, что дело ограничится авиаударами и ограниченными спецоперациями.

Между тем, сухопутная операция уже началась. В тот же день, 29-го, Путина, уже в Санкт-Петербурге, спросили, известно ли ему, что ряд господствующих высот на территории Чечни вблизи от административной границы с Дагестаном занят российскими подразделениями.

— Заняли, так заняли, что теперь поделаешь, — с обезоруживающей простотой ответил Путин. — Сейчас позвоню министру обороны и спрошу его об этом.

Позже Путин не раз будет отвечать на вопросы журналистов в таком же наивно-бесхитростном стиле: «Заняли, так заняли». Наиболее известный его ответ такого рода — американскому телеведущему Ларри Кингу, спросившему его, что случилось с подводной лодкой «Курск». «Она затонула», — по-простецки ответил Путин.

Авианалеты между тем продолжались, их интенсивность усиливалась. Бомбы и ракеты падали уже не только на «базы боевиков», но и просто на селения, промышленные объекты, предприятия связи. По приграничным с Дагестаном чеченским селам вела огонь артиллерия.

В Чечне вводится военная цензура

Памятуя о том, что в первую чеченскую кампанию много неприятностей федералам доставляли журналисты, проникавшие везде и повсюду, показывавшие войну такой, как она есть, Путин решил резко ограничить их деятельность в Чечне. 5 октября он подписал распоряжение о создании Российского информационного центра. Официально задача у этого центра была вполне благородная — «оперативное освещение событий, происходящих в регионах Северного Кавказа». На деле же ему надлежало поставить дело так, чтобы из этих регионов, прежде всего из Чечни, публика получала строго дозированную и лишь нужную власти информацию. Недаром же к работе Росинформцентра наряду с профессионалами журналистики привлекались — понятно, на главные роли — представители Минобороны, МВД, ФСБ и других силовых ведомств.

Вскоре о чеченских событиях с телеэкранов начнут вещать почти исключительно «комментаторы» в камуфляже и при погонах и только редкие журналисты, на свой страх и риск пробирающиеся в зону боевых действий, своими сообщениями станут разбавлять «оперативную и достоверную» информацию, предоставляемую военными.

«Обменяли хулигана на Луиса Корвалана»

Забегая несколько вперед, тут стоит, пожалуй, сказать о самом, наверное, примечательном случае установления жесткой информационной блокады вокруг Чечни, изгнания из нее практически всех независимых журналистов, произошедших, когда Путин еще только готовился стать президентом.

В середине января 2000 года в Чечне исчез корреспондент радио «Свобода» Андрей Бабицкий — практически единственный остававшийся к тому времени в этой республике репортер, сообщавший правду о происходивших там событиях — и с той, и с другой стороны. Две недели о нем ничего не было известно. Возможно, — да и скорее всего, — он так бы и сгинул в безвестности, оказался бы причислен к бессчетному числу пропавших без вести, если бы не мощная волна протестов и требований объяснить, что с ним случилось, освободить его (если он еще жив), поднятая его коллегами по радиостанции и подхваченная многими журналистами, общественными и государственными деятелями и в России, и за рубежом.

Наконец 29-го российские власти (МВД) сообщили, что 23 января Бабицкий был задержан на блок-посту при выходе из Грозного и находится в одном из райотделов милиции на территории Чечни. Причина задержания: у Бабицкого будто бы

отсутствовала аккредитация, необходимая для работы в республике (позже и дата задержания, и его причина в объяснениях властей будут неоднократно меняться; на самом деле его задержали 16 января).

Тем временем многочисленные протесты и требования освободить журналиста не стихали. Предоставить Бабицкому «свободу» власти решили довольно своеобразным способом. 3 февраля было сообщено, что журналист, будто бы с его согласия, передан чеченской стороне в обмен на двух российских солдат, находившихся в плену.

— Бабицкий передан чеченскому полевому командиру, и теперь федеральный центр не несет ответственности за его дальнейшую судьбу, — заявил помощник и. о. президента Сергей Ястржембский.

По телевидению было показано, как в реальности происходил обмен: Бабицкого, который выглядит весьма напряженно, подводят к какому-то человеку в камуфляже и маске, тот бесцеремонно хватает его за руку и куда-то уводит. Сразу же возникли подозрения, что это просто-напросто инсценировка, а возможно, и вообще видеомонтаж — уж больно неумелой выглядела работа телеоператоров. Наконец сам факт такого обмена представлялся совершенно несуразным: журналиста, которому официально не предъявлено никаких обвинений, как бы приравнивают к военнопленным, тем самым демонстрируя, что Бабицкий (он, мол, сам в этом признался) участвовал в боевых действиях на стороне чеченских бандформирований и с ним еще гуманно поступают, передавая «своим». Известный адвокат Генри Резник назвал подобные действия российских властей «дикостью и иезуитским ходом».

— Подобного в моей практике никогда не было, — сказал Резник. — То, что профессионального журналиста приравняли к военнопленному, противоречит всем международным юридическим нормам.

Путин же выразил удовлетворение тем, что теперь российские власти не несут ответственности за судьбу Бабицкого, а уж как с ним поступят «чеченские головорезы», его не очень волнует.

— Для меня важнее было вернуть двух российских солдат, воевавших на нашей стороне, — сказал Путин. Что же касается журналиста, то, теперь, по словам и. о. президента, «Бабицкому станет страшно, он поймет, к кому он попал!»

Как потом выяснилось, никакого обмена в самом деле не было. Просто разыграли спектакль. Солдат из плена не освобождали, а Бабицкого передали людям некоего лояльного

Москве, связанного с российскими спецслужбами Адама Дениева, которые и держали его у себя в никому не известном месте с 3-го до 23 февраля.

Все это время в прессе — и в независимой нашей, и в зарубежной — не смолкали требования освободить Бабицкого. Тревога была вполне оправданной: журналиста вполне могли убить и списать это убийство на того самого чеченского полевого командира, кому он будто бы был передан.

Убить Бабицкого власти все же не решились, но и просто освободить его не очень хотелось. «Освобождали» журналиста опять-таки своеобразно. 23 февраля в багажнике автомашины его перевезли в Дагестан. В Махачкале его задержал уже местный ОМОН. Теперь на журналиста завели дело «за подделку документов»: он был задержан с фальшивым азербайджанским паспортом, который его чеченские «друзья» вручили ему, отобрав его собственный.

Освободили Бабицкого лишь в ночь с 28-го на 29 февраля. МВД — видимо, по распоряжению Путина (иначе у нас такие дела не делаются), — прислало за ним специальный самолет, доставивший его в Москву.

Всем было ясно: вся эта история с Андреем Бабицким — предупреждение всем журналистам, у кого еще оставалось желание ехать в Чечню, правдиво писать о войне: «Смотрите… Бабицкий еще выбрался живым, а вам может и не выпасть такое везение.»

Санитарная зона построена

Вернемся, однако, в октябрь 1999-го. 5-го числа РИА «Новости» сообщило, что российские войска «завершили в понедельник (то есть накануне, 4 октября) операцию по созданию санитарной зоны вокруг

Чечни». Как заявил командующий Объединенной группировкой федеральных сил генерал-лейтенант Геннадий Трошев, «с севера, востока и запада территория Чечни окружена плотным кольцом войск». Причем кольцо тройное: первый рубеж занимают внутренние войска, второй и третий — подразделения Минобороны.

Казалось бы, раз создана «санитарная зона», да еще такая основательная, необходимости продвигаться вглубь чеченской территории нет. Между тем в Оперативном штабе при президенте Чечни (то есть Масхадове) корреспонденту того же агентства сообщили, что такое продвижение идет полным ходом: под контроль российских подразделений перешла станица

Шелковская, идут тяжелые бои вблизи станицы Червленая в 35 километрах от Грозного…

Впрочем, сам Путин в этот же день огласил еще более ошеломительную новость: федеральные войска вышли на линию реки Терек, под их контролем находится около трети чеченской территории.

Вот вам и «санитарная зона», вот вам и «наземную операцию, а тем более широкомасштабную, проводить не будем».

По крайней мере, информационную войну Путин уже выиграл, всех перехитрил.

При этом, однако, он и не думал сворачивать ее: опять-таки 5 октября заявил на встрече с «ведущими российскими политиками», что «правительство России не планирует с помощью военной силы решать политические вопросы, связанные с будущим статусом Чеченской Республики».

(Интересно, а какими же способами они решались и до, и после этого заявления?)

При этом Путин дал и кое-какие пояснения насчет «санитарной зоны»:

— Операция по созданию «санитарного пояса» вокруг Чечни, — сказал он, — далеко не закончена. Нашей конечной целью является уничтожение террористов НА ВСЕЙ ТЕРРИТОРИИ ЧЕЧНИ (выделено мной. — **О. М.**)

Вот теперь уже с «санитарной зоной», «санитарным поясом» ВОКРУГ Чечни все стало окончательно ясно…

Чечня — в экономической блокаде

Параллельно с военными действиями против Чечни начали приниматься жесткие экономические меры. По существу — устанавливаться экономическая блокада. С 30 сентября Газпром прекратил поставки газа в республику. Официально объявленная причина: чеченский долг кампании в миллиард рублей, отсутствие гарантий безопасности персонала и населения, — дескать, уже были попытки подорвать трубопроводы.

Пенсионный фонд прекратил выплачивать пенсии чеченским пенсионерам…

На реке Аргун была разрушена крупнейшая плотина, так что Грозный, ряд других районов республики остались без воды…

Глава РАО ЕЭС Анатолий Чубайс давно уже добивался, чтобы правительство позволило ему прекратить подачу электричества в Чечню — по той же, что и Газпром, причине: не платят (к началу октября чеченский долг составлял 690 миллионов рублей). Обращался с этим и к Примакову, и к Степашину в бытность их

премьерами… И вот наконец — думаю, без большого труда — получил такое разрешение от Путина, нашел у него «полное понимание и поддержку». О том, что Чечня оставлена им без света, Чубайс сообщил 9 октября в телепрограмме «Итоги».

Полагаю, выключить рубильник Чубайсу было тем легче, что он, в отличие от большинства его коллег-демокра-тов, вполне оправдывал возобновление чеченской бойни: «Чечня — это территория Российской Федерации. Бандформирования, против которых там ведется борьба, сами вторглись на чужую территорию — в Дагестан».

Резкую отповедь Чубайсу в связи с этой акцией дали правозащитники, опубликовав 13 октября открытое письмо ему.

«Глубокоуважаемый Анатолий Борисович! — говорилось в письме. — Ваше решение прекратить поступление электроэнергии в Чечню не может одобрить ни один порядочный человек. Злобной и непристойной является аргументация, приводимая Вами для оправдания этого решения.

Анатолий Борисович, Вы наверняка понимаете, что от последствий этого Вашего распоряжения страдает, прежде всего, гражданское население: в страшном положении оказались больницы, переполненные ранеными и больными, роддома, другие объекты жизнеобеспечения населения. Но Вы „умываете руки“ и перекладываете всю ответственность за неизбежные трагедии на нынешние власти Чечни, обвиняя их в том, что они не обеспечили возможность чеченскому населению оплачивать задолженности Вашей кампании.

Сейчас эти задолженности своими жизнями и здоровьем оплачивают больные и немощные люди, роженицы и грудные младенцы. Таким образом, Вы сравнялись в цинизме с теми, кто ведет массированный неизбирательный огонь, считая, что уничтожение нескольких боевиков оправдывает убийство множества мирных жителей. Вы сравнялись и с террористами, преднамеренно наносившими удары по гражданским объектам.

Нам представляется удивительным то, что подобные действия предпринимает, может быть, и не совсем самостоятельно, человек, утверждающий, что он является последовательным сторонником либеральных ценностей.

Вашими действиями нынешняя военная операция в Чечне, официально называемая операцией против террористов и бандитов, превращается в тотальную войну против всего населения Чечни».

Под письмом стояли подписи Людмилы Алексеевой, Ларисы Богораз, Елены Боннэр, Сергея Ковалева, Сергея Григорянца и других известных правозащитников.

Аушев по-прежнему против

Единственным из региональных лидеров, выступающим против новой чеченской войны, по-прежнему оставался президент Ингушетии Руслан Аушев. 15 октября на пресс-конференции он вновь заявил об этом.

— Я не знаю ни одной политической проблемы, — сказал Аушев, — которую можно решить силой. Да, с террористами надо бороться, но при этом необходимо все продумать, поскольку последствия боевых действий будут еще тяжелее, чем в прошлый раз.

Аушев снова призвал федеральный центр «найти возможность поговорить с Масхадовым».

— Чеченский народ и чеченского президента нужно сделать союзниками в борьбе с террористами, — заявил президент Ингушетии.

В частности, по его словам, можно было бы подумать о совместных спецоперациях против неподконтрольных Грозному боевиков.

Аушев сказал, что изложил свою позицию Владимиру Путину, однако не встретил у него понимания.

Против переговоров с Масхадовым теперь уже вполне определенно выступил и Кремль. Пресс-секретарь Ельцина Дмитрий Якушкин сказал, что при сложившихся обстоятельствах он «с трудом представляет себе» возможность встречи президентов России и Чечни: с тех пор, как возникла идея такой встречи, обстановка резко изменилась.

Правда, Якушкин не исключил, что с Масхадовым может встретиться Путин — остается такая вероятность, — однако на практике и о ней речь сейчас не идет.

На беженцев — наплевать!

Помимо прочего, Аушев был против новой войны, естественно, еще и потому, что с ее началом на Ингушетию обрушился новый поток беженцев из соседней республики. По его словам, в Ингушетии уже находится более 164 тысяч переселенцев — это при численности населения самой республики 340 тысяч человек — и количество их все увеличивается.

— Люди не устроены, а на пороге уже холода, — печально констатировал Аушев.

О трагическом положении чеченских беженцев в эти дни не уставал говорить и федеральный уполномоченный по правам

человека Олег Миронов.

— Безудержный рост неконтролируемых потоков беженцев на фоне острейшей нехватки медикаментов, роста воспалительных и инфекционных заболеваний среди детей и стариков, катастрофический дефицит продовольствия создали реальную угрозу беспрецедентной гуманитарной катастрофы на юге страны, — заявил Миронов по возвращении из Ингушетии, где посетил лагеря беженцев. — Я был просто шокирован и расстроен, увидев спящих на голой земле детей и стариков, до которых никому нет дела, а ведь приближается зима, и ночами уже становится холодно.

Миронов призвал Ельцина и Путина принять «сверх-экстренные» меры», чтобы предотвратить катастрофическое развитие ситуации в местах сосредоточения беженцев.

Путин ответил Миронову весьма своеобразно. Он категорически отверг утверждения тех, кто «пытается подвести сложное положение в Чечне и соседних регионах под понятие гуманитарной катастрофы». В программе Сванидзе «Зеркало» на РТР председатель правительства без обиняков заявил, что эти люди — «агентура бандитов и террористов».

Вот так. Стало быть, Аушев, Миронов, все, кто был озабочен судьбой беженцев, — «агентура».

По утверждению Путина, «люди убегают не только от боевых действий, но и от тех условий последних лет, в которых они были вынуждены жить, убегают от страха; это — наши граждане, они идут не за границу, а к нам».

Была бы возможность, ушли бы и за границу. Да многие с тех пор и ушли. И в Европу, и в Азию, и в Америку… Кто куда смог. Лишь бы покинуть этот ад, где формально они числились гражданами.

Путин все более «любезен народу»

Как уже говорилось, со второй половины сентября, «президентский» рейтинг Путина начал стремительно расти, каждую неделю поднимаясь на 2–4 процента. По данным Фонда «Общественное мнение», 9 октября он достиг рейтинга Примакова, а по опросу, проведенному неделю спустя, — 16 октября — превысил его, поднявшись до 20 процентов. Путин стал самым популярным российским политиком и уже не уступал тут никому первого места (рейтинги главных его соперников 16 октября были таковы: у Примакова — 18 процентов, у Зюганова — 15, у Лужкова — 5).

Если бы в ближайшее — после 16 октября — воскресенье

состоялся второй тур президентских выборов и соперниками в нем стали бы Путин и Примаков, первый без труда победил бы второго — 42:36. Понятное дело, если бы вместо Примакова во втором туре вместе с Путиным оказался кто-то другой, разрыв был бы еще больше.

Ракетами — по мирным людям

Военные, как водится, отрицали, что в ходе возобновившейся войны вновь, как и в первую кампанию, в Чечне массово уничтожалось мирное население. Однако факты говорили о другом.

21 октября ближе к вечеру был нанесен ракетный удар по грозненскому рынку. Вот как описывает случившееся одна из свидетельниц, Малика Юнусова (в записи сотрудников «Мемориала»):

«Мы с мужем торговали на Центральном рынке Грозного с 1996 года. Торговали в основном продуктами. Место было возле „биржи“. У меня четверо детей, в возрасте от 5 до 14 лет. В этот день, 21 октября рано утром, как обычно, мы торговали. Наплыв людей был очень большой, как до войны. До этого дня обстреляли глубинными бомбами поселок Катаяма и Грозненский пост ГАИ. 18 октября я детей отправила в село Котар-Юрт. День был обычный. Муж с другом отошли к „бирже“, которая стояла сзади меня. Где-то в 16 часов 30 минут услышала шум, звук такой, что звенит в ушах. Я даже не испугалась. Это был не гром, неизвестно что. Потом тишина. Потом в воздухе появилась труба, и из нее вылетел шар, красный, как солнце на закате. И он разорвался на моих глазах. И сразу такой страшный грохот, как сильный гром. Я испугалась, меня оглушило. Труба упала прямо на „биржу“. А разорвавшийся шар, в секунду — осколки. Секунда, и люди — без голов, без рук, без ног, с разорвавшимися животами. Я ничего не слышала, я только видела все это глазами. Помочь я никому не могла, моя правая рука была переломлена. Там было не до помощи. Там все подряд, проходящие, стоящие, торгующие — все лежали. Я не слышала ни криков, ни стонов, я видела разевающиеся рты, гримасы людей. Еле-еле живые двигались, тут же падали. Я схватилась за раненую руку, отошла от стола, побежала сзади стола. Я не находила мужа, искала. Я просто искала куртку, в которую он был одет. Отошла метров на двадцать. Я переходила эти тела, поскользнулась, упала и каталась в этой крови. Упала, поднялась, и в пяти метрах от моего стола увидела лежащим мужа, в кожаной куртке. Я подошла, потрогала, встряхнула, он посмотрел на меня. Мы

поняли, что мы живы. Мы разговаривали, как немые люди, ничего не слышали оба. Он меня схватил обеими руками, с ним ничего не случилось. А те, которые оттолкнули моего мужа (двое мужчин и женщина), они были в кусках. Он схватил меня, у меня так болела рука. Я думала, что у меня руки уже нет. Мы бежали, не зная куда. Базар стоял на трамвайной линии. Мы жили на остановке „За-водской“, за поворотом трамвайной линии. Прибежал сосед. Он бежал к рынку, узнав про это. Он встретил нас, поймал машину, а в это время осколки ракеты еще разлетались. На остановке „Заводской“ стоял желтый автобус. Меня отвезли на этой машине. Это было вечером. Не было света, а автобус шел сзади нас. Когда мы подъехали к 9-й больнице, этот автобус был полностью набит (только одна женщина, маленький мальчик и шофер, еле живой, вышли оттуда), остальных потом вытаскивали, но они все были мертвы. Автобус стоял на остановке, все люди в нем были погибшие.

Я видела это сама. Я о себе забыла. Этих людей вытаскивали и укладывали на ступеньки, ведущие в 9-ю больницу. В больнице все было занято — и ступеньки, и проход. Врачи 9-й больницы не знали, кого тронуть, кого взять и кому помочь. Они говорили: „Не стойте! Увозите всех! Нет свободных мест!“»

Военные, московские чины, официозная пресса сразу же стали уверять, что никакого ракетного удара по рынку не было, что это, мол, взорвался склад боеприпасов, принадлежащих боевикам. К этой версии присоединился и Путин, заявив 22 октября на пресс-конференции в Хельсинки, где он тогда находился:

— Могу подтвердить, что действительно имел место какой-то взрыв в Грозном на рынке. Но хочу обратить внимание представителей прессы на то, что имеется в виду не просто рынок в общепринятом смысле этого слова, имеется в виду рынок вооружений — так это место в Грозном называется. Это база оружия, склад оружия. И это место — один из штабов бандформирований. Мы не исключаем, что взрыв, который там произошел, является результатом столкновений между противоборствующими группировками.

Руслан Аушев, профессиональный военный, отверг эту версию как смехотворную.

— Я видел пожары на войсковых складах, — сказал он, выступая на радио «Свобода». — Даже когда взрывались самые большие склады на Дальнем Востоке — ну, один-два раненых. А тут такое точное попадание и столько трупов, и столько раненых. Понятно, для меня, как военного, что нанесли удар тактическими ракетами.

Кто отдал приказ?

По словам Аушева, ракеты, выпушенные по Грозному, по всей видимости, прилетели с базы 58-й армии близ села Тарское в Северной Осетии. При этом, однако, он усомнился, что решение об ударах по Грозному могло быть принято на уровне командующего армией.

— Нет, — его приняли на самом верхнем уровне, — уверенно заявил Аушев. — Все принимается на самом высоком уровне. Применялись ракеты «земля — земля». В принципе, это носители ядерного оружия. Так что, когда вопрос обсуждался, какие силы и средства будут задействованы. когда операция планировалась, добро дали там, наверху. Я думаю, что президент об этом знает. Кто возьмет на себя ответственность без президента использовать ракетные войска?

Примерно то же самое сказал и генерал Шаманов, в ту пору командующий группировкой федеральных сил «Запад», сам проявивший в Чечне немалую жестокость. Он выступал 26 октября на НТВ в программе Евгения Киселева «Глас народа». Шаманов прямо признал, что взрывы в Грозном 21-го произошли в результате ракетного удара, нанесенного федеральными войсками (в ту пору путинская «вертикаль власти» была еще на так хорошо отлажена, чтобы на всех ее ступеньках чиновники — и гражданские, и военные — хором врали одно и то же).

«**Шаманов**. Видимо, были применены „средства старшего начальника“.

Киселев. Что такое „средства старшего начальникаˆ

Шаманов. Это могут быть или ракетные удары, примененные авиацией или сухопутными войсками, или высокоточное оружие».

На вопрос о том, кто имел право отдать приказ о применении таких видов оружия, Шаманов ответил:

— Это вопрос не ко мне, это вопрос к вышестоящему начальству.

«**Киселев**. Вы можете дать такой приказ?

Шаманов. Нет, у меня таких средств нет».

— Таким образом, высшие должностные лица Российской Федерации и руководство Генштаба не только лгали, пытаясь скрыть причины взрывов в Грозном, но и несут прямую ответственность за массовую гибель гражданского населения, — подвел итог ведущий телепрограммы.

По свидетельствам очевидцев и правозащитников, вечером 21 октября ракетные удары были нанесены не только по грозненскому Центральному рынку, но и по другим местам массового скопления людей в Грозном — по Главпочтампту, по

Центральному автовокзалу, по микрорайону «Олимпийский», по мечети поселка Калинина (там как раз шел вечерний намаз), даже по Центральному родильному дому. Сотни людей погибли, сотни были ранены.

Бывшие премьеры призывают к переговорам

24 октября в программе НТВ «Итоги» троим бывшим российским премьерам — Черномырдину, Кириенко и Степашину (Примаков в передаче не участвовал, он смотрел программу Доренко по ОРТ) — был задан вопрос: «Каков выход из ситуации в Чечне? Нужна ли война до победного конца или необходимо вступить в переговоры? И если в переговоры, — то с кем?»

Разумеется, все трое заявили, что в Чечне необходимо ликвидировать «очаги терроризма». Вместе с тем бывшие премьеры настаивали на переговорах. В этом смысле каждый подтвердил ту позицию, которой придерживался, будучи председателем российского правительства.

Черномырдин:

— Без переговоров не обойтись. Не только с Масхадовым, но и с здравомыслящими полевыми командирами. Все должно быть закончено переговорным путем.

Степашин:

— Война до победного конца будет означать, что надо будет уничтожить все мужское население Чечни. (примечательное заявление! — **О.М.**) Можно говорить о переговорном процессе со здравомыслящими людьми в Чечне, в том числе с Гелаевым, с Закаевым. Я исключил бы из переговоров только Басаева и Хаттаба.

Кириенко:

— С Масхадовым можно вести переговоры о выдаче террористов, о налаживании жизни в освобожденных районах, но о политическом урегулировании ситуации в Чечне переговоры с Масхадовым вести нельзя.

Черномырдин заявил также, что было бы «абсолютно неверно» штурмовать Грозный и другие населенные пункты. В том же духе высказался и Степашин.

В общем-то, за переговоры, как мы знаем, выступал и Путин. На словах. Впрочем, не только на словах — проводилась даже какая-то имитация переговоров.

Но все это было лишь пропагандистским прикрытием военных действий. Именно их Путин выбрал в качестве единственного, радикального способа решения чеченской проблемы. Ритуальные же слова о необходимости переговоров

постоянно сопровождались у него сетованиями, что в Чечне «не с кем говорить».

Что касается взятия Грозного, уже через несколько дней после упомянутой передачи, 28 октября, российские войска вышли на окраины чеченской столицы. Однако на этот раз немедленного штурма не последовало. Начались методичные бомбардировки, артобстрел города и лишь затем, через большой промежуток времени, — уличные бои. Об окончательном взятии Грозного федеральными войсками было объявлено лишь в конце первой декады февраля 2000 года.

Запад пытается остановить Путина

Запад попытался остановить возобновление полномасштабной чеченской войны. Особенно активно тут действовали США. 22 октября по инициативе американского президента Клинтона между правительствами двух стран — Соединенных Штатов и России — начались «интенсивные дипломатические контакты» в связи с ситуацией в Чечне. 24-го состоялся телефонный разговор между госсекретарем США Мадлен Олбрайт и главой российского МИДа Игорем Ивановым. Олбрайт назвала действия российских военных в Чечне «прискорбными и угрожающими», аттестовала их как «серьезный шаг в неверном направлении».

— Все, что касается Северного Кавказа, является внутренним делом России, — безапелляционно парировал Путин заявление американского госсекретаря. Впрочем, добавил, что «уважает мнение партнеров на Западе» и рассчитывает на их поддержку в борьбе с международным терроризмом.

2 ноября на встрече с Путиным в Осло Билл Клинтон также назвал действия России в Чечне ошибкой и призвал к «скорейшему установлению политического диалога с представителями чеченского народа». Снова подтвердив, что США признают территориальную целостность России, президент выразил беспокойство в связи с тем, что нынешние действия Москвы могут привести к еще большим жертвам среди мирного населения. По его убеждению, Россия должна разработать какую-то четкую стратегию, как положить конец этому конфликту. Из первоочередных мер, которые, по мнению Клинтона, необходимо принять, — позволить беженцам «расположиться в безопасных районах», а также «открыть границу» с Чечней, чтобы беженцы смогли получить гуманитарную помощь..

Беженцы «получают помощь»

Выше уже шла речь о тяготах чеченских беженцев в Ингушетии. Им, однако, можно считать, повезло: не все туда попали, не все выбрались из Чечни. Вот свидетельства тех, кому повезло меньше, кто пытался спастись от ракет и авиабомб, от пуль и гранат пришельцев с севера (в записи правозащитников из Комитета «Гражданское содействие»).

Луиза Бакаева:

«Мы ждали открытия коридора через Ингушетию. Прошло девять дней, сказали, что разблокирование поста будет 29 октября. В этот день мы отправились на границу в пять часов утра. Был дождь и туман, было плохое предчувствие, и я об этом сказала отцу. Я сказала: „Папа, неизвестно, что будет с тобой дома и что случится с нами в дороге“. Он мне сказал: „Что может быть в дороге? Вы же — беженцы“. Я сказала, что они бомбят по ним. Но он сказал: „Этого не может быть“.

Мы простояли на посту до 10 часов 40 минут. Нам сказали военные, что сегодня нет приказа, и еще пять дней не будут открывать границу. Мы тогда спросили у военных, есть ли гарантия, что нас не будут бомбить. Они ответили, что на 15 километров от них налево, направо и вперед не будут бомбить, а дальше они не знают.

Мы проехали примерно 20–25 километров, мой старший сын сказал: „Мама, посмотри, самолеты впереди, и от них белый пар, они собираются бомбить“. Сосед, которого мы на обратном пути посадили в машину (он шел пешком), сказал: „Все в лес бегом!“ И мы побежали, мы все молили Бога, чтобы он нас спас от этого ада… У меня, точнее подо мной, лежала моя дочь, старший сын — под отцом, он его прикрывал собой, а младший был на руках соседа. После первого налета мой младший сын сказал соседу: „В меня попало“. Сосед не хотел, чтобы я слышала об этом. Он спросил: „Куда тебе попало?“ Ребенок сказал: „В руку“. Сосед посмотрел: кисть руки вроде не в крови…

Потом был второй налет. У меня в ушах что-то треснуло, и я крикнула соседу: „Закрой пальцами уши ребенку!“ Потом мы ушли вглубь леса, когда они начинали третий налет. Людей в машинах, которые были впереди нас, убило насмерть. В той, которая была позади нас, — тоже насмерть, там лежали изуродованные трупы. У нашей машины, когда мы вернулись, были выбиты стекла, и машина была вся побита. Всевышний к нам пришел на помощь, и наша машина завелась, и мы добрались до отцовского дома. Отец был в шоке, он сидел за столом и держал руками голову. Он сказал: „Значит, им дали приказ бить по беженцам по трассе“.

Мой младший сын, когда мы вернулись, сказал: „Мама, ну

дай я посмотрю свою руку, подтяни мне рукава“. Оказывается, он все терпел от этого страха и испуга. Рука была вся в крови, и такую рану я не видела. Она была какая-то непонятная. Мы его повели на дом к медработнику. Она посыпала руку каким-то желтым порошком, она была вся опухшая и красная…

Муж и дети наотрез отказались больше ехать по этой дороге, даже если будет открыта граница…»

Зина Хамидова:

«Военные 28 октября обещали, что на следующий день с 9 до 10 часов утра будет предоставлена возможность выйти из Чечни. К 9 часам между Очхой-Мартаном и Шами-Юртом протянулась на 11 километров колонна машин и людей. В 10 часов объявили, что выпускать не будут. Машины и люди начали расползаться. В это время в небе появились два самолета. Они поднимались и опускались много раз и бомбили колонну. Началась страшная паника. Вместе со мной были мои дети, невестка, ее мать и брат. Во время бомбежки из нашей семьи погибло три человека. Мой сын Рустам Хамидов потерял молодую беременную жену, Элону Исаеву, 1983 года рождения. Они сыграли свадьбу летом… Вместе с ней погиб ее брат Исаев Саид-Магомед, 1990 года рождения, и родственница Асма Магомедова, 1954 года рождения. Сама я была ранена в руку. В соседнем грузовике из тридцати человек остался жив только один. Никто не слышал, чтобы летчики понесли наказание за массовое убийство…»

Владимир Рыжков одобряет…

Игнорируя очевидные факты безрассудной жестокости по отношению к мирному населению в Чечне, отстроенная к тому времени официальная пропагандистская машина Москвы не переставала сетовать, что вот-де «открытая позиция» России в чеченском вопросе «не находит понимания у западных политиков». При этом западному «непониманию» противопоставлялось все большее «понимание» со стороны собственного российского населения. Дескать, одно из ярких подтверждений тому — продолжающийся рост рейтинга Владимира Путина. Вскоре этот пропагандистский прием стал стандартным: какие тут могут быть вопросы — народ поддерживает!

Утверждалось также, что впервые за долгое время в том, что касается чеченской политики, «основные политические силы» страны «выступили единым фронтом».

Примеров такого «единения» в самом деле было достаточно. Так, известный своими разумными демократическими взглядами

депутат Госдумы Владимир Рыжков, выступая 9 ноября в Брюсселе на заседании Бюро парламентского сотрудничества Россия — Европейский Союз, заявил, что, по его мнению, нет иного способа призвать преступников к ответу, как взять под контроль всю территорию Чечни. Как утверждал депутат, все попытки диалога, предпринятые федеральными властями, зашли в тупик. По словам Рыжкова, в Чечне нет власти, способной на такой диалог: Аслан Масхадов полностью солидаризовался с Шамилем Басаевым.

«Масхадов полностью солидаризировался с Басаевым» — это тогдашний стандартный тезис официальных московских властей. Странно, что его использовал и известный демократ. В действительности, ни в том, что касается терактов, проводившихся Басаевым, ни в отношении его похода в Дагестан, Масхадов никогда с ним не солидаризировался. Это достаточно хорошо известно.

Такую же позицию по Чечне, как мы видели, занимал и Анатолий Чубайс… Ее же придерживался тогдашний лидер СПС Сергей Кириенко, некоторые другие известные либералы и демократы…

ЕЛЬЦИН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В СТАМБУЛ

«Бомбардировки безнравственны»

Отчаянную попытку остановить войну в Чечне страны Запада, международные организации предприняли на саммите ОБСЕ в Стамбуле (он проходил 18–19 ноября). Речи и действия некоторых из его участников были весьма резкими.

Начать с того, что президент Эстонии Леннарт Мери вообще демонстративно отказался ехать в Стамбул, объявил бойкот этому мероприятию — «в знак протеста против трагических событий в Чечне», — и призвал глав всех государств, входящих в ОБСЕ, сделать то же самое.

Представлявший Эстонию в турецкой столице премьер-министр Март Лаар назвал действия России в Чечне «расизмом». Он отверг аргументы, что на Северном Кавказе Россия воюет с террористами.

— Международная общественность знает иные способы борьбы с так называемым терроризмом, чем те, что сейчас используются в Чечне, — сказал эстонский премьер.

По его словам, Россия должна «начать переговоры с избранными чеченскими руководителями и сделать все для предотвращения масштабной гуманитарной катастрофы».

Латвийский коллега Лаара Андис Шкеле высказался в том же духе:

— Мы признаем территориальную целостность Российской Федерации и осуждаем терроризм во всех его формах. Однако масштаб и неконкретный характер акций федеральных сил России в Чечне явно превышают официально объявленные цели. Большие жертвы среди гражданского населения и двести тысяч беженцев не могут быть ценой за борьбу против терроризма.

— Война никоим образом не уничтожает терроризм, — заявил в Стамбуле германский канцлер Шредер. — Массированное использование военной силы, от которого, прежде всего, страдает гражданское население, должно быть прекращено.

«Снизить военную эскалацию» в Чечне призвал Россию президент Франции Жак Ширак. По его словам, «военные средства не приведут к урегулированию конфликта».

Едины в осуждении чеченской войны были также ораторы, представлявшие авторитетнейшие международные организации, — Кнут Воллебэк, министр иностранных дел Норвегии, председательствовавшей в ту пору в ОБСЕ, президент

Финляндии Мартти Ахтисаари, — его страна была тогда председателем в Европейском Союзе. При этом Ахтисаари назвал «чрезмерным» использование Россией военных сил в Чечне и призвал российские власти «соблюдать обязательства перед международными законами».

Весьма резким было и выступление генсека ООН Кофи Аннана. По его словам, бомбардировки, проводимые в Чечне, «безнравственны и противоречат принципам человечности», вообще военные действия российской армии в этой республике «нарушают принцип безопасности» в мире.

— Противодействие терроризму как главному злу человечества, — сказал генсек, — является крайне настоятельным, однако при борьбе с ним необходимо руководствоваться принципом адекватности силы. Применение силы против мирных граждан может пойти лишь на пользу террористам.

Ельцин показывает Западу «кузькину мать»

Надежда, хоть и не очень большая, как-то повлиять на чеченскую политику Москвы отчасти подкреплялась еще тем, что в Стамбуле не было Путина, которого все единодушно считали «главным героем», главным инициатором возобновившейся чеченской войны: это, дескать, может облегчить Ельцину переговоры с западными лидерами, развязать ему руки. Увы, это были абсолютно тщетные надежды. Сразу же, как только Ельцин ступил на турецкую землю, стало ясно, что он заранее вознамерился, никого и ничего не слушая и не слыша, дать беспощадный отпор своим критикам.

Помимо прочего, это для него еще было важно потому, что он давно не появлялся на международной политической сцене, — широко распространено было мнение, что по причине болезни он необратимо утратил способность к активным, энергичным политическим действиям.

Ради того, чтобы дать жесткий отпор критикам, а заодно продемонстрировать свою полную дееспособность, Ельцин вплотную приблизился к границам допустимого с точки зрения дипломатического этикета.

— Вы не имеете права критиковать Россию за Чечню. — среди прочего заявил российский президент. — Мы не приемлем рецепты так называемых «объективных» критиков России. Тех, кто так и не понял: мы просто обязаны вовремя остановить распространение «раковой опухоли» терроризма… Тысячи наемников, обученных в лагерях на территории Чечни, а также

прибывших из-за рубежа, реально готовятся нести идеи экстремизма по всему миру… Долгосрочный мир в Чеченской Республике и так называемые «мирные переговоры» с бандитами — не одно и то же. И прошу на этот счет никого не заблуждаться! Никаких переговоров с бандитами и убийцами не будет!.. Мы за мир и политическое решение ситуации в Чечне. Именно для этого требуется полная ликвидация бандформирований, устранение террористов или суд над ними.

Собственно говоря, никто из оппонентов Ельцина и не возражал против «ликвидации бандформирований, устранения террористов или суда над ними». Вся разница была, что понимать под террористами и бандформированиями…

Чубайс советует…

Тут, кстати, говоря о том, как сформировался этот совершенно непримиримый, бескомпромиссный, агрессивный настрой Ельцина, можно, среди прочего, сослаться еще на позицию Анатолия Чубайса, к мнению которого, как уже говорилось, по крайней мере начиная с 1996 года, президент всегда внимательно прислушивался.

Чубайс, в отличие от большинства его коллег-де-мократов, с самого начала одобрил вторую чеченскую войну, утверждая, что она послужит возрождению российской армии (в действительности она послужила дальнейшему ее разложению). И теперь, накануне стамбульской встречи, он, в числе других, по-видимому, посоветовал Ельцину занять эту самую жесткую, атакующую позицию. По крайней мере, сам Чубайс в тот момент четко ее придерживался. Как раз 18-го, в день открытия стамбульского саммита, выступая перед журналистами, он сказал:

— После всего, что произошло в Югославии, Запад в целом и конкретно те лидеры, которые присутствуют в Стамбуле, существенно подорвали свои возможности высказывать свои претензии к России. Позиция России по вопросу Чечни должна быть открытой, но абсолютно жесткой. Россия не должна приспосабливать свои текущие политические задачи под требования извне, так как Россия — это самостоятельное государство, которое должно вести самостоятельную политику.

Можно по-разному относиться к действиям НАТО в Югославии весной 1999 года, но натовцы, по крайней мере, не уничтожали там сознательно и садистски мирное население.

«Особое мнение» Клинтона

Совершенно неожиданно Ельцина в своем выступлении поддержал Клинтон. По его словам, «Россия столкнулась с мятежом и насилием в Чечне», а потому «не только имеет право, но и обязана защищать свою стабильность». По словам Клинтона, в этой ситуации каждый должен задать себе вопрос: а что бы он делал на месте российского президента?

Думаю, слушатели были немало удивлены таким поворотом мысли хозяина Белого дома: до сих пор именно США энергичнее всего выступали за прекращение войны в Чечне.

Думаю, однако, что это был логически достаточно обоснованный и выверенный тактический ход американского президента. Клинтон сразу понял, что Ельцин приехал в Стамбул с единственной целью — «дать отпор» своим критикам, показать им «кузькину мать»; дискутировать с ним с трибуны саммита — совершенно бесполезно: это значит лишь раззадоривать «друга Бориса» в его полемическом пафосе; и, напротив, если сделать упор на другое — еще раз напомнить, что в принципе он, президент США, поддерживает главу российского государства «в борьбе с терроризмом», но вот что касается методов. — это может как-то охладить ельцинский пыл, смягчить его бойцовское настроение, после чего, при личной встрече можно будет уже достаточно спокойно все обсудить и прийти хоть к какому-то согласию.

Такая встреча Клинтона с Ельциным действительно состоялась (она длилась три четверти часа), и Клинтон действительно попытался найти хоть какие-то точки соприкосновения со своим собеседником. Увы, это не удалось…

— И он, и я были очень энергичны, — сказал после встречи Клинтон журналистам. — У нас очень хорошие личные контакты, однако это не помогло разрешить наши явные разногласия.

Суть их была все та же: Ельцин рассказывал Клинтону, что Россия сталкивается в Чечне с «безжалостными террористами» и что мир там может наступить только после их уничтожения, Клинтон же возражал: дескать, помимо террористов и сепаратистов, в этой республике, «несомненно, есть и другие силы», с которыми, как он уверен, можно вести «политический диалог для поиска политического решения».

Кстати, по словам одного из советников американского президента, Клинтон после беседы с Ельциным» отметил «крепкое рукопожатие» своего российского коллеги и сказал, что его собеседник «был очень активен, энергичен и напорист», да и вообще находится в хорошей физической форме. Тут с этим «крепким рукопожатием» Клинтон (конечно, не подозревая об этом) уподобился некоторым тогдашним кремлевским

персонажам, которые в доказательство хорошего самочувствия Ельцина постоянно считали своей обязанностью упомянуть, потешая честной народ, что при встрече и расставании президент очень крепко жал им руку.

И уехал, «хлопнув дверью»…

Выступление Ельцина в Стамбуле стало его очередной громогласной командой для Путина и К°: «Вперед! В бой! Ни на кого не оглядываясь. До полной и окончательной победы!»

Соответственно, оно стало очередным, — по-видимому, окончательным, — подтверждением, что Ельцин твердо и бесповоротно сделал выбор преемника. Жесткая позиция действующего президента явно работала на рейтинг президента будущего — повторяю, «главного героя» новой чеченской войны, — на дальнейший рост этого рейтинга.

Проведя безрезультатную сорокапятиминутную встречу с Клинтоном и протокольную получасовую — со Шредером и Шираком, Ельцин, не дожидаясь окончания саммита, за день до его финиша, отбыл в Москву. Все это восприняли как некую эффектную импровизацию, как некий жест, призванный подкрепить ельцинскую словесную жесткость: я, мол, сказал, что хотел, и — до свидания, дальше можете разговаривать без меня, меня не интересует, о чем вы там будете судачить.

На самом деле досрочный отъезд Ельцина был запланирован заранее, и об этом даже сообщалось в прессе. Так что никакой импровизации не было. Все же, однако, вполне можно считать, что это был запланированный политический жест — концовка тщательно продуманного сценария.

Хотя, возможно, это досрочное исчезновение запланировали еще и потому, что не было полной уверенности, сможет ли Ельцин, учитывая его состояние, выдержать двухсуточную напряженную работу…

Ельцин пригрозил Клинтону ядерным оружием

Осада Грозного продолжалась. 6 декабря российская авиация принялась разбрасывать над городом листовки с ультимативным требованием к еще остававшимся там жителям покинуть чеченскую столицу до 11 декабря. Для этого, как говорилось в листовках, им предоставляется «гуманитарный коридор». Все, кто не выполнит это требование до указанного срока, будут считаться террористами и боевиками.

Запад вновь резко прореагировал на этот ультиматум

мирному населению. Уже на следующий день Билл Клинтон, выступая в Белом доме, сказал, что, по его мнению, этот ультиматум создает угрозу для «старых, немощных и раненых людей, а также для других невинных гражданских лиц, которые не могут уйти или слишком напуганы, чтобы покинуть свои дома». По словам американского президента, «весь мир обеспокоен судьбой невинных чеченских граждан», оказавшихся «в ужасном положении».

В целом же, по словам Клинтона, хотя он и считает борьбу России с терроризмом «правильной», однако методы, которые она при этом использует, — «неверные». Как полагает Клинтон, Россия «будет платить все большую цену за эти действия, с каждым новым днем все глубже опускаясь в трясину, которая приведет к усилению экстремизма и ослаблению позиций России в мире».

Это выступление буквально привело в ярость Ельцина, который в тот момент находился с визитом в Китае.

— Он, Клинтон, видимо… забыл, что такое Россия, — заявил российский президент, — что она владеет полным арсеналом ядерного оружия… Он решил поиграть мускулами, как говорится. Хочу сказать… Клинтону: пусть он не забывается, в каком мире он живет. Не было и не будет, чтобы он один диктовал всему миру, как жить. Многополярный мир — вот основа всего. То есть так, как мы договорились с председателем КНР Цзян Цземинем, — мы будем диктовать миру, а не он один.

Реакция на выступление Клинтона была явно неадекватной. Ельцин, видимо, решил, как и в Стамбуле, продемонстрировать, что он еще полон энергии, что он в полной боевой, бойцовской форме, а потому никому не позволит «вмешиваться во внутренние дела России». К тому же им, наверное, двигало еще и желание польстить «китайским товарищам», выставляя напоказ «вечную» дружбу с ними и подчеркивая его совместную с китайцами решимость не позволить Штатам быть единственным полюсом в мировой политике.

Так или иначе, уже на следующий день ельцинскому пресс-секретарю Дмитрию Якушкину пришлось «разъяснять», что имел в виду его шеф, в очередной раз показывая Западу «кузькину мать».

— Ни о каком разрыве отношений со странами Запада речи не идет, — заявил Якушкин… — Президент России считает принципиально важным отстаивать позицию России по конфликту на Северном Кавказе. Это — внутреннее дело России, которая на Северном Кавказе борется с терроризмом.

Российские официальные лица высокого и не очень высокого ранга постоянно напирали на то, что происходящее в Чечне —

внутреннее дело России, хотя весь мир давно признал, что попрание прав человека не относится к категории «внутренних дел».

К «разъяснению» ельцинских слов вынуждены были подключиться и военные. Главком Ракетных войск стратегического назначения Владимир Яковлев растолковал непонятливым, что в своем заявлении в Пекине президент России как верховный главнокомандующий говорил о ядерном оружии сдерживания, а не о наступательном оружии. Яковлев подтвердил, что решения США и России о снятии полетного задания для межконтинентальных баллистических ракет, принятые ранее, продолжают действовать. Успокоил.

В общем, как это часто с ним бывало, с очередным «нашим ответом Чемберлену» Бориса Николаевича занесло…

Березовский предлагает план…

16 ноября, еще накануне стамбульского саммита Борис Березовский на встрече с журналистами в Черкесске (он тогда баллотировался в Госдуму от Карачаево-Черкессии) предложил собственный план урегулирования в Чечне. План состоял из семи пунктов:

1. Чечня является составляющей частью РФ.
2. На всей территории Чечни в полном объеме действует Конституция РФ.
3. В Чечне возможна реализация только такого решения, которое будет поддержано большинством населения республики.
4. Окончательное урегулирование может быть достигнуто только политическим путем.
5. Отряды чеченской оппозиции должны быть добровольно расформированы, их командиры, которые не согласны с вышеизложенными пунктами, должны покинуть территорию Чечни и переместиться в страны, готовые их принять.
6. Суд над террористами должен происходить в соответствии с международным правом.
7. Международное сообщество и Россия должны признать решение такого суда.

План был явно утопическим, предвыборно-популистским: ни для той, ни для другой стороны в полном объеме он был неприемлем. У Москвы, конечно, не могло быть возражений против того, что Чечня — это часть России, что на ее территории действует российская Конституция, что окончательное урегулирование чеченской проблемы может быть достигнуто только политическим путем (общая, никого ни к чему не

обязывающая декларация). А вот с тем, чтобы в Чечне были действительны только такие решения, которые поддерживает большинство населения республики или чтобы суд над террористами происходил по нормам международного права, Кремль, разумеется, никогда не согласился бы. Что касается чеченской стороны, для нее тут вообще ничто не было приемлемо, разве только все тот же декларативный пункт о политическом решении чеченской проблемы.

Понятное дело, Березовский и не рассчитывал на то, что его план примут: не настолько он наивен. У него, как всегда, по-видимому, были тут какие-то скрытые, «боковые» замыслы. В частности, можно предположить, он надеялся, что «для обсуждения плана по Чечне» его примет Путин, и на этом приеме, он, Березовский, попытается решить какие-то свои проблемы, никаким боком к Чечне не относящиеся.

В общем-то, так оно и получилось. 18 ноября Путин принял Березовского (здесь Борису Абрамовичу посодействовала пресса: на Путина посыпались вопросы, знаком ли он с планом олигарха). Не думаю, что само обсуждение предложенного Березовским плана заняло много времени. Как и ожидалось, Путин согласился, что некоторые его пункты «достойны внимания» — в частности, первый и второй. В целом же план, как нетрудно было предположить, Путина не вдохновил.

Главной же целью визита Березовского, по-видимому, было — замолвить слово за его протеже, бывшего подполковника ФСБ Александра Литвиненко, который в то время пребывал под арестом (его беды начались после того, как в ноябре 1998-го он и несколько его товарищей выступили по телевидению со скандальными разоблачениями своей лубянской конторы).

Увы, этот демарш Березовского также не увенчался успехом. Как сообщалось в прессе, Путин (напомню: в ту пору, когда раскручивались события вокруг Литвиненко, он был как раз директором ФСБ) заявил своему посетителю, что никто не имеет права вмешиваться в ход следствия и что события должны развиваться так, как это определено законом.

Спустя всего лишь девять дней Московский гарнизонный военный суд снял с Литвиненко и его коллеги, другого бывшего подполковника ФСБ Александра Гусака обвинения в «превышении должностных полномочий с применением насилия», однако оба они тут же были арестованы по другому обвинению — в превышении власти, вымогательстве, похищении людей и убийстве….

Большинство российских граждан — за то, чтобы

«мочить их в сортире»

Как уже говорилось, одной из главных причин стремительного роста популярности Путина стало возобновление чеченской войны. Решительные жесткие действия нового начальника на Северном Кавказе нашли живой отклик в сердцах российских граждан. По опросам Фонда «Общественное мнение», проведенным 13 ноября и 11 декабря 1999 года, эти действия одобряли две трети наших соотечественников, отрицательно их оценивали менее одной пятой.

Подавляющее большинство опрошенных высказалось также за то, чтобы федеральные войска продолжали продвижение вглубь Чечни, не останавливаясь ни у Терека, ни у горной ее части (тогда кое-где в прессе еще велись споры об этом)…

В общем, основная масса российских граждан выступала за то, чтобы «мочить их в сортире».

Это при том — об этом уже говорилось, — что всего лишь три с небольшим года назад большинство наших соотечественников категорически требовало от Ельцина немедленно прекратить войну. Когда же глас народа был гласом Божьим — тогда или теперь?

КОГДА МИР НЕ НУЖЕН

Переговоры с Масхадовым, оказывается, ведутся

10 декабря неожиданно выяснилось некое существенное обстоятельство, касающееся чеченской проблемы. Как заявил в этот день Путин, российское правительство, оказывается, никогда не прерывало контактов с теми, «кто называется официальными лицами в чеченском руководстве, в том числе с Асланом Масхадовым». Эти контакты продолжаются и поныне. По словам Путина, несколько дней назад он встречался с одним из вице-премьеров правительства Масхадова, который приехал в Москву по поручению президента Чечни. Как сказал Путин, российская сторона сообщила условия, на которых она готова продолжить переговоры с Масхадовым: «Во-первых, Масхадов обязан осудить терроризм во всех его проявлениях, во-вторых, правительство Чечни должно выдать всех заложников, как российских граждан, так и иностранных, и, в-третьих, осуждая международный терроризм, Масхадов должен выдать тех преступников, которые организовали взрывы в Москве, Волгодонске, Каспийске и других городах, тех, кто принимал участие в нападении на Дагестан».

Кроме того, Путин сообщил, что накануне у представителей российской стороны была встреча с еще одним вице-премьером правительства Масхадова, и там вновь были повторены условия, на которых Москва согласна продолжить переговоры. Однако никакого конкретного результата эти встречи, мол, не приносят.

— Появляются новые лица, а ответов до сих пор нет, — сказал Путин.

Через два дня, выступая на канале ОРТ, Путин сделал одно существенное уточнение: переговоры ведутся «со всеми политическими силами в Чечне, не только с Масхадовым». В ту пору на политическом горизонте появился муфтий Чечни Ахмад Кадыров, настроенный вполне лояльно к федеральной власти, и Москва стала постепенно склоняться к тому, чтобы именно на него сделать ставку как на главного партнера по переговорам с чеченской стороны. Правда, к этому времени Масхадов уже отстранил Кадырова от должности муфтия Чеченской Республики, посчитав его предателем, однако Кадыров пренебрег этим распоряжением президента.

Путин предъявляет Масхадову невыполнимые требования

Что касается самого Масхадова как партнера Москвы по переговорам, Путин довольно четко изложил, как он смотрит на этого деятеля:

— Первое, что должен сделать человек, который называет себя президентом республики или претендует на то, чтобы так называться, это выдать заложников, причем заложников, захваченных задолго до начала этого конфликта и удерживаемых там по криминальным мотивам, не по политическим. Их там более 350 человек, в том числе иностранцев. Однако Масхадов их не выдает. Есть два варианта ответа на вопрос, почему. Первый: он может это сделать, но не хочет. Тогда он полностью ассоциируется с бандитами, и тогда со стороны России с ним должны вести переговоры не президент страны и премьер-министр, а следователи прокуратуры и ФСБ, и не в Кремле и в Белом доме, а в Лефортове. Возможен и другой вариант: он хочет отдать, но не может. Он не может выдать заложников, он не может выдать преступников, бандитов и террористов, он не мог воспрепятствовать нападению на Дагестан, не мог воспрепятствовать взрывам в крупных городах России. Он ничего не может. А тогда возникает вопрос: зачем он нам нужен в качестве переговорщика, тот ли это человек, с которым можно и нужно договариваться?

Вроде бы все логично. Однако похожие вопросы в принципе можно было бы задать и самому Путину. Кто такие «заложники, удерживаемые по криминальным мотивам»? Это люди, похищенные уголовниками. В России из года в год бандиты похищают сотни, а возможно, и тысячи людей. По данным НИИ МВД, только за четыре месяца 1999 года было зарегистрировано 529 похищений (не считая случившихся на Северном Кавказе). 529 зарегистрировали. На деле же, без сомнения, таких преступлений было значительно больше. Следуя логике Путина, от него тоже можно было бы потребовать немедленно освободить этих людей, а их похитителей передать в руки правосудия. Поскольку эта задача явно оказалась бы для него непосильной, мы бы имели полное право задать ему тот же вопрос, что и он Масхадову, — почему? Он не хочет или не может? Поскольку ясно, что не может, мы были бы вправе потребовать от него сей же час подать в отставку…

Так обстояло дело с заложниками. Что касается террористов, подорвавших дома в российских городах, никаких доказательств, что это сделали именно чеченцы, в тот момент не было. Позже некоторых преступников вроде бы нашли и осудили (другие «были убиты»). Однако, учитывая состояние наших следственных органов, нашего «басманного» правосудия, у многих остались

сомнения, что были найдены и осуждены истинные виновники.

Такого рода сомнения зародились сразу же после взрывов, после рязанского инцидента. Была даже создана общественная комиссия во главе с депутатом Сергеем Ковалевым, которая начала параллельное, независимое расследование. Однако после того, как на участников этой комиссии начали оказывать давление, после того, как ведущие ее члены либо были убиты (Юшенков), либо умерли при странных обстоятельствах (Щекочихин), либо подверглись опять-таки странному нападению (Лацис), либо оказались за решеткой (Трепашкин), это расследование заглохло…

Наконец, насчет Дагестана. Туда действительно вторгся Басаев со своим отрядом из 650 человек. Он никогда не скрывал этого. Так же, как после не скрывал, что организовал теракты на Дубровке, в Беслане. Но выдать этого террориста Москве Масхадов действительно не мог, даже если бы захотел. В Ичке — рии не было той «вертикали» власти, какую соорудил в России Путин. Масхадов и Басаев располагались на властной «горизонтали», почти на одном уровне. Масхадов размещался чуть-чуть повыше, но Басаев тоже занимал разные правительственные посты: был первым вице-премьером, замещал премьера в его отсутствие. Баллотировался в президенты Чечни. Главное же — он был для многих чеченцев, — по крайней мере, наверное, для большинства воюющих чеченцев, — «национальным героем». Без сомнения, высоко его ценил и сам Масхадов, хотя он неустанно повторял, что не приемлет террористических методов борьбы. Так что требования Москвы, чтобы он громогласно отрекся от терроризма, были совершенно излишними. Но под терроризмом чеченский президент понимал не вооруженную борьбу вообще, а насилие над гражданским населением, нападение на мирные объекты. Масхадов, а затем его преемник на президентском посту Садулаев достаточно твердо настаивали, чтобы Басаев отказался от террора. И в конце концов, в какой-то момент тот вроде бы последовал этим настояниям…

Кроме того, многие отряды чеченских боевиков — так называемые «индейцы» — вообще никому не подчинялись, действовали автономно, самостоятельно, в том числе и прибегая к террору. Укротить их в ту пору было такой же невыполнимой задачей, как вообще покончить с уголовщиной…

В общем, ясно, что Москва предъявляла Масхадову либо риторические (отречься от терроризма), либо невыполнимые требования. Было ясно, что серьезные переговоры Москве не нужны.

Москва упустила свой единственный шанс…

Это была трагическая ошибка московского руководства. Переговоры с Масхадовым, — пожалуй, единственным в то время умеренным чеченским политиком такого уровня — были, наверное, единственным шансом разумно решить проблему Чечни, установить в этой республике настоящую, а не показную, шаткую стабильность. Все, что требовалось от московских правителей, — начать с Масхадовым серьезные переговоры (он их к этому постоянно призывал), действовать с ним заодно в наведении порядка в республике, помогать ему экономически, стараться откорректировать его действия, направить их в нужное русло.

Отвергнув переговоры с Масхадовым, а затем убив его, Москва бездарно упустила этот единственный шанс. Шанс добиться мира и стабильности в Чечне, а может быть, и на всем Северном Кавказе. После убийства Масхадова чеченское движение Сопротивления стало стремительно радикализироваться и исламизироваться, расползаться по всем соседним исламским республикам и даже за пределы Кавказа. Дело дошло до того, что очередной лидер чеченских боевиков Дока Умаров заявил, что «отменяет» все республики Северного Кавказа, созданные «кафирами» (неверными), в том числе и саму Чечню, и учреждает на их месте единый Кавказский эмират (по-другому — имарат), а себя назначает его эмиром (амиром).

Умаров объявил, что распространяет «священный Джихад» не только на «Русню», но и на все страны, воюющие с мусульманами в любой точке земного шара:

«Сегодня в Афганистане, Ираке, Сомали, Палестине сражаются наши братья. Все кто напал на мусульман, где бы они ни находились — наши враги, общие. Наш враг не только Русня, но и Америка, Англия, Израиль, все кто ведут войну против Ислама и мусульман».

Ясно, что позиция «всекавказского эмира» Доку Умарова резко отличалась от позиции бывшего чеченского президента Аслана Масхадова, который постоянно подчеркивал, что он возглавляет НАЦИОНАЛЬНООСВОБОДИТЕЛЬНУЮ борьбу чеченского народа, а не стремится построить какой-то широкий исламский эмират или халифат. Его слова, сказанные незадолго до гибели:

«Чеченским моджахедам не нужно ни брать пример с Аль-Каеды (по-другому — Аль-Каиды. — **О. М.**), ни иметь с ней каких-либо связей. Потому что в местах, где ведет войны Аль-Каеда, картина, сложившаяся в Афганистане, — не пример для чеченцев.

В Чечне иная война. С начала этой войны прошло 300 лет, и ни один день эта война не останавливалась. То, что ищут чеченские моджахеды, — свобода».

Что касается «промосковского» кадыровского режима установленного в Чечне (имея в виду уже Кадырова-сына), это, по общему мнению, неустойчивый, полу-криминальный режим. И что, наверное, важнее всего для Кремля, — не обладающий качествами надежного союзника и вассала Москвы, способный при определенных обстоятельствах повернуть оружие против нее.

ЕЛЬЦИН ПОКИДАЕТ КРЕМЛЬ

«Я не хочу ему мешать»

В последний день 1999 года, 31 декабря, в телеобращении к россиянам Ельцин заявил, что досрочно уходит в отставку.

Объясняя это свое решение, совершенно неожиданное для абсолютного большинства его сограждан, он сказал,

что «долго и мучительно» размышлял над ним. Не потому, что держался за власть: расхожее утверждение, будто он любыми путями будет за нее держаться, — это, по словам Ельцина, «вранье». Просто он хотел, чтобы все произошло, как того требует Конституция, — чтобы президентские выборы состоялись вовремя — в июне 2000 года.

— Это было бы очень важно для России, — сказал Ельцин, — мы создаем важнейший прецедент цивилизованной добровольной передачи власти, передачи ее от одного президента России другому, вновь избранному.

И все же, по словам Ельцина, он решил уйти раньше положенного срока:

— Я понял, что мне необходимо это сделать. Россия должна войти в новое тысячелетие с новыми политиками, с новыми лицами, с новыми умными сильными, энергичными людьми, а мы — те, кто стоит у власти уже многие годы, — мы должны уйти.

Тут Ельцина подвели спичрайтеры, помогавшие ему при составлении текста: в действительности новому веку и новому тысячелетию предстояло начаться только еще через год — в 2001-м. Но больно уж, видимо, хотелось, чтобы все прозвучало покрасивее, подраматичнее.

Дальше у Ельцина следовало признание, в какой именно момент он окончательно решил уступить место Путину. Это произошло после думских выборов:

— Посмотрев, с какой надеждой и верой люди проголосовали на выборах в Думу за новое поколение политиков, я понял — главное дело своей жизни я сделал, Россия уже никогда не вернется в прошлое, Россия всегда теперь будет двигаться только вперед. И я не должен мешать этому естественному ходу истории, полгода еще держаться за власть, когда у страны есть сильный человек, достойный быть президентом, и с которым сегодня практически каждый россиянин связывает свои надежды на будущее. Почему я должен ему мешать, зачем ждать еще полгода?! Нет, это не по мне, просто не по моему характеру.

Сегодня, как мы знаем, «сильный человек» остановил движение России в направлении «только вперед», во многом возвращает ее «в прошлое». Ельцин ошибся в своих надеждах…

В завершение своего выступления президент попросил прощения у россиян:

— Я хочу попросить у вас прощения за то, что многие наши с вами мечты не сбылись, за то, что нам казалось просто, а оказалось мучительно тяжело. Я прошу прощения за то, что не оправдал некоторых надежд тех людей, которые верили, что мы одним махом, одним рывком сможем перепрыгнуть из серого застойного тоталитарного прошлого в светлое богатое цивилизованное будущее. Я сам в это верил. Одним рывком не получилось. В чем-то я оказался слишком наивным, где-то проблемы оказались слишком сложными… Я ухожу, я сделал все, что мог… Мне на смену приходит новое поколение, поколение тех, кто может сделать больше и лучше.

Ельцин сообщил, что подписал указ о возложении обязанностей президента России на председателя правительства, который будет исполнять эти обязанности в течение трех месяцев — до новых выборов. Сказал, что всегда был уверен «в удивительной мудрости россиян», а потому не сомневается, какой выбор они сделают в конце марта 2000 года.

Почему он ушел

Близкие к Ельцину люди утверждают: прежде всего, он был озабочен тем, чтобы передать власть человеку, при котором Россия продолжала бы двигаться в том же направлении, в каком ее двигал и он (собственно, Ельцин сам об этом сказал в своем последнем обращении к россиянам). Пока он не нашел такого человека и не убедился, что серьезных препятствий на его пути в президенты нет, он не уходил с президентского поста, хотя мог бы уйти и раньше, чем 31 декабря. Опасения на этот счет в его окружении были: весну, лето, начало осени 1999-го Ельцин провел в состоянии необычайного психологического напряжения. Как рассказывают, из-за всякого рода конфликтов, нападок, которым он подвергался (одна только история с импичментом чего стоила!), «внутри у него все клокотало».

Главным толчком, побудившим Ельцина досрочно уйти в отставку, стали, повторяю, декабрьские выборы в Думу — успешное выступление «Единства». Об этом вскользь сказано и в его прощальном телеобращении. Успех новорожденного политического движения, как полагал Ельцин, означал, что дорога в Кремль для его преемника, — имя которого уже прочно

связали с «Единством», — открыта. Для него это было своего рода внутренним освобождением: «Все, я нашел человека! Мы выиграли!» И настроение у него переменилось. Ельцин обрел уверенность: с Путиным он «попал в десятку». Наступило душевное спокойствие.

Реакция Путина

Если быть совсем точным, досрочно уступить свое место Путину Ельцин решил еще до думских выборов, незадолго до них, когда, в общем-то, стало ясно, что «Единство» добивается высокого результата, выходит на второе место. Во всяком случае, Путину он сказал об этом своем желании на их встрече в своей загородной резиденции 14 декабря (выборы, напомню, состоялись 19-го). Правда, не уточнил, когда именно он собирается покинуть Кремль.

Путин не ожидал досрочного ухода Ельцина. Да и вообще такое решение — уйти раньше срока — не было характерно для Бориса Николаевича. Но он-таки его принял, это решение. Главным аргументом, скажу еще раз, послужил удачный старт недавно созданного и быстро ставшего «пропутинским» «Единства».

Ну и, кроме того, Ельцин, конечно, просто устал… Это не вызывает сомнения.

Что касается Путина, он, надо полагать, к этому времени психологически уже был готов к тому, что займет ельцинское место, и, по-видимому, был рад, что томительный период ожидания закончился, ситуация становилась более определенной. Хотя каких-то внешних проявлений этой его радости никто не заметил.

Более того, он вроде бы даже был удручен приближающейся довольно резкой переменой в своей судьбе. Первая его реакция была: «Думаю, я не готов к этому решению, Борис Николаевич». Такая реакция «обескуражила» Ельцина…

Об этом своем разговоре с президентом Путин рассказал на встрече с Волошиным, Юмашевым и Татьяной Дьяченко. По словам его собеседников, он действительно был довольно сильно удручен. Однако все четверо пришли к заключению, что отставка президента состоится где-нибудь весной 2000 года, так что всерьез говорить об этом рано. Никто не мог предугадать, что это произойдет в ближайшие недели.

Вторая «предотставочная» встреча Ельцина и Путина состоялась утром 29 декабря. Как только преемник вошел в его кабинет, президент, по его словам, сразу почувствовал, что он,

Путин, «уже другой — более решительный, что ли».

Ельцин сказал своему гостю, что решил уйти 31 декабря…

Отставка Ельцина добавила Путину очков

Неожиданная досрочная отставка Ельцина, о которой он объявил 31 декабря, благоприятно сказалась на «президентском» рейтинге Путина — он резко подскочил: по данным Фонда «Общественное мнение», накануне Нового года, 25 декабря, этот рейтинг составлял 45 процентов, а 8 января — уже 55.

Ельцинская «помощь» Путину была тем более заметна, что в декабре, в отличие от сентября — ноября «президентский» рейтинг премьера не демонстрировал особенной тенденции к росту.

Абсолютным, безоговорочным преимуществом Путин стал обладать в январе и в парном голосовании, всех своих основных соперников он уже «побеждал» с разгромным счетом: Зюганова — 70:17, Примакова — 71:15, Явлинского — 75:7, Лужкова — 77:6.

У главных путинских соперников — Примакова и Лужкова — дела вообще пошли скверно. В конце декабря 1999-го Фонд «Общественное мнение» провел традиционный опрос на тему: «Кого из российских политиков, общественных деятелей вы назвали бы человеком года?» Год назад, в конце 1998-го «людьми года», занявшими в опросе два первых места, оказались теперешние соратники (хотя не скажу, что близкие друзья) Евгений Максимович и Юрий Михайлович. Год спустя абсолютным лидером, естественно, стал Путин (в 1998-м его имени вообще не было в списке). Евгений Максимович еще сумел зацепиться за вторую строчку, но с совершенно неприличным, более чем пятикратным отставанием от лидера: у Путина 42 процента, у Примакова — 8. Прошлый серебряный призер столичный градоначальник отъехал на шестое место с жалкими двумя процентами.

Полагаю, такого рода опросы все больше укрепляли бывшего премьера Примакова, в недавнем прошлом наиглавнейшего любимца публики во мнении, что на президентских выборах ему абсолютно ничего «не светит», так что нечего и «соваться», нечего смешить публику, наносить урон своему драгоценному имиджу в высшей степени солидного, положительного и рассудительного деятеля. Ибо какой же имидж у человека, с треском проигравшего?

4 февраля Евгений Максимович после долгих колебаний («колебал» он не только себя, но и всех окружающих), наконец сошел с дистанции с шестью процентами рейтинга (у Путина к

этому времени было уже 57). Как заметил один из телеведущих, «месяц он молчал, томил своих сторонников, поднимал цену своему решению».

А КРОВЬ ВСЕ ЛЬЕТСЯ И ЛЬЕТСЯ…

Продолжают «мочить их в сортире»

Между тем, грязная война в Чечне, возобновленная Путиным, продолжалась. Продолжалась при одобрении и поддержке большинства российского населения. Мы помним: по опросам Фонда «Общественное мнение», в ноябре и декабре в пользу войны высказывались, соответственно, 65 и 69 процентов граждан. Аналогичный опрос Фонд провел еще раз — 15 января 2000 года. Процент сторонников войны „до победного конца“ и противников любых переговоров остался примерно на том же уровне.

Что удивительно, чаще других такое мнение высказывали жители Москвы и Санкт-Петербурга, люди с высшим образованием… И еще: наряду с теми, кто голосовал на выборах за жириновцев и „Единство“, — сторонники Союза правых сил.

Как и осенью, две трети опрошенных высказались за то, чтобы российские войска продолжали двигаться все дальше и дальше вглубь Чечни.

«Российские солдаты добивали больных, раненых, убивали мирных людей, стариков и женщин»

Существует множество свидетельств о том, что тогда происходило в Чечне. Вот свидетельство тридцатидвухлетней жительницы поселка Новые Алды медсестры Асет Чадаевой (в записи сотрудников «Мемориала»):

«Я была свидетелем событий в Грозном, в частности, в поселке Новые Алды с сентября 1999 года по февраль 2000 года.

До 5 февраля 2000 года люди здесь гибли под бомбами, от осколочных ранений. Я свидетельствую: именно „работа“ российской авиации доводила хронических больных стариков до инфарктов и инсультов. Люди здесь умирали от пневмонии, они месяцами сидели в сырых подвалах, вследствие чего и гибли. Всего в течение двух месяцев до 5 февраля были нами похоронены 75 человек.

4 февраля, когда люди вышли из подвалов, ходили по дворам, кололи дрова, прибежала девушка с „Окружной“ [близлежащий район Грозного] и говорит: „Солдаты идут к вам, я их направила кружным путем, вокруг болота“. Я успела предупредить несколько семей. Чтобы солдаты от страха не

начали стрелять, я говорила: „По дворам не ходите, по-чеченски не кричите, детей не зовите — еще подумают, что кого-то предупреждаете“.

Когда первая группа солдат — разведка — появилась на нашей улице, мой отец, брат и я стояли перед воротами дома. Они идут молча мимо нас, и тут отец мой сказал: „А где ваше «Здравствуйте»?!“ Командир их остановился и говорит: „Извини. Здравствуй, старик“. Тут из группы выскочил какой-то маленький, подбежал к брату, сдергивает у него одежду с плеча, смотрит, — нет ли следов от ношения оружия. Смешно! Если бы он был боевиком, разве вышел бы сам?

Они нам сказали: «Завтра близко к подвалам не подходите. Вот за нами придут настоящие крутые“. Мы толком и не поняли, что нас хотят предупредить.

5 февраля около 12 часов дня я услышала на улице первые выстрелы. Мы с отцом вышли и увидели, как солдаты поджигают дома. Наш сосед чинил крышу, и я услышала, как солдат говорит: „Смотри, Дим, дурак крышу делает“, — а тот в ответ: „Сними его“. Солдат поднял автомат, хотел выстрелить. Я крикнула: „Не стреляй! Он глухой!“ Солдат повернулся и выпустил очередь поверх наших голов.

Тут за нами вышел мой брат, 1975 года рождения, и мы пошли навстречу этим фашистам. Первое, что они крикнули: „Отмечай им, Серый, зеленкой лбы, чтобы стрелять удобнее было“. Брату сразу же приставили автомат и спросили: „В боях участие принимал?“ Брат ответил, что нет, — тогда они стали избивать его.

На случай, если насиловать будут, я заранее привязала к себе гранату (ее можно было выменять на четыре пачки сигарет „Прима“).

Нам приказали собраться на перекрестке. Я собрала людей с нашей улицы, чтобы всем быть вместе. Только в нашем маленьком переулке детей до 15 лет было десять человек, самому младшему — всего два года. Солдаты опять начали проверять паспорта, один говорит: „Выселять вас будем. Вам коридор, сволочи, давали!?“ Все это сопровождалось нецензурной бранью.

Солдат, проверяя мою сумку, увидел там медикаменты и тонометр. Он спросил, кем я работаю. Я ответила: „Медсестрой“. Меня подвели к командиру. Он говорил с кем-то по маленькой рации, в ответ на какое-то сообщение начал кричать в нее: „Вы что там, все с ума посходили?!“ — далее нецензурно. Неподалеку раздавалась стрельба. Оттуда подбежал огромного роста мужчина в форме, наклонился к командиру, стал что-то говорить, командир в ответ кричал… Было видно, что они сильно

возбуждены.

Я боялась, что они, не разобравшись, начнут вокруг стрелять, и чтобы их успокоить, сказала: „Вы не бойтесь, тут некому в вас стрелять, если вы сами друг в друга не начнете“. В ответ он сказал: „Если только кто-нибудь выстрелит мне в спину или в кого-нибудь попадут, я всех тут положу, никого не пожалею!“

В это время на скорости подъехал БТР, командир опять начал по рации с кем-то говорить, потом подошел ко мне. Брат выскочил вперед, закрывая меня, но тот говорит: „Я не трону, не бойся. Ты — медработник. Организуй как можно скорее захоронение убитых. Тут ребята в запарке ваших стариков уложили“.

Только я отошла от перекрестка, снова раздались выстрелы. Женщины закричали: „Ася, Руслан ранен, перевяжи его!“ Руслан Эльсаев (возраст — 40 лет) после проверки стоял около своего дома, курил. Двое солдат без всякой причины выстрелили в него, одна пуля прошла навылет через легкое, в двух сантиметрах от сердца, другая — попала в руку. Мне чудом удалось остановить кровотечение, но ему срочно была нужна квалифицированная помощь хирурга. Но показать его русским было все равно что убить.

Мы с братом снова вышли на улицу и снова услышали дикие крики: соседка Румиса ведет девочку. Это была девятилетняя Лейла, дочь Кайпы, беженки из села Джалка. Кайпу я несколько месяцев знала, тихая такая женщина. Они жили у Сугаипова Авалу вместе с еще двумя мужчинами — беженцами из Грозного. Лейла в истерике падала, каталась по земле, хохотала и кричала по-чеченски и по-русски: „Маму мою убили!“ Брат взял ее на руки, отнес к нам домой, я вколола ей транквилизатор. Она не успокаивалась, кричала, и мы облили ее водой — с трудом успокоили.

Когда я кончила оказывать ей помощь, солдаты уже ушли с нашей улицы. Я побежала во двор Сугаипова — там лежала Кайпа в луже крови, от которой на морозе еще пар шел. Я хотела поднять ее, а она разваливается, кусок черепа отваливается — наверное, очередь из ручного пулемета перерезала ее. Рядом во дворе двое мужчин лежат, у обоих громадные дырки в голове, видимо, в упор стреляли. Дом уже горел, задние комнаты, в первой же горел убитый Авалу. Видимо, на него вылили какую-то горючую жидкость и подожгли. Я подтащила сорокалитровую флягу с водой, не знаю, как подняла, вылила воду. Честно говоря, я не хотела видеть тело Авалу, пусть лучше в памяти останется живой — исключительно добрый был человек. Прибежали соседи, тоже стали тушить пожар. Двенадцатилетний Магомед ходил по

двору, повторял: „Зачем они это сделали?!“ От запаха крови просто было невыносимо…

Я обратно побежала по центральной улице, там могли в любую минуту выстрелить, нужно было дворами передвигаться. Я увидела Гайтаева Магомеда — он был инвалид, в молодости в аварию попал, у него носа не было, он специальные очки носил. Он лежит, ему прострелили голову и грудь, а эти очки висят на заборе.

Российские солдаты добивали моих больных, раненых мирных людей, стариков и женщин. Лема Ахтаев, 1968 года рождения, чудом остался жив, когда 11 января из миномета попали в их дом — тогда убило троих, а его тяжело ранило. Я его лечила до 5 февраля — в тот день его и другого моего соседа, Ахматова Ису, 1950 года рождения, сожгли. Мы нашли потом кости, собрали их в кастрюлю. И любая комиссия, любая экспертиза может доказать, что это человеческие кости, человеческие ДНК. Но никому дела нет до этих костей, до этих убитых. Первое, что их интересовало, — похоронили ли мы убитых.

Был сожжен также Байгираев Шамхан, его забрали из дома. Российские солдаты зверски убили 80-летнюю Ахматову Ракият [вероятно присутствует в списке HRW (правозащитная организация Human Rights Watch. — **О. М.**) как Ахмадова Рахаш], которую сначала ранили, а потом лежачую добили. Она кричала: „Не стреляйте!“ Этому есть свидетели.

Эльмурзаев Рамзан [вероятно в списке HRW присутствует как Экмурзаев Рамзан], 1967 года рождения, инвалид, был ранен 5 февраля днем, а потом ночью умер от перитонита. Братьев Идиговых заставили спуститься в подвал и забросали гранатами. Один остался в живых, другого разорвало на куски [есть в списке HRW].

Гайтаев Магомед [есть в списке HRW] убит возле своих ворот. Всех невозможно перечислить… Всего в тот день мы не досчитались 114 человек, найдено 82 трупа».

…Если кто-то думает, что чеченцы когда-нибудь забудут и простят русским эти подвиги, тот сильно ошибается. Я полагаю, что прощения не будет и через тысячу лет. На административных картах Чечня еще долго может оставаться в составе России, но в сознании ее, Чечни, жителей, переживших все эти ужасы, она, конечно, давно уже вне этих границ.

Интересно, где сегодня все эти «Димы», «Серые», получившие в Чечне «боевую закалку»? Не исключено, что служат в полиции (там такие нужны), офицерами в армии (убивают и калечат новобранцев). Или — примкнули к «браткам». Тысячи прошли в

Чечне эту школу первобытного варварства, этот конвейер подготовки садистов и убийц.

…И еще одно. Так сказать, к портрету известного в ту пору телеведущего-телекиллера г-на Доренко. Аккурат через неделю после резни в Новых Алдах, 12 февраля 2002 года, телекиллер произнес в эфире такой цинично-кощунственный текст:

— В одном из разговоров с военными в Чечне я однажды посетовал, что, дескать, ужасно дорого стоят снаряды и бомбы, что работа артиллерии и авиации стоит нам очень дорого. «Совсем нет, — раскрыли мне глаза военные, — колоссальное количество снарядов скопилось на складах. Их утилизация и уничтожение — серьезная проблема».

Вот и все. Еще вопросы по поводу того, кто такой Доренко, есть? Вопросов нет.

Концлагерь в Чернокозове

Я уже писал об Андрее Бабицком. Может быть, стоит еще привести несколько фрагментов из его рассказа о том, что с ним происходило в Чечне после его задержания, в частности о печально известном «фильтрационном пункте» в Чернокозове, где он находился до своего «обмена» на будто бы пленных российских солдат. Вот что он рассказывал своему коллеге Петру Вайлю по телефону вскоре после возвращения домой в Москву 29 февраля:

— На мой взгляд, там, в Чернокозове, самый настоящий концлагерь — это то, что называется фильтрационным пунктом. Там бьют чеченцев… При мне там содержалось порядка 130 человек. Это 18 камер, бьют людей с утра до вечера, причем не только бьют, но и пытают. Применяют разнообразные пытки — их перечисление заняло бы очень значительное время.

— Вы говорили в вашем предыдущем интервью, что вам досталась только лишь так называемая «прописка» — какое-то количество ударов дубинками. А почему к вам относились по-другому?

— Именно потому, что выяснилось, что я журналист, а для них, это, видимо, был либо редкий, либо первый такой гость, поэтому, меня просто «прописали» и практически на третий день перевели в «блатную» камеру, где обычно содержатся проштрафившиеся российские военнослужащие, которых не бьют, и которым как-то помогают, и фактически для меня этот срок в сравнении со всеми, кто там постоянно находился, был достаточно вольготным, хотя даже по условиям, насколько я понимаю, обычной российской тюрьмы, эти условия вольготными

назвать нельзя. Представьте себе, это камера-одиночка, мы меряли ее с моим сокамерником спичками — метр восемьдесят на метр, и когда нам бросили третьего человека, то мы спать фактически не могли, потому что места не было. Тем не менее, все равно, я могу сказать, что я находился в достаточно комфортных условиях. Остальные чеченцы первое время, пока я находился в Чернокозове, подвергались истязаниям и пыткам. Кормят там один — два раза в день. Два раза — когда не забывает обслуга, один раз, когда она выпивает вместе с местной охраной. Очень большая проблема, — это то, что называется «оправкой». В туалет в лучшем случае можно выйти раз в сутки, в худшем случае — в сутки с половиной и двое суток. Это иногда превращается в чудовищное мучение. Кроме того, практикуется просто элементарное издевательство, когда охрана ходит от камеры к камере и задает самые разные вопросы или заставляет выполнять действительно унизительные для людей указания. Но об унижении никто не думает — все думают о том, чтобы не пытали. Это нужно иметь в виду, потому что первые три дня, пока я там находился, пытки носили совершенно беспрецедентный характер, беспрецедентный в моем представлении, потому что никогда таких чудовищных истязаний над человеческой плотью я не видел. И никогда я не слышал таких кошмарных выражений боли, таких криков, которые выражали эту боль…

Свой рассказ Андрей Бабицкий продолжил на пресс-конференции на следующий день. Он повторил данную им накануне характеристику «фильтрационного пункта» в Чернокозове, добавив, что это вообще своего рода модель тех порядков, которые пытаются установить во всей Чечне:

— …По сути дела, Чернокозово — это концентрационный лагерь, того типа, о котором мы знаем и по фильмам про Великую Отечественную войну и по литературе о сталинских лагерях. Это такой механизм истязания тех, кто попадает туда. Я провел там фактически две недели — с 16 января по 2 февраля, — и из тех, кого называют боевиками, в этом изоляторе фактически нет никого. Туда людей просто гребенкой собирают по улицам, из чеченских сел и городов. И этих людей ломают, бьют, пытают, запугивают. Я не знаю, для чего это делается. Надо сказать, что сейчас в Чечне создается очень успешно модель полицейского управления государством. И там, в Чечне, полный, на мой взгляд, бардак, но, тем не менее, полицейская модель работает. Она полностью держится на страхе. Не так важно, эффективны ли те или иные гражданские службы — важно, чтобы работал именно аппарат подавления…

Западу неприятно на это смотреть

Запад так и не смог оказать какое-то существенное умиротворяющее, образумливающее влияние на действия московских властей в Чечне. Более того, по-видимому, и не очень хотел, по возможности брезгливо сторонился. Да, рядовые граждане, общественные деятели, журналисты — те не уставали протестовать, обличать, а вот так называемые «официальные лица», от которых, конечно, зависело гораздо больше. Они, разумеется, тоже критиковали Москву, но предпринять какие-то решительные действия, которые заставили бы ее остановиться, одуматься, — на это они так и не отважились.

Характерный случай произошел осенью 2007 года в Брюсселе. 2 октября в здании Европарламента открылась фотовыставка «Геноцид в Чечне». На ней были представлены 300 снимков, сделанных известными фотожурналистами и показывающих зверства российских военных в этой республике, их чудовищные преступления перед мирным населением. Перед зрителем предстали останки людей, погибших под бомбами (которые таким способом «утилизировали»), расстрелянных при «зачистках», замученных в «фильтрационных пунктах», то бишь в концлагерях.

По словам тех, кто успел посмотреть фотографии, они были потрясены.

Однако снимки провисели на стендах лишь несколько часов, после чего выставку поспешно закрыли: показывать такое… Европарламентарии решили поберечь свою психику, свои нервы…

Надо сказать, перед открытием выставка уже прошла своеобразную цензуру: сорок четыре снимка, на которые, по мнению «цензоров»-администраторов, вообще невозможно было смотреть без содрогания, закрыли листами черной бумаги. Однако затем, как видим, к этой же категории, были отнесены и все остальные фотографии.

Когда выставку демонтировали, настырные журналисты, не сумевшие вовремя взглянуть на экспонаты, пытались увидеть фотографии, переснять хотя бы некоторые из них, однако бдительные охранники, видимо, получившие соответствующие инструкции, запрещали им это делать, поворачивали фотографии тыльной стороной к фото- и телекамерам.

— Нельзя смотреть! Запрещено! — угрюмо твердили они.

В этом инциденте, как в капле воды, отразилось истинное отношение Запада (западных властей) к тому, что происходит в Чечне: мы, конечно, против, но. в конце концов, разбирайтесь там сами, не впутывайте нас в вашу грязь, не заставляйте нас вместе с чеченцами переживать те злодейства, которые вы там творите!

Путин — президент

Президентские выборы состоялись 26 марта. Уже в конце этого дня стало ясно, что Путин побеждает с довольно большим — более 16 процентов — отрывом от следующего за ним вечного коммунистического кандидата в президенты Зюганова.

Что могло помешать победе выбранного Ельциным наследника? Война в Чечне? Да нет, она только способствовала его триумфу. Тогда, может быть, избирателей в состоянии были насторожить такие эксцессы, как весьма подозрительные «учения» в Рязани, похищение и «обмен» журналиста Андрея Бабицкого, его рассказ о происходящем в Чернокозове (это ведь уже не война, это что-то другое)… Нет, не насторожили.

Окончательные итоги выборов были опубликованы 5 апреля. Преимущество фаворита стало еще больше: Путин — почти 53 процента, Зюганов — несколько более 29-ти. На третьем месте оказался Явлинский, обогнавший Тулеева, ранее занимавшего это место, — 5,8 процента.

Никто из остальных восьми кандидатов не преодолел трехпроцентного барьера, так что всем им предстояло вернуть в казну деньги, полученные на предвыборную агитацию…

Интереса ради, можно все же перечислить, в каком порядке выстроились эти аутсайдеры: Аман Тулеев (более 2,2 миллиона голосов), Владимир Жириновский (несколько более 2 миллионов), Константин Титов (около 1,2 миллиона), Элла Памфилова (почти 759 тысяч), Станислав Говорухин (около 329 тысяч), Юрий Скуратов (более 319 тысяч — совсем неплохой результат для героя «кассетного» скандала), Алексей Подберезкин и Умар Джабраилов — оба менее чем по 100 тысяч.

Очередной трагический перелом в российской судьбе

Итак, Путин — президент…

В «Президентском марафоне» Ельцин пишет, что когда он узнал об этом фактически уже свершившемся событии 26 марта 2000 года, то пришел в восторг:

«Я от волнения не мог усидеть на месте. Победа! Быть может, главная моя победа! Господи, как долго я этого ждал!»

На самом деле это была не главная победа, а главная ошибка его жизни. В результате этой ошибки в российской истории открылась очередная трагическая страница.

Это сейчас, по прошествии лет, все так и сяк судят и рядят, что, собственно говоря, произошло 31 декабря 1999 года, когда в России не просто сменилась власть, но и произошел очередной

резкий перелом в ее судьбе: от надежды — к почти полной безнадежности. Однако непосредственно после той даты — 31-го — мало кто угадал, мало кто дал точную оценку. Пожалуй, точнее всех ее дала Валерия Новодворская в «Литгазете» от 19 января (еще и трех недель не прошло от рокового события):

«Он (Борис Николаевич Ельцин. — **О. М.**) останется в истории Иваном Сусаниным, который обещал показать стране дорогу на Запад, а в результате завел ее и сдал прямо в руки Лубянки, устроив нам конфронтацию со всем цивилизованным миром. Ельцин все свои заслуги, до одной, очень старательно, ничего не забывая, взял назад (точнее бы сказать: взял и перечеркнул. — **О. М.**)»

Россия, что с тобой случилось?

Если вернуться к чеченской теме… Вот тоже вопрос: как могло случиться, что за каких-то три года — с 1996-го по 1999-й — страна, Россия, так резко переменилась? Из сообщества людей, требующих мира, мира во что бы то ни стало, превратилась в сообщество, жаждущее войны. Ну, не жаждущее — мне возразят, что это сказано слишком сильно, — но, по крайней мере, «большинством голосов» поддерживающее эту войну (тут уж возражений, я полагаю, быть не может — опросы-то нам известны).

Думаю, как и в прежние времена, главную роль сыграла пропаганда. Наши соотечественники по-прежнему беззащитны перед ней. По-прежнему легко поддаются манипулированию. Как в тридцатые годы, когда огромные массы народа с необыкновенной легкостью удавалось уверить, что такой-то и такой-то — шпионы и диверсанты, не заслуживающие иной участи, как только немедленного расстрела.

И то сказать, если вам каждый день демонстрируют, как «чеченские бандиты» пытают русских солдат (да и не только солдат), отрубают им головы, отстреливают пальцы, — трудно не вскипеть, не заразиться ненавистью, не прийти к мысли, что иначе как только с помощью оружия с ними нельзя вести разговоры.

При этом как-то не приходит на ум: а почему же нам не показывают аналогичные или даже еще более жестокие истязания, которым подвергают чеченцев «федеральные» костоломы в различных «фильтрационных пунктах», как казнят без суда и следствия, связав по несколько человек и подрывая такую связку тротилом? Да мало ли что еще не показывают…

Вообще, почему-то никому не приходит в голову: что должна

пережить, например, чеченка, перед тем как надеть на себя «пояс шахида», — через какие муки или созерцание мук своих близких она должна пройти? Или еще: откуда берутся «отморозки», наподобие тех, что захватили бесланскую школу? Может быть, перед этим их собственные дети были преданы такой же мученической смерти?

Им, «отморозкам», конечно, нет оправдания: верх дикости мстить ни в чем не повинному ребенку, — но все же… Будь нам известна ВСЯ правда о подобных делах, а не только лишь строго очерченная строго дозированная часть ее, может быть, наша ненависть, наше возмущение сконцентрировались бы не только на этих бандитах, — может быть, для нашей ненависти еще приоткрылась главная причина всех этих бед — бесчеловечная война, начатая почти два десятка лет назад на Северном Кавказе и до сих пор нельзя сказать, чтобы окончательно завершенная.

Но «искусство» пропаганды в том и заключается, чтобы показывать лишь половину правды, ту, которая «нужна».

…Как-то уж больно вовремя подоспели в 1999-м и взрывы домов, и вторжение Басаева в Дагестан… Ну, тут уж, думалось, вообще все ясно: агрессия! Агрессию надо отражать.

Может быть, когда-нибудь откроется, почему именно в тот момент — ни раньше, ни позже — взлетели на воздух дома в Москве и Волгодонске, по какой причине Басаев и К^{о} пошли на столь очевидную глупость — на это самое вторжение, — в которой больше всех именно они не были заинтересованы…

Как бы то ни было, чеченская война, остановленная с такими муками, с таким неимоверным трудом, возобновилась.

…Правда, в конце концов ее вроде бы закончили, точнее — приостановили, но изначально поставленная цель — сделать Чечню нормальной, цивилизованной частью России — так и не была достигнута. И вряд ли будет достигнута когда-нибудь в будущем.

Апрель — октябрь 2012 года